

Александр Черниговский

Еретик. Войны мёртвых

Этот мир умер тысячелетия назад. Солнечный свет едва пробивается сквозь пелену вечного мрака. Ожившие мертвецы ведут жизнь похожую на прежнюю, но бесконечно жестокою. Всякое существо здесь — пища. И только зло, еще более древнее, чем нависшее над миром проклятие, сможет вернуть все на круги своя.

Пролог

Показания. Знаки, символы, образы — все идет в дело. И все же непростое это занятие, быть предсказателем. Даже после смерти ты остаешься слугой своего дара.

— Господин Зеин, оторвитесь хоть на минуту! — пробивалось сквозь залиvistый женский смех.

Да, Ангус, ты совершенно прав. Нельзя весь остаток бытия заполнять одной лишь работой. Хотя откуда тебе, мальчишка, знать, что такое работа? Подобные мысли часто витали в голове старого мага. Племянник попросту издевался над ним. Он и эти девушки прекрасно знали, как выглядят их теплые игры в мягком свете колдовского инвентаря. Блестящие ауроскопы, печати, гримуары, сосуды, реторты — ничто не могло сравниться с такими простыми, забытыми радостями живой плоти.

— Не мешай, Ангус, — просипел старик, не отрывая взгляда от приборов. — Отведи милых дам в свои покои. Уверен, блеск золота хорошо дополняет отсветы пламени.

— Вы сохранили чувство прекрасного, господин? — усмехнулся юнец, поглаживая бледными пальцами томных наложниц. — Пожалуйста, закройте от своих забот и отдохните. Просто поглядите, какие прекрасные люди собрались в этих древних стенах! Грета, душа моя, изволишь ли ты составить компанию нашему повелителю?

— Это честь для меня, хозяин, — прошептала одна из девушек, обведя языком острые зубки.

— Простите, дамы, Ангус, но мне сейчас не до отдыха.

— Бросьте, дядюшка! Неужели столь великого колдуна уже не привлекают маленькие радости бытия?

Взгляд немигающих зеленых глаз пронзил нежеланных гостей, и девушки исчезли, смеющимся облаком вылетев через неприкрытую дверь. Ну что с ним делать? Даже Катаклизм его не исправил. Плоть по-прежнему осталась для него игрушкой. А может, для некроманта кости давно стали клеткой.

— Не зазнавайся, щенок! — прорычал Зеин. — Смерть давно разделила нас, и теперь ты Барон, а я — твой повелитель! И как ты додумался притащить шлюх в мою лабораторию?

— Бросьте, дядюшка Зеин...

— Господин Зеин, вампир!

— Хорошо-хорошо, господин Зеин, — усмехнулся племянник, — к чему такие грубости? Мне здесь не рады? Что ж, я с истинным прискорбием покину эти мрачные колдовские чертоги.

— Нет, ты нужен мне здесь. В следующий раз любой посторонний превратится в пепел.

Старик вернулся к работе. Ангус остался скучать на высохшем диване. Магия при жизни смогла тронуть сердце юноши, но все алхимические, магические символы, жуткие и громоздкие приборы, строчки рун, всплывающих из их неведомых глубин — это было выше его понимания. Он смотрел на древнюю лабораторию, плотно забитую старым железом, и

не мог поверить, что когда-то сам рвался в ученики к своему проклинаемому всеми людьми родственнику. И кто бы мог подумать, что Катаклизм поставит колдунов превыше всех королей, фараонов и царей?

— И все-таки, неужели я не могу гордиться тем, чем занимается мой господин? — спросил юноша.

— Потому что это тонкая работа, не терпящая спешки и посторонних глаз, — сухо ответил Зеин, — я тебе это уже объяснял.

— О Боги, может, хоть раз покажешь, во что ты всматриваешься круглые сутки?

— Хочешь посмотреть? — прохрипел старик. — Конечно, тебе это не понадобится...

Ну ладно, подойди сюда.

Ангус с улыбкой воспарил к рабочему столу, ожидая увидеть нечто странное и фантастичное, то, о чем болтают смерды, ничего не смыслящие в магии. В мутном стекле ауроскопа его ждало мутное черно-серое марево, плавно переливающееся из одного оттенка серого в другой.

— И чего же тут интересного? — спросил он.

— Это отражение энергий нашего мира, — вздохнул некромант. — До Катаклизма оно переливалось всеми цветами, а сейчас — лишь грязь и пепел, пепел и грязь.

— И этим ты зарабатываешь свои души? Я разочарован.

— А я нет. Посмотри сюда. Видишь это?

— Да, соринка какая-то.

— Кхе-хе-хе-хе, нет, мальчик, не соринка. Это проблеск. Настоящий проблеск.

— Это должно мне о чем-то говорить?

— Не обязательно. Но в этом определенно есть что-то забавное. Я видел много проблесков. Они появляются там, где должны пробудиться спящие, но этот другой. Это проблеск Света.

— Что вы имеете в виду, дядя? — парень непонимающе посмотрел на сухое лицо старика.

— Что грядет нечто удивительное. Интересное. И если расчеты верны, то прямо у нас под носом.

— Прорыв Света? Бросьте, дядя, это лишь сплетни необразованной черни. Много ли вы видели случаев, чтобы ни с того ни с сего сияло солнце?

— Много раз. И ты тоже это видел.

— Когда? — удивился Ангус.

— Тогда, — ответил Зеин, — при жизни.

Глава 1. Восставший

Я слышу его. Он шепчет мне. Что-то важное, но я никак не разберу, что. Но чувствую, все должно быть по-другому. Кажется, он зовет меня проснуться. Как? И зачем? Здесь нет ничего, кроме меня и его речей.

Но меня тянет вниз. Холод внутри нарастает, что-то сотрясает меня, тащит к себе мертвой хваткой.

И я здесь. Не знаю где. Просто здесь. Кругом тьма, и что-то мешает мне встать.

Кто-то ломится ко мне. Удар за ударом пробивает дорогу в мою темницу. Удар за ударом, удар за ударом...

«Шевелись, пень трухлявый!» — доносится откуда-то сверху. «Да, господин, работаю, господин» — отвечают ему. Удар, удар, еще удар, и кусок моего логова крошится мне на

лицо. Оттуда пробивается тусклый, голубоватый свет фонаря.

— Эй, кажется, я что-то нашел!

Это мягкий свет, но он режет мне глаза, и я вижу лицо моего освободителя. Высохшее, гнилое. У него нет одного глаза, череп просвечивает сквозь тонкую кожу. Как он уродлив. Он смотрит на меня, я смотрю на него. И с каждым мгновением его лицо искажается страхом, становясь все уродливее. Но меня тянет к нему. Я чувствую... я... хочу есть... я... хочу... е-е-е-есть!

«ВАМПИР!» — кричат они, — «ВАМПИР!». Мне не важно. Я проламываю свою каменную клетку и набрасываюсь на спасителя. Он дергается, зовет на помощь... И я высасываю его. Чувствую, как остатки его души наполняют меня! Да, блаженство! Но вот он рассыпался в пыль, а я все еще голоден!

«ВАМПИР! СПАСАЙТЕСЬ! ЗОВИТЕ СТРАЖУ!» — как мне это надоело. Но их все еще много, и я хватаю всех, кого успеваю поймать. Сила наполняет меня, прах рекой сыпется сквозь мои пальцы. Пробуждение, ничего сладостнее еще не видал! Кто-то вонзил кирку мне спину. Как он посмел?! Теперь он висит предо мной на собственном инструменте, корчась от боли, ожидая, когда придет его участь.

— Целься!

Я слишком отвлекся! Их стрелы смотрят на меня, и я не знаю, куда бежать, и повинуюсь зову ярости, бросаюсь навстречу гибели.

— Пли!

Десятки арбалетных болтов пролетают мимо меня, даже не оцарапав. Стоит ли верить в мою удачу? Конечно же нет. Две гнилых головы слетают с плеч после встречи с моими когтями, и несколько стрел вонзаются мне в грудь. Но я еще не устал.

Они размахивают своими железками, пытаются разрубить, проколоть, раздробить мои кости. Какие же они странные. Такие хрупкие, пыльные, словно иссохшие деревца. Что-то алое капает на землю. Пахнет... кровью. Моей кровью. Почему не их?! Я хочу видеть их кровь!!! Они должны страдать!!!

И железо не спасает обидчиков. Они падают мне под ноги, орут, стенают во всю мощь своих сгнивших глоток. И ни одной капли жизни не пролилось из их рваных ран. Только прах и серое мясо. Они лежат, зовут подмогу, и мне не стоит здесь задерживаться.

Уже виднеется в коридоре свет нового фонаря. Темнота мой лучший друг. Она укрывает меня от их назойливых взглядов, спасает мое израненное тело. Кричите, гнилушки, кричите. Копоштесь, как муравьи. Вы — ключ к моей свободе. Камень такой холодный, слышен только топот их тяжелых сапог, и после недолгих скитаний по темному лабиринту я выбираюсь на поверхность.

Все не так, как я помню. Не было ни солнца, ни птиц, ни дивных цветов и вьющихся трав. Повсюду расплзлись черной паутиной строительные леса, по которым семят эти неаппетитные создания. Черная земля под пепельным небом. Сторожевые вышки, словно зубы древнего чудовища, держащего в пасти сотни усталых измученных душ. Но неужели это конец? После долгого сна самое время размять затекшие члены!

Несколько коротких мгновений боли, и болты улетают в мертвое небо. Пусть достанутся достойному охотнику. Огромными прыжками я преодолеваю острые скалы, распугивая несущих свое позорное ярмо муравьишек. Как же это бодрит! Я начинаю что-то вспоминать. Странные ощущения, никак не связанные между собой, но это уже не важно.

Охранник на башне целит в меня своим грозным оружием, и его глаза горят задорным

огнем. Нет, это горит стрела своим грозным неземным пламенем. Все же из него вышел плохой охотник. Пока он прицеливался, я уже забрался на место его караула и схватил его за толстую, жесткую шею. И тот же испуг в затуманенном взоре — его душа перетекает в мое грязное тело, залечивая эти мерзкие сквозные дыры. А вкус заметно лучше, чем от этих доходяг под землей.

— Зовите Барона! — рявкнул могучий бас откуда-то сзади. Похоже, он у них за главного: здоровенный толстяк, закованный в тяжелые латы, словно переполненная бочка в тесные кольца. Он бежал в мою сторону, размахивая ржавым топором и безжалостно распихивая неосторожных рабов. — Теперь это его проблема! Только вздумай вновь сюда сунуться, тварь! Покромсаю, как скотину!

Мечтай дальше, туша! Я больше не вернусь в эту дыру! Там, за стеной — огромный город, полный вкусных и сытных душ! Стоит только дотянуться! Вперед, чего же я медлю?!

Теперь меня ничто не держит! У меня нет рук — сейчас это крылья! Безудержной тенью я проношусь над скалистой пустошью навстречу еде. Да, уже отсюда до меня доходит аромат свежей добычи. Город мерцает своими огнями, приглашая меня на свой щедрый и радостный пир. Нельзя отказывать щедрым хозяевам... Какие странные мысли, словно рожденные чужим сознанием вертятся в моей голове. Ничего, всему еще придет время, надо только хорошенько подкрепиться! Как же я голоден!!!

Да, мир уже совсем не тот. Я помню, что когда-то... в прохожих еще текла кровь, а солнце готово было иссушить меня в пыль. И сейчас я сижу здесь, в старом заброшенном доме, скорчившимся в посмертных муках запустения, а на руках у меня дрожит плоть. Наверняка, раньше она была прекрасна: мягкое лицо, длинные волосы, тонкая шея... и это серое вылинявшее платье облегалo ее нежное тело. Даже сейчас перед моими глазами предстала красота, пусть и подернутая болью всеобщего мора. Что же случилось с этим миром? Почему ночи так темны, а пламя фонарей такое холодное? Как же долго я спал. Невыносимо долго...

— Нет, господин, пожалуйста... — шепчет мне красота. Она пытается плакать, всхлипы вздымают ее грудь. Но в выцветших глазах нет ни капли слез, а в ребрах зияла дыра. И это лицо... Красота видит монстра во мне, и она права. Я гораздо страшнее любого чудовища, прогуливающегося по этим сумеречным улицам. Но я гораздо добрее, чем ей кажется. Она упокоится здесь, среди древней пыли, под черным бездушным небом, глядящим на нас сквозь пробитую крышу.

— Спи, — шепчу я ей. — Спи.

— Нет... пожалуйста, я не хочу...

— Спи, моя красота. Тебе ничего не грозит.

— Я... не...

— Спи-и-и...

Тени сгущаются в ее глазах, и она перестает дрожать. Теперь она легка, спокойна, ее сон безмятежен и сладок. Это единственный дар, что я могу отдать ей взамен жизни.

Душа медленно течет из ее серой высохшей плоти в мои уста, и я чувствую ее. Все горе, страх, и ненависть к собственному рабству. У нее остались братья, сестры... Она говорит, что они тоже проснулись... Не понимаю. Все так размыто, так спутанно, словно смотрю в зеркало собственного разума. Но ничего, я знаю, где они живут. Я преподнесу им дар, и малыши расскажут мне об этих местах. Надо же, маленькие мертвецы, навечно заточенные в

клетках собственных костей, без надежды встать и окрепнуть...

Какой тяжелый топот. Боги святые, неужели они так хотят ко мне подкрасться? С таким же успехом можно охотиться на уток, проезжая на слоне. Я знаю, что полагается за такие дерзости... да, знаю на собственной плоти... О Боги, как же все мутно!

— Эй, мой милый друг, Вы там? — звонко прощебетали снизу. — Пожалуйста, будьте так добры, спуститесь к нам. Обещаю, никто не причинит Вам вреда.

Наглый щенок! Как он смеет со мной разговаривать?! Даже отсюда чувствуется его вонь — неокрепшего мальчишки, юнца, жалкой пародии на наш род!

— Пожалуйста, не заставляйте уважаемых мужей прозябать эту прекрасную ночь на холодной улице. И не вынуждайте меня подниматься.

Какая самоуверенность... Хочешь меня поймать? Хорошо, я даже упрощу тебе задачу — останусь здесь.

— Ну что же... — вздохнул юнец. — Прошу, господа, он ваш!

Как же они гремят! Того гляди и дом весь обрушится. Но я подожду, мне некуда спешить. Тьма, моя добрая подруга, укрой меня от их глупых бессмысленных взглядов. Они ворвались, вышибли хлипкую дверь. Кричат, ищут меня, размахивают ржавыми тесаками, словно бравые мясники. Хе-хе, кто же из нас теперь скотина?

Тьма заключает одного из них в свои нежные объятия, и в ее тихом лоне я поджидаю свою добычу. Доспех, кольчуга, сколько шелухи придется разгрести... Но можно поступить и проще. Ничто не защищает их шею, а кости такие хрупкие.

— Где эта тварь?! — кричат стражники, озираясь по сторонам.

— Смотрите в оба, господа! — усмехается снизу мальчишеский голос. — Это вам не подземелья от фералов зачищать! Наш друг может быть где угодно!

Он говорит правду. Везде, где Тьма, там и я. Разлит во мраке, словно туман. Они ступают во мне, смотрят на меня, и я вижу их через тысячи глаз. Они не знают моей силы. И поплатятся за это!

Один миг, и солдаты с криком проваливаются в пустоту. Мои руки разрывают их мертвую плоть, они ничего не могут с этим поделать. И наступает тишина. Ах, блаженная тишина, как же я тебя заждался.

— Эй, brave солдаты, вы что, заснули? — устало выкрикнул Барон. — Мой друг, я не в обиде на Вас за то, что Вы лишили меня целого отряда прекрасных бойцов, но все же настоятельно советую Вам сдаться. Ведь мы одной крови, и, надеюсь, это поможет нам прийти к согласию!

Ждешь команды, словно гончая? Смотришь в пустое окно, и ничего не замечаешь. А я тебя вижу. Твою наглую ухмылку, расшитые золотом одежды, даже эту девичью заколку в твоих волосах. Ты считаешь меня зверем, юнец... Что ж, я считаю тебя позором! Для всей нашей крови! Ты не вампир, нет, никоим образом. Малец, упивающийся навалившимся бессмертием!

— Хорошо, мой друг, как Вам будет угодно. Я всецело уважаю Ваш выбор, хотя какой позор — тащить такого прекрасного воина в силках! Да будет так.

Надо же, ты умеешь летать, юнец? Прекрасно, прекрасно, из тебя может выйти толк! Хм, какой прекрасный запах... Кровь! Настоящая, текущая в твоих венах! Наконец-то я смогу утолить свой голод! Воистину, Боги несут мне щедрые подарки!

Раздается тихий свист, шипение...

Взрыв!

Облако кровавого тумана наполняет мои легкие, и я вылетаю на холодный камень пустующей улицы. Мое убежище рассыпалось в труху по мановению тонких пальцев этого мальчишки. Он летит ко мне, медленно, важно, гордо, пытается уязвить меня в самое сердце. Багровый туман обрамляет его, словно ореол, заполняет собой мертвый воздух вокруг. Он уверен в себе, и стоит признать, заслуженно. Он владеет каплей нашего наследия, и это будет его последней радостью на этом свете.

— Надо же, Вы ни капли не удивлены! — усмехается он. — Но я, признаюсь, несколько опешил. Все же не каждый день приходится умирять собственного сородича, тем более такими методами.

Великая Тьма, помоги мне разорвать ему глотку! В мгновение ока я выпрыгиваю из ее приветливых объятий, мои когти устремляются к наглomu мальчишке... Что такое?! Еще один замах, и вновь он ускользает от меня! Раз за разом я тяну к нему свои руки, но за миг до гибели эта тварь плавно — в насмешку! — уходит в сторону. Словно знает все мои шаги заранее!

— Поразительно! Просто замечательно! — смеялся он, ускользая, словно змея. — Вы только проснулись и уже освоили свой Путь! Дядя будет просто счастлив!

Как же он меня злит! Бегает, уворачивается, ну сколько можно?! Хочешь поиграть?! Хорошо, ублюдок, поиграем!

— ЗАТКНИ ПАСТЬ, ЩЕНОК!!!

Зверь в крови вырвался наружу. Моя плоть начинает меняться, разрывать само мое естество, оставляя сознание где-то позади. Я лишь наблюдатель, следящий за судьбой юнца сквозь кровавое полотно перед глазами.

Он не успел! Когти черными крючьями вспороли его гортань, и кулак яростным молотом вбил его искаженное ужасом лицо в холодный камень стены обветшалого дома. Его кровь на моих руках, и я жадно слизываю ее, все больше и больше наполняясь его горькой... Не понимаю, почему так отвратительно... Боль!!! Невыносимая боль!!!

— Что же ты такое? — прохрипело надо мной. Из последних сил я поднял глаза, и последней незамутненной гранью сознания запечатлел кровавое марево, из которого медленно, словно нехотя, выплыла голова наглеца. Бледная, в алых трещинах плоти. — Определенно, дядюшка с ума сойдет от восторга. Но прежде, чем ты впадешь спячку, как последняя мышь, я дам тебе совет, чудище: не смей НАЗЫВАТЬ МЕНЯ ЩЕНКОМ!!!

Глава 2. Гость

— О Боги, Ангус, что ты с ним сделал? Разве так встречают гостей?

— Это не гость, господин, — прорычал вампир, разглядывая себя в зеркальце. Если пустить заживление на самотек, наверняка останутся шрамы, — это дикий зверь, которому требуется крепкая цепь. Ты меня совсем не слушаешь?

— Ты склонен преувеличивать, — отмахнулся старый некромант. Распластавшееся на столе тело интересовало его гораздо больше, чем пижонские жалобы искалеченного племянника. Его мелкие царапины не шли ни в какое сравнение с ожогами гостя, практически сваренного заживо в собственной крови. Но был один факт, согревающий холодные кости Зеина — вампиры не рассыпаются в прах, пока в их разорванных, обиженных, иссушенных телах остается последняя искра... Нет, не жизни. Но чего-то очень похожего. — Что же в нем было такое, что заставило тебя использовать кровь?

— Во-первых, если Вы не забыли, дядюшка, эта тварь сожрала всю мою личную охрану!

— Не вижу в этом ничего необычного, Ангус. Когда ты очнулся ото сна, мне пришлось

пожертвовать двумя лучшими адептами, чтобы привести тебя в чувство. А ведь они подавали большие надежды...

— Во-вторых, — злобно перебил его племянник, — не прошло и нескольких дней, а он уже овладел Путями!

— Ты хотел сказать «Путем»...

— Нет, дядя, Путями! Этот ублюдок взывал к Тьме в Истинном обличье! Многие из нас на это способны?!

— Хм, это уже интересней... — прошептал некромант, почесав клочок бледных волос на подбородке. — Будь добр, подай мне фокус, синий.

— Чего?!

— Ох... Кадило, с эстерийскими рунами. И один средний золотой сосуд.

— Будет исполнено...

Для древнего и могущественного волшебника в инструментарии царил непростительный хаос. По крайней мере, так думал Ангус, прохаживаясь между рядами полок и стеллажей в соседней комнате. Целый склад магической утвари, без какой либо маркировки и классификации. Порядок, назначение и методы пользования этим богатством дядюшка держал в своей пыльной голове, никому и никогда не передавая эти знания, даже самым лучшим своим ученикам. К счастью, все вещи находились здесь в единственном экземпляре, и спутать их с чем-то другим было крайне сложно, даже не зная особенностей всех надписей и рун, покрывающих инструменты.

С алхимическими компонентами дела обстояли тем же образом. Все это невероятно злило молодого вампира, и приходилось уповать только на ценные указания его хозяина. Теперь как ученик Ангус был бесполезен, но до него не раз доходили слухи, что древние вампиры хранили в своих руках сотни книг, позволяющих познавать внутреннюю сущность их проклятия и пробуждать спящие в крови способности. И эти фолианты наверняка не были безвозвратно утеряны. Черный совет хранит множество тайн, и даже если твой дядя один из иерофантов, не видать тебе мудрости Путей. Лишь надежда на собственные силы и опыт.

— Ну где ты бродишь? — проворчал Зеин, принимая инструмент в костлявые руки.

— Все потому же поводу, господин. Ваша паранойя никоим образом не облегчает наше существование.

— Оставь свои пререкания, Ангус. И будь добр, выйди за дверь. Мне бы не хотелось очередной раз выносить тебя на руках.

Вампир оскалил покосившиеся клыки, но перечить господину не стал. Вокруг чернокнижников всегда крутилась грязь иных миров, и мало кому по силам было наблюдать за изысканиями пыльных мудрецов.

Дверь захлопнулась, и некромант принялся за работу. В его холодном, кристально чистом разуме заблестал огонек любопытства. Что же скрывает это изуродованное тело, что за силы направляют это, без сомнения, мощное, удивительное создание — ничто не укроется от колдовского взора старика.

— Ну что же, — вздохнул Зеин, заливая смрадную чадающую жидкость в древнее кадило, — поведай мне свои секреты, добрый друг. Ведь ты не так прост, верно?

Погасив холодный свет фонарей, маг погрузил лабораторию в темноту. Мгновение в каменных стенах звучала тишина, словно безмолвный вестник наступающей грозы.

Шипело зловонное варево, разнося по комнате клубы едкого, тягучего тумана, и в такт звону цепи Зеин шептал свою грозную песню. Его глаза видели сквозь пелену мрака, как

дым стучается над телом гостя, как неуправляемые и тонкие силуэты копошатся в тяжком смраде, пронзая своими когтями искалеченную плоть.

Все громче звучала песня, все настойчивей скребли по телу злобные духи. Даже сквозь глубокий сон вампир чувствовал, что его разрывают на куски сотни алчущих демонов. Они были везде, повсюду звучал их жадный вой, и жгучая жажда пронизывала его насквозь. Картины, смутно знакомые, прекрасные, всплывают перед глазами, но боль сильнее восхищения. Он был готов кричать, биться о холодный камень, растерзать любого на тысячи частей, лишь бы это прекратить.

— Нет, мой друг, еще не все, — шептал ему на ухо старый маг. — Прошу, терпи, еще немного. Ты ничего не потеряешь, но преподнесешь подарок, как самый щедрый гость. Умоляю, еще самую малость...

Он вспомнил! Кровь, реки крови, ярость и бешенство его народа. Фабиан! Фабиан во всем виноват! Он предал всех, нас, людей — все стали жертвами его обмана! Кларисса... Она лежит на белых руках, и ее жизнь утекает сквозь холодные пальцы... **НЕТ, НЕТ, НИ ХОЧУ, НЕ НАДО, ОТПУСТИТЕ-Е-Е-Е-Е-Е!! ФАБИАН, ТЫ, СУКИН СЫН, Я ВЫ ТВОЮ ГЛОТКУ СОБСТВЕННЫМИ ЗУБАМИ!!! ТЫ СЛЫШИШЬ, УБЛЮДОК?! СЛЫШИШЬ МЕНЯ?!**

Все сущее заполонила боль, словно адское пламя вырвалось из преисподней. Кровавый занавес не желал расступиться, застилая глаза пульсирующим саваном. Сумбур, царивший в его распаленном сознании, нельзя передать словами. Казалось, еще мгновение назад он был где-то далеко, невыносимо долгое расставание жгло его сердце, но с кем, и почему, это ускользнуло от него. Боль — вот все, что осталось от него.

— А, вы уже проснулись, повелитель? — донеслось до него откуда-то сверху. — Не шевелитесь, сейчас вам станет лучше. Чувствуете запах?

Запах... Да! Запах свежей, сильной души! Голод, он опять просыпается!

— Пожалуйста, наслаждайтесь. Душа дракона — редкий деликатес, но ради Вас я готов открыть все свои погреба.

Постепенно боль затихла, оставив лишь воспоминания, и сладкая нега наполнила уставшие мышцы. Впервые за это время он насытился на долгие месяцы вперед.

Словно нож по слуху пронесся далекий раскат грома.

— Вам несказанно повезло, повелитель, — спокойно произнес старик, опираясь сухими руками о каменный подоконник. — В наше время дождь — это целое событие. Кто бы мог подумать, что под этим сумрачным небом еще может родиться что-то прекрасное... Хотя, нам это уже ничем не поможет. Жизнь давно ушла, и дождям теперь нечего питать своей влагой. Даже кровь давно не обагрывает эти земли... Ну, в Вашем случае это не так. Как чувствуете себя?

— Бывало и послаще, — непослушным языком прошипел вампир. — Кто ты, старик? И где я?

Вновь небо разверзлось в узком окне. Старый маг, опершись на посох, тяжело вздохнул, словно не зная, что ответить гостю.

— Вряд ли мое имя покажется вам знакомым, господин. Меня зовут Зеин, а имя рода моего уже давно засыпал прах былых времен. И сейчас мы любимся слезами небес в моем замке, Флаур, если это вам о чем-то говорит.

— Никоим образом.

Гость был явно нев настроении болтать, а посему поднявшись на дрожащих руках он огляделся, но все было бесполезно. Хотя он и не пленник, но старику явно было что-то нужно от него, пусть гость и не понимал, чего.

— Ведь Вы заметили, что мир сейчас немного... изменился, — продолжил некромант, смотря на плачущие тучи. — Не хочу Вас обидеть, но Вы слишком долго спали в своей пещере. Если хотите одеться, мой гардероб к Вашим услугам.

Вампиру было плевать на наготу, ведь жар и холод для него лишь эхом прошлой жизни прозвучали. Той жизни, что уже давно не мог бы вспомнить. Но все же проявить вежливость ему пришлось, и шкаф открыл ему богатые, хотя и пыльные одежды старого колдуна.

— Такое чувство, что ты знаешь обо мне больше, чем я сам, старик.

— Увы, не многим больше, чем хотелось. Да, признаться, мой племянник Вас порядком истрепал, и я боялся причинить Вам лишний вред своей наукой.

— И что же ты увидел во мне, колдун?

— Только отголоски. Но мне приятно, что даже в наше время еще что-то способно меня удивить. Не всякий из живущих знаком с самим Фабианом Черной Кровью.

— Что это за тварь? — огрызнулся гость. Ни одно из многочисленных одеяний не подходило ему ни по размеру, ни по фасону.

— Как, Вы уже не помните? — удивился маг. — Похоже, Катаклизм сказался и на Вас, в каком бы крепком сне Вы ни прибывали. Неудивительно, что я так и не узнал имени нашего доброго гостя.

Имя... Такое простое слово может поставить в тупик... Вампир посмотрел на свои руки, словно пытаясь найти на них подсказку, посмотрелся в зеркало. Снежно-белое лицо, резкие черты, черные волосы, красные, переливающиеся внутренней злобой хищные глаза. Тварь из неоткуда, не знающее ничего, даже самого себя. Только жажда и обрывки умершего прошлого — вот все, что было перед ним. Загнанный зверь в сети собственных грез. Нет, никаких грез, это не сны, это чей-то голос... Теплый, сильный, звучит в его голове, сладким эхом отзывается в сердце. «Свет... свет...» — говорит он.

Что это? Свет.

— И не узнаешь, я ненадолго наслажусь твоим гостеприимством.

— И куда же вы пойдете, господин? Один, в незнакомом мире, без друзей и помощников.

— Зверь всегда найдет свою пещеру. — Все же кое-что из ветхих старых тряпок подошло гостю. Неприметные походные одежды, серые, как все вокруг. Даже ржавая пряжка сапог смотрелась тихо и жалобно, словно сирота.

— Не будьте так наивны, мой друг. Епископат уже давно скучает по кострам, и нет для них ничего лучше, чем сжечь загулявшего вампира во славу Темных Богов. Церковь никогда особо не дружила с светской властью, а сейчас им дай лишь повод...

— Ты итак слишком щедр ко мне, колдун. Я хочу сам во всем разобраться, но сначала надеру задницу тому щенку, что посмел напоить меня гнилой кровью.

— Всецело с Вами согласен, господин, но, по-моему, вам уже некуда спешить. Может вы не заметили — это не Некрополь, и даже не его окрестности.

— А что же это?

— Белендар. Весь мир теперь один сплошной могильник!

Гость непонимающе посмотрел на старого колдуна. Как? Сама суть вампиров — кровь, кровь есть душа... Что же случилось такого, что на этой земле не осталось ни капли

багровой жизни...

— Наконец-то я до вас достучался, — сказал Зеин, протягивая сухие пальцы к столику у окна. — Пожалуйста, присядьте. Мой рассказ не будет долгим, и я с радостью отвечу на Ваши вопросы, если таковые останутся. Немного крови?

— Чьей? — удивился вампир, располагаясь на холодном камне рядом с волшебником.

— Ну, скажем так... От бесчисленных пассий моего племянника я все же могу получить некоторую пользу. Не стесняйтесь, я хорошо забочусь о своих препаратах.

Резная пробка покинула непрозрачное стекло, и бурая жидкость коснулась языка гостя. Вкус все же был отвратен, хотя и удивительно знаком, отчего по телу прошла волна мягкого тепла. А может это лишь иллюзия — не важно. С начала пробуждения вампиром руководил его внутренний зверь, и только хорошая затрещина в лице малолетнего ублюдка смогла привести его в чувство.

— Знаете, перенести Вас в башню было весьма непросто, — усмехнулся некромант, сжимая в руке мерцающую мягким светом колбу. — Люблю это место, еще с самой юности. В те времена отсюда можно было разглядеть все светила, без телескопа и прочей мишуры. Здесь, под звездами, гораздо теплее, чем в моей лаборатории, сколько бы опытов я ни провел... Да, все-таки годы берут свое, господин, прошу простить меня.

— Пока у тебя достаточно выпивки, могу сидеть здесь хоть до самого Шамар-гана.

— Прагматично, господин. Что ж, пожалуй, стоит начать с главного.

Белендар, старый прокисший мирок, который я когда-то любил, медленно умирал под напором нежити из южных земель. Не только из-за нежити, но в основном по их милости. Голод, разруха, болезни, копившиеся в гнилых телах, да мало ли еще бед. И когда ядовитые пустоши разрослись настолько, что дошли до границ Танмира, сильные мира сего поняли, что пора забыть старые обиды и начать бороться с этой чумой сообща.

Конечно, с первой попытки ни у кого ничего не получилось. Войны продолжались, люди умирали, а нежить все настойчивее пробиравась в другие царства. Естественно, Танмир пал первым. Дальше были Агора, Хан-ми-цуон и Копхэт, а правители все не унимались. Наконец, последние выжившие архимаги и иерофанты храмов со всего Белендара решили взять инициативу в свои руки. Собрав все знания и оставшихся бойцов, они отправились отвоевывать отравленные земли. Но суть истории не в этом.

Среди самых могучих и властных волшебников сильнее всех выделялся некий Фабиан — придворный маг Лоренцо Четвертого, короля Итенлийского. Был он, как и все итенлийцы, крайне бурного нрава, но никто из придворных не смел ему перечить. Даже сам король находился у него на поводке, словно щенок. Именно этот еще молодой, но успешный волшебник сыграл свою горькую роль в появлении Катаклизма.

Не знаю, созрело ли это в его голове, или же его направлял злой рок, но все-таки он предложил правителям истребить нежить раз и навсегда. Как уверяли некоторые историки в свое время, культура Копхэта проявилась на свет после развала цивилизации Шанура, и как назло часть летописей и священных книг этого сведущего в некромантии народа действительно попали в руки жрецов песчаной страны. Во время одного из походов Фабиан обнаружил эти книги в развалинах старого храма в столице Копхэта, Ийон-амане. Если верить старым архимагам, к коим я, к сожалению, не отношусь, на итенлийца словно снизошло озарение. Среди пыльных страниц фолиантов он нашел карту древних городов и подземелий, которые люди Шанура построили в незапамятные времена, когда наши предки только вырвались из плена чащ и сменили шкуры зверя на приличную одежду. Может, это

дело вкуса... но я отвлекся, прошу прощения, мой добрый гость.

Через пути древних муравейников Фабиан рассчитывал добраться до самого сердца древней страны — Зиккурата, но сейчас он больше известен как Некрополь. Какой глупец мог сунуться в эту клоаку, трудно даже представить, но и короли, и архимаги поверили ему. Что у этого юнца хватит сил и знаний, чтобы усмирить то, с чем не справились могущественные колдуны древности! Все же я всегда поражался людской наивности, хотя... нет, я не буду их судить. Пусть они спят своим сном, пока Пробуждение не коснется их сухих костей.

Как бы там ни было, Фабиан получил одобрение королей и своих товарищей и двинулся в путь, за призрачной победой по мертвым корридорам в сердце проклятого Зиккурата. Много слухов ходило о его отряде, но этого уже никто никогда не узнает... Надеюсь, что я не прав.

Суть сего рассказа в простой, и удивительно банальной мысли. Когда итенлиец все же добрался до цели, планы всего Белендара рассыпались в прах. Что-то явно пошло не так, и в результате торжества сил Света, по миру в мгновение ока пронеслась волна черной магии, истребив все возможные формы жизни. Да, я понимаю ваш скептицизм, но все-таки, дослушайте меня.

Это событие позже было названо Катаклизмом. То проклятие, что спало в недрах старого Шанура, вырвалось на свободу, поглотив и произведя на свет то, что мы видим сейчас. Мертвецы просыпаются от своего вечного сна. Люди, звери, чудовища — и все это находится в странном балансе, суть которого я так и не смог понять. За все тысячелетия жизни Белендара в земле скопились миллионы костей, но на поверхность выходят лишь избранные единицы. Такое чувство, словно проклятие поддерживает само себя, скармливая одних выродков другим. Не обижайтесь, все мы мечены одним клеймом, и этого, увы, не изменишь.

Хм, дождь заканчивается... Жаль, недолгим было наше счастье. Хотите послушать еще? Что Вы так на меня смотрите, гос... А, Боги пресвятые, совсем забыл, хе-хе! Уж простите, я несколько увлекся. Сейчас принесу еще немного крови, и мы продолжим, верно? Очень рад, господин, очень рад.

Если мне не изменяет память, мы остановились на балансе. Этот баланс держится на двух фракциях, на которые разделилось все наше сообщество. С одной стороны мы, Личи, и с другой стороны они, Пожиратели. Вряд ли «Личи» о чем-то Вам говорит, но это словесно характеризует самую суть моего и Вашего существования. Личи, в мифах все того же треклятого Шанура, это повелители загробного мира, пожирающие души грешников и отправляющие праведников на небеса. Чтобы поддерживать свое существование мы должны питаться крупичками той самой магии, что подняла нас из могил. Естественно, нельзя отделить ее от тела без последствий, иначе наши хрупкие члены рассыпятся в пыль... Но это не важно. В ряды Личей входят все волшебники, вампиры, и то, что нынче называется Епископат. Я постараюсь рассказать о нас как можно подробнее, но попозже. Сейчас перейдем к Пожирателям.

С этими существами жизнь, точнее не-жизнь, обошлась гораздо более сурово. Поскольку они не могут вытягивать энергию напрямую из жертвы, им приходится в буквальном смысле пожирать тела своих... собратьев. По сути, это та же самая нежить, что когда-то отравляла существование наших с Вами предков, только сохранившая память о

своей прошлой жизни. Лучше бы они оставались спать в земле. Солдаты, крестьяне, рабы, варвары — вот те, кого мы зовем Пожирателями. Все же этих существ можно только пожалеть. Никаких способностей к выживанию, кроме как сбиться в толпу и обвесить себя старым железом, они не имеют. И если из сна просыпается вампир, или колдун, то у них есть минимальные шансы добраться до своих и утолить внутренний голод, то с Пожирателями все не так. Я видел многих из них: старые, ветхие, озлобленные, и если бы ото сна просыпались лишь взрослые... Скажите мне, господин, какой Бог способен посылать на эти вечные муки маленьких детей? Что они могут сделать в этом мире? Загрызть свою родню, или стать кормом для стаи бродячих собак? Вижу, вас это не сильно интересует, но что поделать, Ваше бытие обязывает быть циником, не так ли?

Ну что же, давайте разберем поподробнее наше с Вами общество. Начнем с вампиров. В большинстве своем это молодые и неопытные создания, бывшие аристократы, лица «голубой крови». Вместо того, чтобы получить свое проклятие старым образом, через кровь прародителя, они обрели свои способности благодаря Катаклизму. По крайней мере, если верить рассказам Старейшин, лидеров среди вампиров (не знаю, каким образом можно выбрать предводителя среди таких ярких развратников и индивидуалистов), Первородные обладали всеми силами своей крови, или как они их называют, Путями. Их всего три: Путь Зверя, Путь Теней, и Путь Крови. Большинство вампиров в наше время с трудом могут освоить даже один Путь, не говоря уже о всех трех. Исключение составляют только Старейшины — их власть, скорее всего, и подкрепляется освоением Путей, и сопутствующим могуществом. Мой племянник весьма красноречиво поведал мне о вашей... встрече, и, признаюсь, я рад, что хоть кто-то поставил на место этого щеголя... Что ж, я снова отвлекся.

Из всех существ, нынче населяющих Белендар, Ваш род поставлен, можно сказать, в привилегированное положение. Вы сохранили практически первозданный облик и старые чувства, чего нельзя сказать о всех остальных, вы сильнее большинства... да, можно сказать, людей, и продолжительный голод не грозит вам рассыпаться в прах. Многие бы пожелали просто заснуть до конца времен, ведь кому сейчас ведом сон? Но все-таки я не советую Вам ходить вне замка без охраны — любой крестьянин считает долгом кинуть камень в любое напоминание о прошлой жизни.

Многое можно рассказать о подобных Вам, но думаю кровь сама подскажет вам ответы на большинство вопросов, в этом вся Ваша суть. Лучше сейчас поговорим о нас, некромантах.

Так уж вышло, что наше наследие также дало свои посмертные плоды. Еще при жизни большинство магов усмиряли дух и плоть ради нашей великой Науки. Теперь мы можем всецело посвятить себя изучению тайн мироздания, благо нам уже ничего не мешает. Нам больше не требуется отдых, любовь, верность традициям и все то, что держало нас вместе с остальным человечеством. Лишь души и знания, вот и весь смысл нашего существования. Удивительно просто, даже учитывая нынешние обстоятельства. Просто, но, к сожалению, не настолько. Формально мы являемся правителями своих земель. По какой-то странной причине ни один из правителей старого мира так и не вернулся к жизни, поэтому нам приходится исполнять их обязанности. Но для большинства архимагов это не является насущной проблемой: всю работу по поддержанию земель в хотя бы относительно порядке за них исполняют Бароны, вампиры со странной тягой к серебру, несмотря на то, что для всех нас лунный металл является лучшим ядом. Почему к серебру? Элементарно — это

последняя ценность, сохранившаяся со старых времен. Может, Вы помните воздействие разных металлов на сверхъестественных существ: золото, при поражении жизненно важных центров, вызывает нарушение энергетических токов, приводя лишь к параличу, но серебро — вот истинная опасность и мера могущества смертных. Простая булава из этого прекрасного металла при должном использовании может превратить нас в горсть пыли.

Хотя, в целом, ничего не изменилось.

И наконец, о главных сребролюбцах этого мира — Епископат. Еще при жизни эти твари властвовали над душами людей, а сейчас... Суеверные неучи всегда избегали магов, боялись замков, населенных демонами и злыми духами, но сейчас роль пугала для народа играют именно они. Назойливые паразиты, сгребают столько серебра, что могли бы просто утопиться в нем. Но главное, как всегда, не это. Власть над душами, и образная, и реальная. Сотни пленных душ плетутся по их следам, извращая саму реальность. Каждая церковь, каждый собор — скопище слабых, измученных, вечно рыдающих духов, молящих каждого встречного о прощении. У них множество Богов, от всех народов и религий, но роднит их одно — Свет не придет, и лишь Темные Боги могут даровать свободу из этого ада. И для спасения нужна самая малость — непоколебимая вера и больше серебра. Они размахивают древними фетишами и совершают свои «чудеса», даруя простолюдинам «надежду и смирение». Эх, но стоит признать, без них вся свора Пожирателей уже давно бы не оставила камня на камне от наших замков.

Что ж, мы рассмотрели элементы нашего с Вами общества, теперь перейдем к Пожирателям. Не то что бы они были отделены от нас, большая часть простых людей входят в их ряды, но есть определенные... фракции, мешающие нашему мирному сосуществованию. Первая из них, конечно же, Легион. Старые воины, не пожелавшие и после смерти подчиняться чьей-либо власти, готовые при первой возможности всадить нож в спину тому, с кем еще недавно вели общие дела. Они не имеют четкой организации, каждая ячейка их так называемого «сопротивления» подчиняется собственному лидеру, ведущему свою скрытую войну против Личей. Нельзя до конца быть уверенным, что даже сейчас они не следят за нашей беседой, готовые в любой момент пустить стрелу нам в сердце. Конечно, ни один чародей так просто не отдаст свою крепость в руки каких-то жадных до боя вояк, так что можете быть спокойны, большинство попыток свергнуть нас с трона окончатся их сокрушительным провалом. Лишь однажды им удалось поднять бунт среди крестьян и захватить Камал, это древняя крепость-монастырь к югу от наших земель, но это скорее исключение. Портер давно выжил из ума, и окончательно распустившиеся Бароны не упустили шанса оторвать кусок от богатств дряхлого колдуна. К счастью, избежать последствий им не удалось. Власть мага-правителя сдерживает тех тварей, что толпятся возле стен городов, и без ключевого звена защитные чары рухнули. Что случилось потом, несложно себе представить.

И если бы дело было только в диких чудовищах. Нет, к сожалению, они не столь разумны, чтобы пожрать последних разумных существ на этой грешной земле. И так мы находим еще одну ложку дегтя в нашей бочке меда — Фералов. Дикари, снующие по пустошам в поисках пищи, бросающиеся на всякого, кто не ходит на четырех лапах. Не знаю как, но они нашли связь со всем тем зверьем, что подобно им питается заблудшими путниками и собственными сородичами, и эта связь, животная ненависть ко всему непохожему, ведет их на наши стены, бросает на наши копья, под тучи стрел, но, кажется, это их совсем не волнует. Если Легион распространил свою чуму в городах, то в пустошах

безраздельно властвуют эти проклятые дикари, и если вам доведется встретить их по дороге, лучше бегите, что есть сил. Да, господин, в это с трудом верится, но уже не одна сотня храбрых воинов полегла от их острых когтей, даже в оголодавшем Личе не найти такой яркой звериной ненависти, что искрится в глазах этих монстров!

Практически полной их противоположностью являются Механисты. Сухие и спокойные, эти машинопочклонники не признают ни Богов, ни демонов, ни даже магию, какой бы очевидно плотской она не казалась. Разум и логика — их кумиры. Они считают, будто все во Вселенной можно объяснить простыми взаимодействиями физических законов и математическими расчетами. Что ж, это их право, хотя мне весьма отвратно смотреть на то, что они вытворяют со своими телам во славу их «божественных» машин. Можете мне объяснить, зачем пришивать себе лишние конечности или менять свои природные инструменты на ржавое железо? Вы тоже удивлены. Но, уже в который раз, стоит заметить, что и они приносят свою пользу. Одежда, которую мы носим, газовые фонари, освещающие улицы, водопровод, даже эти проклятые дирижабли (машины для передвижения по воздуху, использующие газы различной плотности, чтобы подни... да, прошу прощения, это долго объяснять, но... не важно) и прочее — все это творения их железных щупалец. Но главная их заслуга далеко не в этом. Главным их изобретением по праву считается Эссенция, субстанция, обладающая удивительными питательными свойствами как для Пожирателей, так и для Личей. Если верить слухам, даже душа дракона уступает ей, но никогда не стоит доверять рассказам одурманенных вампиров. Эссенция, безусловно, весьма питательна, придает огромный запас сил и вызывает сильную эйфорию даже у лиц, не являющимися вампирами, но у нее имеется один весьма серьезный побочный эффект. При длительном применении разрушаются энергетические связи в телах потребителя, благодаря чему без очередной порции этого зелья впавший в зависимость индивид может развалиться на части гораздо быстрее, нежели бы его мучил голод.

Но все же именно этот дурман позволяет им держать некоторый нейтралитет в данной политической ситуации и работать на каждого, кто готов заплатить монетой или оказать какую-либо стоящую услугу. Говорят также что у них даже имеется собственный замок где-то посреди диких земель, и даже древние катакомбы целиком заняты их производственными цехами, но одно я знаю точно: в каждом крупном городе имеется представительство Братства Механистов, в котором можно заказать все, на что способен так называемый технический прогресс. И не советую заводить с ними дружбу. Их мотивы слишком расплывчаты и малопонятны даже самим адептам Братства. Неизвестно во что они могут Вас втянуть.

Что ж, мой рассказ окончен, и я вижу, что у вас остались вопросы. Пожалуйста, задавайте. Вы так внимательно слушали, это достойно поощрения.

— Вопросы? — усмехнулся вампир, выбросив очередную склянку в окно. — Да, вопросы, даже три.

— Я вас слушаю, — спокойно сказал маг.

— Почему ты зовешь меня господином, старик?

— Не утруждайтесь, это всего лишь одна из моих теорий. Она никак не скажется на наших взаимоотношениях, уверяю Вас.

— Сомнительно. Зачем ты мне все это рассказывал?

— Чтобы ввести в курс дела. Обычно этим занимается мой племянник или другие, в зависимости от того, кто очнулся ото сна, но опять же, мои теории не дают мне покоя.

— Все скрытничает... Хорошо. И что ты намерен делать дальше?

— Для начала, отправлюсь на встречу со своими коллегами. Мне еще предстоит решить множество дел, после чего мы обсудим дальнейшие действия по поводу Вашей персоны. А пока, будьте моим гостем, ни в чем себе не отказывайте.

— Ты даже не узнаешь моего имени, старик?

— Это абсолютно ни к чему. — Некромант скупно улыбнулся рядом пожелтевших от времени зубов. — Ведь Вы и сами его не помните, а дать ложное имя, значит солгать, а я никогда не любил лжецов, тем более в самом себе. Сейчас Вы просто мой Гость, и я предлагаю Вам и насладиться моим гостеприимством еще некоторое время.

— А если я уйду?

— Как пожелаете, Вас здесь никто не держит. Но все же я советую Вам остаться, иначе Вы можете многое потерять, и мне бы не хотелось, чтобы Вы затаили на меня обиду.

— Хм... — Вампир задумался. Стоит ли доверять старому чародею? В глубине сознания билась, словно птица в клетке, одна единственная мысль — не доверять магам. Ни за что не доверять магам! Почему? Откуда такая неприязнь к тому, кто излечил его раны и подарил столько, пусть и старой, но все же крови? Одни вопросы, как же от них болит голова! — Хорошо, старик, я приму твое щедрое предложение, как подобает доброму гостю. Но у меня есть еще один вопрос...

— Где сейчас мой племянник? — хрипло засмеялся Зеин, обвив костлявыми пальцами хрустальное навершие посоха. — Как всегда, развлекается со своими подругами в донжоне. Спросите любого, Вам подскажут дорогу. Или можете пойти по запаху, Вы изрядно подпортили его смазливое личико, я вижу тонкий след крови в воздухе.

— Ты прозорлив, чародей, — прошипел гость, обнажив белоснежные кинжалы клыков. — Тогда ты не будешь против, если в стенах твоего дома появится пара трещин.

— Соглашусь на любые жертвы, если сумеете выбить дурь из головы этого хлыща, — усмехнулся старик, постепенно растворяясь в воздухе. — Удачной охоты, мой друг! И да хранят Вас Боги.

Глава 3. Старые друзья

Не все собрались за круглым столом в этот день. Молох, Стефано, Вальдран, Сэй Фа, Нефертари, Вильям и Зеин. Ничтожно мало для настоящего собрания, маги давно плюнули на свои обязанности перед Советом. Лишь единицы еще могли считать это своим долгом, делиться новостями и знаниями со своими братьями и расписывать летопись новых времен. Раньше их единство держалось на страхах, надеждах и желаниях, всем том, что заставляло чародеев бороться за власть, силу и простое выживание, но кто теперь намекнет равным, что даже смерть — не оправдание тому, что они творили.

— Добрых дней вам, друзья и братья, — вздохнул Зеин, присаживаясь за свое место. Десятки созвездий, мерцающих на каменной глади стола, каждое — личное место для архимага, и лишь семь из них были заняты законными владельцами. Мельчают, беззлобно думал старик. — Уже многие встречи прошли в этих стенах, и, надеюсь, далеко не последняя. Поскольку я, Зеин Проклинающий, являюсь старейшим из здесь присутствующих, мне предоставлена честь открыть наше собрание. И первый вопрос, который мне кажется особенно важным и актуальным на данный момент. Где все?

Нефертари тихо засмеялась под своей фарфоровой маской, так, как умела только она. Когда-то высшая посвященная центрального храма Копхэт, а ныне одна из немногих дам, входящих в Совет, всегда любила красоту и роскошь, считая золото и рабов главным

украшением человека. Она имела право говорить такие слова, ибо мало кто в царстве песков мог сравниться с ней в красоте и самодовольстве. Но Катаклизм погасил в этой некогда прекрасной и мудрой женщине искру жизни, скрыв ее пеленой страха и лишив волшебницу немалой доли здравого смысла. Остатки бывшего существа теперь были надежно спрятаны под множеством бинтов, а стыдливый взгляд прикрывала фальшивая улыбка белой маски.

— Все дело в Малусе, старый друг, — проворковала Нефертари, опустив голову на ладони. — Молодецкий задор в который раз завел его не в те дебри. То же самое можно сказать о Бьерне и Нори.

— Малус всегда был выскочкой, сестра, — прошипел Молох, перебирая костлявыми пальцами яшмовые четки. Его лицо не скрывали маски, но встретить взгляд его пустых глазниц не пожелал бы никто. На счастье при жизни Молох не отличался красотой и изяществом, и посему всегда скрывал свою отвратную сущность в складках любимой мантии, — но не могли же все наши друзья поддаться на его безумные уловки. Кому еще нужны демоны, разгуливающие под окнами собственного дома?

— Все на удивление прозаично, друзья мои. — Вальдран же как всегда был весел, что никак не складывалось ни с его состоянием, ни родом занятий. Пожалуй, его можно было назвать самым «живым» волшебником, входящим в Совет Архимагов. Широкоплечий бородатый северянин, закованный в блестящий доспех, всегда лично встречающий врага у стен своего замка, мог выглядеть кем угодно, рабочим, воителем, даже сказочным королем, кем угодно, но только не магом. Пусть его волосы выцвели ни один век назад, но платиновый обруч, усеянный россыпью драгоценных камней, по-прежнему гордо венчал его седую голову. — Шафат, Пьер и Фан Чен рубят головы дикарям, это я точно знаю, а остальные олухи, будь они не ладны! Чахнут в своих лабораториях или купаются в серебре, вервольфа им в спину!

— Ну не всем же чесать свой топор о звериные шкуры, — засмеялась Нефертари. — А тебе бы явно не помешало, наконец, явиться во дворец, могучий Вальдран. Мне уже надоело требовать от твоих кровососов аудиенций, особенно если тебя невозможно застать дома!

— Прошу вас, друзья, давайте обсудим более важные вопросы, — спокойно вставил Сей Фа. Его мантия царского советника давно истрепалась, но восточный мудрец не желал расставаться со старой памятью. Как и весь его народ, волшебник жил собственным прошлым, пытаясь донести жемчужины своей страны до самого конца света. Даже нефритовые заколки, подаренные ему старым господином, сияли, словно для них не существовало самого времени. — Стефано, Вильям, вы ведь найдете способ порадовать нас своими успехами?

Стефано и Вильям. Вильям и Стефано. Итенлиец и санкельт. Абсолютно разные внешне, но неразлучны, словно близнецы. Молодые архимаги ордена Психиков, так далеко зашедших в своей дружбе, что две некогда разных души слились в причудливом симбиозе, что не мешало их новой единой личности править двумя замками одновременно, не забывая при этом глубже постигать неведомые законы вселенной.

— Всенепременно, малый брат, — синхронно сказали они. Незнакомец, впервые побывавший на подобном собрании, немало удивился бы при виде странной парочки, но чем еще можно удивить престарелых колдунов, пронзавших взором тайны мироздания? — Скажите, давно ли вы посматривали на Полотно?

— А чего я там не видел? — скривился Вальдран. — Уныло, как навозная куча. Только в куче был какой-то смысл.

— Да, ваш род все время тянет к навозу. — Никто не оценил шутку пыльной девы.

— Мы хотя бы не строили идолов навозным жукам, раз уж на то пошло...

— Пожалуйста, друзья, давайте быть серьезней, — все тем же тоном сказал Сей Фа. — Скорее всего Стефано и Вильям имеют ввиду странный всполох на Полотне Эфира.

— Значит, я не ошибся, — вздохнул Зеин.

— Воистину, не мне одной почудилась такая нелепица, — сказала Нефертари. — И какие у вас мысли на этот счет, коллеги?

— Думаю, стоит убедиться, что нам действительно не привиделось, — прошептал Молох. Сухая рука легла на мерцающий узор древнего камня. — Я готов.

— Что ж, это имеет смысл, старый друг, — сказал Зеин, последовав его примеру. — Есть какие-либо возражения?

Никто не стал противиться, даже Вальдран, нахмутив седые брови, положил руку на стол, приготовившись к Единению. Простой ритуал, которым испокон веков пользовались чародеи, дабы делиться со своими коллегами накопленными за долгие годы знаниями о волшебстве. Короткое единение памяти, так любимое Психиками и так презираемое остальным магическим сообществом.

Мягкое касание, и все волшебники увидели общую картину Полотна. С разных сторон они смотрели на одно и то же, на маленькую искру, застывшую в течениях мертвого мира. Золотая пылинка среди песка. Она приковала к себе их взгляды, рождая в небьющихся сердцах чувства, которые уже давно не могли задеть их зачерствевшие души.

— Фэх, мерзость! — прорычал северянин, отпрянув от волшебного узора. — И что это значит?

— Правильный вопрос, Вальдран, — сказал Зеин, — но, боюсь, ответа у нас нет. Пока нет. Какие у вас мысли на этот счет?

— Духи, — сказал Молох.

— Еретики, — предположила Нефертари.

— Обычный всполох, — огрызнулся Вальдран.

— Искра жизни? — спросил Сей Фа.

— Прорыв Света, — серьезно заявили «близнецы».

— Как всегда, самая разумная версия, — согласился Зеин, хотя и по-прежнему весьма расплывчатая.

— Сильный всполох, — добавил северянин, — видел я однажды, как прорвался такой «лучик». Одно мгновение, и десяток зверей — в пыль. Хотя давно уже такого не замечал в наших землях.

— Бросьте, друзья, — отмахнулась дева, — неужели вы верите в сказки о Прорывах? Уже давно известно, что сквозь эти треклятые тучи не может пройти никакой свет, ни солнечный, ни тем более лунный!

— Мы все видели одно и то же, сестра. Не будешь же ты отрицать очевидное? — усмехнулся Молох, состроив жуткую гримасу, которую едва ли можно было назвать улыбкой.

— Нет, но... Как вы себе это представляете?

— Необычно, но весьма однозначно, малая сестра. — Стефано и Вильям закрыли глаза, и через мгновение над столом вспыхнул тот самый кусок памяти. Только золотое пятно росло и росло, медленно, но уверенно, пока не расплзлось настолько, что превратилось в маленькое солнце. Несколько необычной формы. — Это ничего вам не напоминает?

Иллюзия ярко светила фальшивым магическим светом, предоставляя архимагам возможность разглядеть причину их спора поближе. Действительно, миниатюрное светило не было похоже на древний диск солнца, скорее оно напоминало яйцо или размытый овал. Коллеги могли лишь надеяться на собственную сообразительность — загадки «близнецов» всегда были гораздо глубже, чем казалось на первый взгляд.

— Хм, яйцо? — без лишних раздумий предложил Вальдран.

— Не совсем, малый брат, — сказали психики. — Кто следующий?

Все присутствующие неуверенно мялись, словно студенты на экзамене.

— Не стесняйтесь, господа, мы все равны перед фактами. Зеин, тебе есть что сказать?

— Да, безусловно... — тихо сказал некромант, — но я не хочу делать поспешных выводов. Предпочту сперва выслушать мнение коллег, если вы не против.

— Мудро, малый брат, но абсолютно ни к чему. Если вы приглядитесь повнимательнее, в этом маленьком клочке Эфира вас будет ждать приятный сюрприз.

— Действительно, похоже... — задумчиво прошипел Молох, положив четки на стол.

— Нет, нет! — возмутилась Нефертари. — Вы что, издеваетесь?!

— Знаешь, Нефертари, насколько я успел заметить, наши единоличные друзья давно разучились шутить с такими вещами. — Восточный мудрец тонко улыбнулся. — Не так ли, Стефано, Вильям?

— Удивительно, не так ли? — ухмыльнулись «близнецы».

— Бросьте, коллеги, это ненаучно! — вскрикнула дева.

— И все-таки весьма похоже, сестра, — вздохнул Молох.

— Неужто лик Божий? — задумался северянин. Все присутствующие обрушили на него шквал взглядов: одобрительных, презрительных и так далее. Кажется, они уже намеревались подробно разложить феномен по полочкам, как вдруг в Вальдрани неожиданно проснулось воображение.

— Хвала Богу Мудрости и Сновидений! — засмеялись Стефано и Вильям. — Осторожно, малый брат, если сильно сблизиться с Божественным, можно перенять его черты. А рога, стоит признать, тебе не очень пойдут.

— Хватит паясничать, чудище двуликое! — рявкнул северянин. — Может кто-нибудь, наконец, объяснит по-человечески, что это за дрянь?

— То, с чем мы давно не сталкивались, мой дорогой Вальдран, — сказал Зеин, поглаживая рукой наверхие посоха. — Может это и не Прорыв, но можно с уверенностью сказать, что ни духи, ни поклонники Светлых Богов не могли создать такое искажение в Эфире. Как бы то ни было, я уверен — в нашей не-жизни наступают большие перемены.

— Кажется, ты что-то говорил про поспешные выводы, Зеин, — пропела Нефертари, накручивая распутившийся бинт на палец. — Что ж, если мне позволят, я выскажу собственное: мы все видели одно и то же, но никто не может сказать, что именно. А по сему, хочу внести предложение — еще некоторое время пронаблюдать за Полотном, и уже на основе четких и проверенных данных делать выводы. Возражения есть?

Не смотря на то, что большинство присутствующих весьма прохладно относились к самовлюбленной волшебнице, никто не стал ей перечить. Все прекрасно понимали, что назревали перемены, повлиять на которые им в лучшем случае обойдется дорого, а то и вовсе придется принести в жертву весь прежний уклад их бессмертного бытия.

— Что ж, возражений нет. Этот вопрос требует продолжительного обсуждения в большем кругу коллег. И, если ни у кого нет вопросов, я предлагаю объявить наше собрание

закрытым и бросить все силы на изучение данного феномена.

— Конечно, — вздохнула дева, растворяясь в окружающей мгле. — Удачи, милые мои.

— Ага, и тебе, — усмехнулся Вальдран, направляясь за ней.

— Добрых дней, малые братья, — откланялись «близнецы».

Пустые глазницы тускло сияли под капюшоном Молоха, буравя Зеина пристальным взглядом мертвеца.

— Ты что-то хотел, сказать, старый друг? — спросил некромант.

— Не совсем, — прошипел маг, поднимаясь со стула. — Скорее, ты хотел что-то нам сообщить.

— О чем ты?

— Может быть, мне показалось, но это, так сказать, «пятнышко», знакомо тебе чуть ближе, чем всем нам.

— Ты следил за моими мыслями? — холодно сказал Зеин.

— Я слежу за своими мыслями, старый друг, — оскалился Молох. — Если ты чего-то стесняешься, скажи мне, я тебя не осужу. Ведь наша дружба длится еще с былых времен.

— Я никогда этого не забывал, Молох, но боюсь, мне нечего тебе сказать. Лишь голые теории, как и у всех здесь присутствовавших.

— Знаешь, Зеин, пусть я и не был посвящен в тайны психиков, но алхимики тоже умеют просчитывать связи. Ты бы не стал хранить секреты, если бы не знал, чем они могут для тебя обернуться.

— Прощу, Молох, давай разойдемся по-дружески. Нам обоим ни к чему затевать какие-то мелочные ссоры.

— Безусловно, старый друг, но ты забыл о главной цели наших собраний — делиться накопленными знаниями и опытом. И сегодня ты высказал меньше слов, чем кто бы то ни было.

— А как же Сей Фа?

— Не переводи стрелки, Зеин! Ты не узкоглазый коротышка!

— И все же мне нечего тебе сказать, Молох, — отрезал Некромант. — Если у меня появятся четкие мысли, я обязательно их озвучу на следующем собрании. Думаю, ты поступишь так же.

Они молча смотрели друг на друга, два архимага, два старых товарища, два старых соперника, дразги которых не смогла разрушить даже смерть. Что связывало их в прошлом? Только лишь дух соперничества? Нет, там было что-то другое, более живое и понятное, чем простое соревнование. Элементалист, любящий простые чудеса, и алхимик, ненавидящий то, что делало его человеком.

Неоднозначно. Не бывает ничего однозначного, ни в этом мире, ни в каком ином.

— Твоя воля, старый друг, — вздохнул Молох, подцепив со стола блестящие четки. — Прости, если чем-то обидел. Ты же знаешь, я часто бывал резок.

— Должно хоть что-то оставаться неизменным? — Зеин улыбнулся. — Ступай с миром, старый друг. Добрых дней тебе и твоим землям.

— Да, поскорей бы.

Старые друзья, идущие бок о бок, старые враги, покоящиеся в земле... и новые проблемы, которых еще не знал ни один из них. Добрых дней? Да, поскорей бы — самый правильный ответ, на который был способен высохший маг. Поскорей бы.

Глава 4. Сладкая башня

Старик хочет, чтобы я играл по его правилам? Что ж, я не против, пока он так щедро угощает. Маги, жрецы, колдуны, знахари, шаманы — да катитесь вы все во Тьму! Если рассчитывает посадить меня на цепь, никакое волшебство не спасет его иссохшую задницу. И все же пока я здесь, у меня развязаны руки. Похоже, Зеин совсем не боится за сохранность своего жилища. Но я вежливый гость, так уж быть, постараюсь не оставить мусора после себя.

След крови тянется через весь замок, словно нарочно зазывает меня на славный праздник. И похоже, что я буду не только виновником этого торжества, но еще и незванным гостем.

Слуги шарахаются от меня, словно привидение увидали. Хотя о чем я говорю, здесь ни единой живой души, кого им бояться? Странно, может одежда старика мне не к лицу, или взгляд слишком голодный — плевать. Каким бы мерзким ни стал этот мир, в нем еще есть куда стремиться одинокому вампиру. Смерть солнца — всего лишь иллюзия, но за пеленой этой лжи для меня теперь возможно все!

Мечь!

По дозволению хозяина этих земель, да свершится воля моя!

Уже долгое время Ангус не мог оторваться от зеркала. Нити шрамов медленно зарастали под языками его наложниц, разжигая едва затихшую ненависть к новому гостю обезумевшего дядюшки.

— Проклятый упырь, — прорычал он. — Что он о себе возомнил?! Как посмел изуродовать мне лицо?!

— Тише, милый, не шевелись, — прошептала вампиресса, лизнув его щеку, — мы вернем тебе твое личико. И не стоит так беспокоиться, шрамы лишь украшают мужчин.

— Оставь свое мнение при себе, Кларисса! — огрызнулся Барон. Его рука со свистом пронзила воздух, но не достигла цели.

— Как же ты еще молод. — Она мягко улыбнулась, словно заботливая мать непослушному ребенку. Она действительно годилась ему в матери, что при жизни, что сейчас, но теперь ее белоснежные локоны не были признаком возраста. Скорее, большого, многолетнего опыта. — Даже столетия жизни не способны успокоить твою кровь.

— Не сравнивай меня с собой, сучка! Что дали тебе твои годы? Ты все еще шлюха в донжоне, и больше никто!

— Хозяин, пожалуйста... — прошептала одна из девушек, зализывающих его раны.

— Заткнись!

На этот раз он не промахнулся. Пощечина для вампира — ничто, но женщины всегда довольно обидчивы, и получив свою долю хозяйской ласки, молодая вампиресса выбежала из комнаты в компании двух подруг, оглашая каменные своды тонким девичьим плачем.

Нельзя сказать, что это был единственный случай в «сладкой башне». Старшие вампиры всегда презирали младших, считая их недостойными внимания слугами или живыми игрушками. Ангус, как сильнейший среди Баронов этого замка, мог позволить себе любую выходку, ровно до того, пока дядюшка не решит осмотреть свои владения получше. Глупо было бы надеяться, что волшебник, чары которого держат от разрухи целый город, не знал о всех бесчинствах, творившихся по воле Баронов. Скорее ему было все равно. Долг перед Советом Архимагов всегда волновал его больше, нежели прямые обязанности.

— Старый Барон восстанет из мрака, Новый Барон утопнет в крови...

— Кто-нибудь, заткните эту долбаную вещунью!!!

Девушка тихо шептала себе под нос, склонившись над обеденным столом. Она всегда была в стороне от веселья, и ни один вампир, даже Барон, не смел причинить ей вреда. Малейшая царапина на ее бледной коже, и Зеин лично разорвет обидчика в клочья. Маленькая рыжеволосая предсказательница, замкнутая сама в себе, изрекающая судьбы, не отличимые от бреда простого умалишенного.

— Милая моя, пойдем со мной, — прошептала Кларисса, взяв ее под руку. — Барон нынче не в духе. Пойдем, я угощу тебя вкусной душой, примем ванну и пойдем в кровать, хорошо?

Конечно, она не могла ей отказать, как любому другому. «Сладкая башня» — золотая клетка для слабых кровью. Томные одежды, драгоценности, внимание господ — все лишь фальшь и снисхождение к заложникам собственной немощи, неспособных силой отнять ключ от призрачных пуг. Кларисса давно усвоила этот урок, знала его и пророчица. Ни золото, ни мягкие опочивальни не могли дать им ничего, кроме стен, защищающих город от монстров с диких земель, и вечного заточения в оплоте черного изыска.

— Эй, сучки, подайте мне трубку! — рявкнул Ангус, глядя, как исчезают за дверью обнаженные спины вампиресс. Среди скамей и диванов шумно сновали его наложницы, подбирая трубку и плотно набивая ее Лунной Пылью. — Живей, живей!

Если нос меня не обманул, я на месте. Хотя если не верить носу, легко поверить ушам — хохот, визг и звон разбивающегося стекла. Хм, кажется, это называется... точно, бордель — обитель всех униженных и оскорбленных. Высокая башня едва ли не упирается шпилем в черное небо. Даже в замке нет таких громадин. Похоже, щенок любит броскую роскошь. Надеюсь, он не прочь поделиться каплей своего гостеприимства. Хотя вряд ли это у него семейное.

Соблюдая «этикет» вхожу через парадную дверь. Уже отсюда тянется облако боли и слез. Гости лютуют, гости хотят крови и зрелищ! И судя по царившему здесь веселью, им всегда будет мало.

— Чего-нибудь желаете, господин? — прошептали мне на ухо.

Хрупкая нежность лилась из уст этой девочки. Увенчана золотом и камнями не хуже любой княгини, золотистая прядь мягко спадает на личико, а в лазурного цвета глазах горит подобострастное пламя. Красота, но не та, что мелькала в моей голове...

— Желая, — оскалился я. От фальшивого тепла не осталось и следа, лишь страх перед сильной кровью. Другие посетители продолжали веселиться, не обращая на нас никакого внимания. — Где сейчас отдыхает Барон?

— Какой именно, господин? — ее голос едва заметно дрожал.

— Мелкий, наглый щеголь, — уточнил я.

Девушка слегка улыбнулась.

— Здесь таких много, — смущенно сказала она.

— Заметно. Племянник Зеина.

— А, господин Ангус? Он в своих апартаментах, на самом верху. Но у него сейчас плохое настроение, вряд ли он согласится Вас принять.

— Согласится, можешь не сомневаться...

— Вас проводить?

— Нет, спасибо, я сам. Добрых ночей, сестра.

Юркнув в свой уголок, девушка еще долго смотрела мне в спину. Даже не глядя в глаза я читал ее, как открытую книгу. Она не понимала меня, лишь чувствовала силу, власть старшего. Не понимала мыслей, не понимала запаха, все чувства говорили ей, что я чужой. И пусть, это не важно.

Шаг за шагом я приближался к этому ублюдку. Винтовая лестница, словно змея, вила свои кольца, и на каждом витке-этаже было одно и то же. Веселье и шлюхи, шлюхи и веселье. Об одном из них и вовсе не хотелось вспоминать. Смазливые молоденькие кровопийцы никогда не были моей страстью, даже сейчас я могу смело это утверждать. Каждый получит по заслугам, даже они.

Две сестры проходят мимо меня. Одна из них поднимает взор на мое изуродованное яростью лицо. Вот она, огневолосая, видит все. Ее взгляд гораздо чище и осмысленней, чем у большинства гостей этого странного места. Она уже знает, чего я хочу, и улыбка озаряет ее измученный лик. Ты тоже держишь обиду на этого ублюдка, красавица. Что ж, я утолю твою печаль, можешь быть спокойна.

Наконец, последний этаж! Я уже чувствую его вонь! И тут, на самой границе сознания промелькнула странная мысль: как поступить лучше — обойтись малой кровью, оторвать ему голову из Темноты, или поддаться внутреннему зверю и растерзать его у всех на глазах, на мгновение утолив эту проклятую незатухающую жажду крови? Такой простой выбор, но зудящий в голове, словно блоха!

И как всегда, все решил случай. Увидев меня, девушка, несшая огромный поднос, с грохотом уронила на пол свою ношу. Сперва все недоуменно уставились нее... И это был мой единственный шанс первым нанести удар.

Резкий бросок сквозь Тьму... он успел заметить меня! Трубка медленно вылетела из его губ, наложницы с дикими криками бросились в стороны. Прекрасная картина, но увы, в этой серой бесконечности некому и нечем рисовать.

Моя рука уже тянулась к его жилистой глотке, как багровая стена заслонила его и оглушительно лопнула, разбросав нас по разным концам комнаты. Со всех сторон летели осколки стекла и металла, деревянная щепка и каменная пыль заполнили собой раскаленный от животной ярости воздух. За мгновение я уловил резкий запах крови, настолько сильный, что не шел ни в какое сравнение с той нитью, по которой я пришел сюда. Но Тьма и звериная сущность спасут всякого, с кем чувствуют родство.

Скользнув обратно в спасительное лоно, я избежал хорошей дыры в своих ребрах. Алый сгусток величиной с катапультированный снаряд врезался в древний камень, и одной стеной в башне стало меньше. Ангус стоял, прислонившись к останкам посудного шкафа, озираясь вокруг с яростью испуганной крысы. Кровавый ореол окружал его с ног до головы, готовясь в любой момент превратиться во что угодно, лишь бы спасти своего хозяина. Как много крови, не пожалел ни одной из своих наложниц, эгоистичный подонок. Но это ему не поможет, клянусь всеми Богами!

Прорвав плену Тьмы, я выскользнул позади него. Когти опутали склизкие щупальца багрового щита. По всему телу поползли мелкие трещины, я взвыл от боли и ненависти. Как он посмел проделать это снова?! Еще ухмыляется перекошенным, изорванным, словно ветошь, ртом! Хочешь смешать свою кровь с моей?! Прекрасно, чем я хуже?!

Моя кровь — моя сила, она течет внутри меня, переливается, изменяет саму мою сущность, питая силой Теней и пробуждая забытые инстинкты... Она движется по моим жилам, но теперь у нее есть новый путь. Я укажу его ей, и она наполнит этого подонка, да

так, что он не выдержит напора! Вот уже перебивает его вязкие путы, перешивает багровый аркан на мой манер. И кто скажет, на чей же стороне сейчас победа?

Проклятая сеть перешла в мои руки, и теперь медленно забиралась под кожу наглому щенку. Он еще пытается сопротивляться, но я уже чувствую, как немеют его руки, а в глазах брезжит страх. Ему невдомек, кто сейчас стоит перед ним, и как я посмел обратить его искусство против него самого. Вот уже поддались ноги, подкосились, словно сухие ветки.

Медленно, пядь за пядью подбираюсь к его мертвому сердцу. Оно не бьется уже много лет, и никакой пользы от порабощения гнилого сосуда... Нет, все же есть. Напитать его своей силой, заставить разносить мою чуму по всему телу, вплоть до самого мозга, пропитать ею все, до последней жилки, и он уже готов сдаться.

Его глаза молят меня о пощаде, обещая все что угодно в обмен на продолжение своей жалкой не-жизни. Он мог бы дрожать, стенать и плакать, но отравленная кровь заполнила его почти до предела. Даже язык уже не находится в его власти. Лишь мозг еще сопротивляется из последних сил, ожидая своей участи.

— Хочешь жить, щенок? — прошипел я, выпустив зубы на всю возможную монструозную длину. — Хочешь, твоя кровь говорит, просто кричит об этом! Но ты не заслужил прощения, не быть тебе жалким рабом!!! ПРОЩАЙСЯ С ЖИЗНЬЮ, ЩЕНОК!!!

Один миг до триумфа, один единственный миг, и мертвая кровь разорвет изнутри несчастного Барона. Всего лишь жалкое мгновение. Напрасно.

— Хватит!

Упругая волна сбила сцепившихся кровью вампиров. Багровые нити расплескались по полу вязкой лужей.

Некромант вернулся в свои владения. С ровным лицом он осмотрел то, что осталось от вершины башни. Камень, осыпанный пылью и трухой, памятью бывшего величия этого места. Жалкие обломки стен, изуродованные тела прислужниц, и два чудовища, обрамленные багровым силуэтом — зверь охотящийся, и зверь загнанный.

— Вы перестарались, мой друг, — с холодом в голосе произнес волшебник.

Поднявшись на негнущихся ногах, гость посмотрел ему в глаза. Бурливший в душе хищник был готов растерзать наглеца, оторвавшего его от добычи, но человеческий разум твердил, что с магами не стоит состязаться в силе. Мутный взгляд скользнул по Ангусу, скулящему, словно побитый пес. Щенок он и есть щенок, и ничем не прикрыть этот порок. Барон не умрет. По крайней мере, пока. Ему грозит участь гораздо более позорная, нежели смерть от рук неизвестного собрата.

— Ты повержен, брат, — выдохнул вампир, — и станешь моим рабом. Моя кровь течет в твоих жилах. Это — печать моей власти.

Из растерзанного прохода не скрывая ужаса смотрели наложницы и слуги. Где-то внизу грохотали сапоги городской стражи, доносилась брань, погребая под собой крики впечатлительных гостей. Никто не понимал, что происходит в этих стенах, где даже боль и позор являются чьей-то усладой. Все это оставалось за закрытыми дверями, а теперь весь донжон шумел, точно улей, взбудораженный невиданным доселе взрывом чувств.

— Пожалуйста, пройдемте со мной, — сказал Зеин, обернувшись на застывших от удивления солдат. — Все в порядке, господа, расходитесь на свои посты.

Не задавая лишних вопросов, стражники, гремя тяжелыми панцирями, ушли восвояси.

— Нет, — сказал Гость, направившись к выходу.

— Простите? — удивился некромант.

— Нет! — прорычал вампир.

Зеин знал, что сейчас сделает его гость, но не стал ему препятствовать. Срывая на ходу разорванный плащ, вампир спускался по каменным ступеням, лоя на себе возмущенные, а где удивленные взгляды слуг и сородичей. Океан эмоций хлестал его сознание, сотни запахов возмущали его обоняние, и лишь две мысли витали в этом шуме — уважение и страх. И зарастающие раны на бледных руках усиливали накал страстей вокруг загадочного бойца. Уже никто не сомневался — в мертвых землях грядут большие перемены.

— Кха, ублюдок...

Даже сквозь пелену раболепия Ангус ненавидел своего нового хозяина. Стать игрушкой — лучше утопиться в серебре, чем вести столь жалкое существование! Но что он мог сделать с проклятыми узами, скрепившими все его естество с той ужасной тварью... Нет, это не просто вампир, даже Старейшины не позволили бы себе такую дерзость, даже не объявив о честной дуэли.

— Вытрись. — Зеин протянул племяннику длинный серый платок. Тот вырвал его из руки мага, стер кровь с лица и вышвырнул грязную тряпицу в пробоину в стене. — Я в тебе разочарован, Ангус.

— Он... не один из нас, дядя, — прошипел Барон.

— Я знаю, — согласился некромант. — Он выше любого из вас.

Глава 5. Пророчество

Теперь я знал больше, гораздо больше, чем рассчитывал. Сама суть этого наглого юнца впиталась в мое тело, вместе с его проклятым искусством. Но важнее всего — знания. Лица, звуки, запахи витали в моей голове, включая осколки чужой памяти в мозаику старого разбитого сознания. Ничего о моем прошлом, но не суть. Пусть зверь внутри ведет меня к цели. И он шепчет мне о силе. Мне нужна сила. И я знаю, где ее взять.

Жалких крох памяти, подаренных новым рабом, не достаточно. Но есть одна зацепка. Она прошла мимо меня, усталая, измученная собственным бытием. Огневолосая. Вещунья. Я исполнил твое желание, Новый Барон утонул в крови, и теперь ты расскажешь мне о Старом. Ангус никогда не прислушивался к твоим словам, но Зеин, похоже, не одаривал своей опекой первого встречного... Нет, одного все же принял... Опять игры волшебников, Старейшин, подозрительность, паранойя, блеск острого серебра за каждым углом. Неужели весь молодняк настолько труслив?

Я спустился на нужный этаж и пошел за ней, опираясь на память крови. Весь замок казался удивительно знакомым, каждый ковер и фонарь отливал ноткой теплоты, жаром ярких воспоминаний хмельного экстаза... Нет, это все Лунная Пыль, будь она неладна!

Здесь уже не бродили гости, лишь слуги шуршали, словно тени. Им было все равно, каким ветром очередного гостя занесло в опочивальни «милых дам», это их не касалось. Кусок мертвечины, защита от бандитов, и при случае, одеяния с бледного плеча господ — смысл жизни загнанных зверей, привыкших к уюту собственных клеток.

Узорчатые ковры, устилавшие залы, сменились на простую серую дорожку, многочисленные картины, доспехи, оружие, шкуры чудовищ, исчезли, оставив весь блеск и надуманную роскошь там, где еще царит веселье. Лишь тусклые газовые фонарики тихо шипели на стенах, разгоняя гробовую тишину. Все же этот мирок гораздо интересней, чем мне казалось. Может, даже в Механистах есть какой-либо толк. Жаль кругозор Ангуса был

весьма узок. Определенно, за этим странным благополучием кроется нечто более занятное, чем алхимические дурманы и прелести наших сестер.

Стало заметно теплее. Из-за двери бил пар, слышался звонкий девичий смех. Значит, я на месте.

Баня. Молоденькие девушки и парни натирали друг друга мылом, проводя свой собственный «праздник», отдельно от опостылевших хозяев, словно не услышав грохот, еще недавно содрогавший весь замок. Завидев меня, они замерли, словно статуи, и натянуто улыбнулись.

— Добрых ночей, господин! — прошебетали три девушки, плескавшиеся в широкой металлической бадье. — Устали от шумной толпы? Присоединяйтесь, здесь всем хватит места!

Слишком рано, красавицы. Слишком много забот сейчас забивают мою голову. И на что вы мне сдались?

— Может, тогда останетесь с нами? — Видимо, молчание длилось достаточно долго, чтобы свора смазливых мальчишек решила перехватить инициативу у своих подруг.

Нет, ноги вели меня дальше, сквозь ряды разгоряченных обнаженных тел. Неужели все настолько боятся этой малютки, что выводят для нее даже отдельную парную?

— Старый Барон придет, матушка... Он придет... — бормотала вампиресса, обхватив колени тонкими руками.

— Конечно, Эльза, обязательно придет, — утешала ее Кларисса. Сколько лет она провела в этой башне, бесцельно прозябая долгие века в пропитанных страстью стенах. Но все изменилось, когда Зеин привел к ней эту девочку. Ее дар, удивительный для вампиров — клеймо, позор и вечное страдание. Архимаг лично просил ее, самую старшую из сородичей в его замке, взять пророчицу под свое крыло.

— Нет, матушка, ты не видишь! Никто не видит, а я вижу! — Матушка. Так звала ее Эльза. Она была единственным существом, не равнодушным к судьбе молодой вампирессы. Матушка. Все тепло немертвой души выливалось в этом слове. И похоже, девочка действительно верила, что у нее есть мать, пусть так не похожая на нее.

— Эльза, Эльза, успокойся, все хорошо. Этот наглый Баронишка больше не обидит тебя.

— Да, не обидит! Он никого не обидит! Он больше не Барон! — истерически смеялась вещунья.

— О Боги, о чем ты, милая? — удивилась Кларисса, едва не дернув девушку за мокрую прядь.

— Ты не слышишь, матушка? Земля кипит, она зовет нового повелителя! Он идет сюда, ты не слышишь?!

— Тише, милая, тише... Пусть все будет так, как есть. Пожалуйста, отдохни немного.

— Да, ты не видишь, матушка... И не слышишь... Не страшно. Он придет, ты сама скоро увидишь. Радуйся, избавление грядет, мы все уснем... Наконец уснем... Навсегда...

Дверь тихо отворилась. Словно тень Гость вошел туда, куда бы не осмелился пробраться ни один посвященный. Кровь запеклась на его рваных одеждах, а в глазах сияла сила. Он шел, как победитель к заслуженному трофею.

— Вот он! — вздохнула Эльза, обернувшись к нему. — Это он, матушка! Он пришел!!!

— Что?..

Тьма заполонила комнату, пропитала ее, смешалась с паром, проникла в каждый угол

парной. Кларисса застыла в ней, вмерзла в эту липкую тень. Все звуки ушли, словно их прогнали поганой метлой. Исчезла парная, исчезла Эльза — растворились в жуткой мгле.

— Ты ведь знаешь меня, вещунья?

Она смотрела мне в глаза. Ни капли страха, она понимала, кто стоит перед ней, оградив нас обоих от остального мира.

— Ты здесь... Спаситель... — улыбаясь сказала она. Повторяла это снова и снова, и по щекам текли слезы. Кровавые слезы. Ее взор затуманила багровая пелена, но она понимала. Гораздо больше, чем все вокруг.

Она выпрыгнула из бадьи навстречу мне. Обняла своими теплыми, нежными руками, словно друга... нет, возлюбленного. Возлюбленного... Боги, почему все это кажется мне знакомым? Кровь Ангуса? Нет, этот щенок не знает, что такое любовь! Тогда откуда? Откуда всплывают эти проклятые мысли? Кому нужны эти чертовы воспоминания?

— Спаситель... — шептала Эльза, впиваясь губами в мою грязную шею. — Спаситель, Проклятый, Неверный... Я твоя... Все — твое...

— Подожди...

— Некогда ждать! Ты пришел, значит, они тоже! Ты ведь справишься с ними, да?! Ты очистишь землю от боли и смерти?!

— Стой, вещунья... Я ослабел... Скажи мне, что...

— Не важно, мой хозяин! Ложись в ванну, ко мне, ты заслужил отдых.

— Нет, мне... нельзя... Иначе я... усну.

— Спи, мой любимый, спи. Я буду петь тебе колыбельную, как делала моя матушка. Хочешь послушать?

Силы окончательно покинули Гостя, и вся тьма, расплескавшаяся по комнате, ушла, укрыв его затухающий разум.

Клариссе казалось, что прошло лишь мгновение, но удивление все же отразилось на ее лице. Эльза по-прежнему лежала в своей ванне, а на ее руках тихо спал израненный незнакомец. Она пела ему песенку, ту, что слышал каждый ребенок.

Крики боли и ликования отражались от высоких колонн. Храм Камешу ждал изречений своего Бога, и жрецы его пробуждали древние фетиши от бесконечного сна.

— Славься, великий Камешу! Славься, Повелитель пыли! Славься, Владыка костей!

Архиепископ сверкал серебром и золотом в свете ритуальной жаровни. Подолы черной мантии плясали над мраморным полом, вторя узору, выбитому в старом камне.

— Славься, Камешу! Отдаем мы Тебе души свои, отдаем Тебе все, что имеем сейчас! Повелитель пыли, сохрани вечное! Владыка костей, сохрани неделимое!

Младшие жрецы стояли на коленях, склонив головы и жезлы свои пред сущим лицом своего божества. Высокий крест, сложенный из костей и праха стоял здесь с давних пор, глядя на своих поклонников мириадами пустых глазниц. Неупокоенные души питали его своей болью, затмевая тусклый свет окон храма. Прихожане склонились пред святым идолом, не рискуя поднять взгляд от пола. Призраки бледными тучами носились по залу, все еще пытаясь выбраться из своего вечного заточения в обители Темных Богов. Лишь Архиепископ стоял пред лицом Камешу, гордо выпрямив спину и подсыпая кости преступников и прах еретиков в жертвенное пламя.

— Славься, Лунный Бог! — Никто не видел его лица, спрятанного за тьмой рабских

душ, но в сердце своем он ликовал. — Мы здесь, пред ликом Твоим, на суде пред Тобой! Объяви нам нашу Судьбу! Яви наказание Свое или блага Свои! Воздай нам по делам нашим, ибо все мы — слуги Твои! Явись к нам в лике Своем! Явись! Явись!!!

Яростный крик сотен душ оглушил прихожан. Крест взревел, словно демон, заговорил на тысячу голосов, пока архиепископ не ударил своим скипетром по жаровне. Громкий гул пронесся по храму, и гомон идола стих.

— Приветствую тебя, Камешу, — начал священник, обращаясь к сияющему серебром лику своего Бога. — Возносим мы хвалу Тебе, ибо наши мольбы дошли до Тебя. Братья, сестры — встаньте же с колен и обратите взор свой на Господа нашего! Внимайте речам его, и откроется вам замысел сущего!

Жрецы и прихожане робко взглянули на крест, и восхищение захлестнуло их небьющиеся сердца. Каждому казалось, что Бог смотрел именно на него, и лишь Архиепископ знал, чьей силой частица Божественного загнана в старый идол, и чьей воле она теперь служит.

— Молю тебя, Боже, реки Свое Слово!

Повеяло холодом, словно крест тяжело вздохнул, готовясь произнести речь пред собравшимися.

— Долгое время прошло, — начал идол хором тысячи голосов, — но скоро все прервется. Долгое время скрывались неверные в пустынях и прахе веков. Теперь же они среди нас.

Толпа на мгновение зароптала, но тут же затихла под строгим взглядом жрецов.

— Они явят себя в ближние дни, и слова их будут о старой вере. О тех вещах, что отжили свое, и не желают уходить. Выйдет среди них предатель, рожденный во Тьме, но отдавший себя в руки Света. Он придет из верхов, хоть проснулся в черной земле, и поведет свое воинство к славным боям, и не будет мертвым покоя во всех городах и селениях. Тишина придет в мир, и каждый обретет, что заслуживает. Вот Слово Мое, дети тлена, несите его чрез моря и дороги. Да свершится то, что начертано Свыше.

Архиепископ стоял пред крестом, не в силах вымолвить ни слова. Он должен был отправить силу обратно во тьму, но Владыка костей не ждал чужой воли. Кости вновь запели свою адскую песню, и вязкая мгла заполнила храм.

Никто не ожидал такого ответа от Бога. Не раз изрекал Он предсказания, и счастливые, и мрачные, порой слишком жестокие, и никогда не лгал. Но сейчас никто не желал ему верить.

Сотни глаз смотрели на верховного жреца. Толпа ждала ответа. Что он мог им сказать? Что Повелитель праха разгневался? Что надо замаливать перед Ним свои грехи? Или предложить Ему больше жертв?

Страх едва заметно скользнул по его лицу, и прихожане взвыли, как звери.

Души в стенах вторили душам во плоти. Все ждали ответа, суда, утешения — чего угодно, лишь бы сбросить с себя груз неизвестности. Гнилые пальцы тянулись через заслон служителей. Они жаждали цели, жаждали смысла. Что ж, они их получат.

Глава 6. Память

Легкий ветер присмирел,

Вечер бледный догорел,

С неба звездные огни

Говорят тебе: "Усни!"

Тихий голос дрожал во тьме забвения. Он слушал эту песню, не понимая слов и смысла. Ему чудилось тепло, такое далекое, забытое через сотни прожитых лет.

*Не страшишься перед судьбой,
Я, как мама, здесь с тобой,
Я, как мама, здесь пою:
"Баю-баюшки-баю".*

Не хватило сил. Просто упал у ног провидицы, даже ничего толком не узнав. А теперь он лежит у нее на руках, словно дитя, и слушает колыбельную. Не хватает только теплой груди доброй кормилицы.

*Тот, кто знает скорби гнет,
Темной ночью отдохнет.
Все, что дышит на земле,
Сладко спит в полночной мгле.*

Он слышал, как она плачет. Не от горя, это точно. Пусть дрожит ее голосок, сердце бьется ровно... Нет, глупость какая, оно совсем не бьется. И все же он чувствовал ее радость, словно с рождения огневолосая вещунья ждала его прихода. Тварь без имени, пришедшая из неоткуда, дикий зверь, нарушивший тихое безумие местной жизни, был ей дороже всего на свете. Что же вертелось в ее голове, какие мысли, прозрения?

*Дремлют птички и цветы;
Отдохни, усни и ты,
Я всю ночь здесь пропою:
"Баю-баюшки-баю".*

О Боги, нельзя спать, только не снова. Надо превозмочь себя, не дать проклятой дреме пустить корни. Она уже уходит, да уходит! И теперь вновь возвращается голод, черт бы его побрал! Мой главный помощник, раскрывает мои глаза, и я вижу кровь, стекающую по белой девичей груди, и жадно слизываю багровые капли. Даже на вкус она совсем не такая, как у других сородичей. Ее кровь не пряная, не столь терпкая, но слаще в десятки раз, в ней чувствовалась радость и ноты грядущих побед.

Безумие девушки просачивалось в его голову.

Он поднимался все выше, по тонкой шее до нежной щеки. Что могло остановить его? Взгляд огромных черных глаз, из которых лились животворящие слезы. Вновь они смотрели на него, и в них не было страха и боли, лишь понимание и доброта.

— Вышей меня, — прошептала ему Эльза. — Вышей, и ты увидишь во мне себя.

— Я не могу, — ответил он, устало прильнув к ее груди. Они все еще лежали в теплой ванне, не расставаясь ни минуты, с него даже не стянули окровавленные лохмотья, — это сладкий яд...не благословение.

— Я видела тебя все это время. Ты — Спаситель.

— Не понимаю...

— Ты все поймешь, только сделай глоток.

— Нет, нельзя...

— Но ты голоден. Впусти меня, утоли свою жажду.

— Отпусти меня, вещунья... Ты — безумна, я не должен...

— Пе-е-ей...

Девушка прижала его голову к себе, словно младенца, и тихо ждала, пока голод и безумие окончательно сломят его волю. Такой соблазн, с жадностью выпиться в хрупкую

жизнь глупой девочки, удовлетворить ее сумасшедшее желание. Вот она, жизнь, стоит только надкусить.

— Эльза!

Распахнув дверь, в комнату вбежала Кларисса.

— Отцепись от нее, тварь!

Разомкнув объятия провидицы, вампиресса мощным рывком вытянула ее из бадьи, успев дать Гостью размашистую пощечину.

— Эльза, милая, зачем ты это сделала?! — испуганно спросила она.

— Ты не понимаешь, матушка... — прошептала девушка, потянувшись обратно к бессильно шипящему вампиру.

— Что я не понимаю?! Что?! Эльза, нельзя никому давать свою кровь!!!

— Матушка...

— Замолчи!!!

— Прекрати, Кларисса, — раздалось позади вампирессы, — все идет своим чередом.

— Но, господин?!

— Все в порядке, дорогая, ты хорошо потрудились. Помнишь наш уговор?

— Да... Да, господин Зеин.

— А теперь, будь добра, покинь нас. Эльза, можешь остаться. И будь добра, надень халат.

Удар был недостаточно силен, чтобы выбить дух, но Гость ослаб, ослаб настолько, что едва хватило сил повернуть голову. Сверкнув клыками, вампиресса вышла вон, с силой захлопнув дверь. Теперь перед ним стояли архимаг и вещунья, уже вернувшая своим глазам обычный вид, правда, испачкав свою одежду.

— Вы удовлетворили свое любопытство, мой друг? — вздохнул Зеин, присаживаясь на скамью у стены.

— Не совсем, — прошипел Гость, — я... не успел.

— Да, мой племянник Вас изрядно потрепал... Хотя, стоит заметить, Вы также не были милостивы к моему замку.

— Избавьте меня от подробностей, достопочтимый...

— Да, я вижу, Вам нездоровится. Примите это, вам определенно должно полегчать.

Из складок мантии мягко выскользнула знакомая склянка. Не медля ни секунды, Гость сорвал зубами пробку и жадно вытянул содержимое сосуда.

— Что ж, если Вы пришли в себя, я позволю себе задать вопрос: что Вы намерены делать дальше?

Тяжело вздохнув, вампир разбил хрупкую утварь о каменный пол и на отвердевших руках выбрался из ванны.

— У тебя уже имеются на меня планы, старик?

— Не будьте столь пессимистичны, мой друг. В конце концов, я Ваш единственный союзник на этой земле. И все же Вы не ответили на мой вопрос.

— Встретиться с сородичами. — Гость опустил на скамью рядом с вещуньей. — От них наверняка больше проку...

— Не говори так, Спаситель, — возмутилась Эльза, — господин Зеин еще не раз сослужит тебе добрую службу...

— Спасибо, дорогая, но лучше помолчи, — прервал ее маг. — И чего Вы рассчитываете добиться от этих заблудших душ? И каким образом? Я понимаю, инстинкты вампиров

никогда не лгут, но уверяю, они доведут Вас до беды.

— Правды, их куска правды, — ответил вампир. — Сидя в каземате я ничего не получу, кроме гниения мозга. И что тебе знать о наших инстинктах?

— Да, признаюсь, не так уж много, но Вы ведь представляете себе, через что Вам придется пройти? Чумной квартал — место, небезопасное даже для Старейшин.

— У меня нет выбора. К тому же, нет лучше проводника, чем личный раб. — Гость устало усмехнулся. — И я осмелюсь попросить тебя об одолжении.

— Каким же?

— Вещунья пойдет со мной.

Волшебник с грустью взглянул на Гостя, как отец на нерадивого сына. Зачем ему полоумная девчонка в обители гнилой крови?

— Прошу прощения, мой друг, но я вынужден Вам отказать, — сказал Зеин, поглаживая резьбу вилого посоха. — Эльза всецело находится на моем попечении, и она никуда не выйдет за пределы этих стен.

— Хорошо, старик, я скажу по-другому, — прорычал вампир. — Она пойдет со мной, и точка.

— Вы опьянены битвой, мой друг, — вздохнул Зеин, — а посему судить Вас я не в праве. Но все-таки, могли бы Вы мне объяснить, зачем...

— Господин, господин! — В парную сломая голову вбежал слуга, едва не запутавшись в подолах собственного одеяния. — Слава Богам, я нашел Вас.

— Что случилось, Милорд? — спросил маг.

— Инквизиция просит Вашей аудиенции, господин. Немедленно.

— Быстро же они... Хорошо, пригласи их в мои покои и угости, как подобает. Я скоро буду. — Зеин повернулся к своему Гостю. — Вам удивительно везет на добрые встречи, мой друг. Отложим наш разговор на потом. А теперь, будьте добры, сидите тихо и никуда не выходите. Будет дурной знак, если Вас сожгут на костре через несколько дней после пробуждения. Эльза, присмотри за нашим гостем, Кларисса скоро придет и поможет тебе

Не ожидая ответа, некромант вышел из парной навстречу неминуемым проблемам. Слишком редко церковники посещали его дом, пришла пора платить.

Такое жилище больше подошло бы ученому монаху или архивариусу, чем могущественному колдуну. Вдоль стен плотными рядами стояли стеллажи, доверху набитые ветхими книгами. Если бы не чары, весь запас знаний старого волшебника рассыпался бы в пыль. И больно неуместно смотрелись в этой библиотеке простая кровать и огромный письменный стол возле маленького окна. Большая часть комнаты обычно пустовала или захламлялась только Зеину понятными вещами, но сейчас посреди нее стоял пышный стол, правда, не со столь пышной кампанией для званого обеда.

Сидя за столом, полным всевозможных яств, инквизиторы не проронили ни слова. Глубокие капюшоны скрывали их лица, лишь бесконечное шептание душ, укрывающих их темной пеленой, нарушало напряженную тишину.

Без тени страха маг распахнул дверь, оставив слугу позади.

— Добрых дней, братья в Вере, — сказал он, присаживаясь за стол. — Чем могу быть вам полезен?

Монахи терпеливо молчали, оставив светскую болтовню неугомным призракам. Некромант никогда не боялся своих исконных врагов, слугителей Веры, а не Знания, но

даже ему порой становилось жутко от их хладнокровия.

— Объяснитесь, достопочтимый Зеин, — начал один из них. Все инквизиторы были на одно лицо, и всегда их хриплые голоса доносились откуда-то издалека, — что произошло в Вашем замке несколько часов назад?

У мага всегда был готов правдоподобный ответ, тем более, что он был не далек от истины.

— Прошу прощения за беспокойство, господа, но ничего из ряда вон выходящего. Пара Баронов не знала меры Лунной Пыли. Ссоры здесь — частое явление.

— Сразу видно, что Вы давно не были в храме, да не в обиду Вам будет сказано, господин Зеин, — сказал третий из квартета безликих. — У Бога нашего на это иное мнение.

— Чем же я смог прогневать Владыку костей? — удивился маг. Кусок вепрятины на его тарелке рассыпался в пыль, сгинув в пучине души волшебника.

— Лично вы — ничем, — сказал второй. — Именно для этого мы здесь, достопочтимый — узнать правду. Не каждый день в самом сердце города взрывается главный оплот власти.

— К сожалению, господа, вы недооцениваете силу опьяненного вампира. Вспомните, уже не раз подобное сотрясало эти стены, и они, к счастью, все еще стоят.

— Это не имеет значения, — сказал четвертый, проведя пальцем по лезвию изогнутой косы, висевшей у него за спиной. — Лунный Бог предсказал на сегодняшней службе, что с самого верха придет рожденный в земле и начнет чинить смуту в этих благодатных землях. Вы ведь понимаете, уважаемый архимаг, что мы, подобно Вам, печемся о благе народа. Еще недавно дикари осаждали стены этого прекрасного города, и вряд ли люди будут довольны еще и внутренним мятежом. Ведь Вы понимаете, о чем мы говорим?

— Безусловно, уважаемые инквизиторы, но позвольте вам напомнить один немаловажный факт: по договору, заключенному между мной и вашими Епископами, все внутренние проблемы двора остаются в моем ведении, и сановники не имеют права вмешиваться, если я не решу обратного.

— Мы помним об этом, — хором сказал квартет. Но речь продолжил первый монах. — Однако данный инцидент касается не только Вашего двора, но и всех живущих в этом городе, а это значит...

— Что вы странные гости, — засмеялся Зеин. Инквизиторы молча смотрели сквозь него. — Боги пресвятые, я встретил вас, как подобает хорошему хозяину: пригласил в свои покои, накрыл щедрый стол, а вы не только не соблюдаете этикет, но даже не отведали угощений! Так дело не пойдет. Угоститесь хоть чем-нибудь, и тогда мы с чистой совестью продолжим нашу беседу.

— Прекратите балаган, архимаг, — прохрипел второй инквизитор. Все так же холодны, отметил про себя некромант, им явно далеко до Епископов, абсолютно не умеют льстить. — Вы уже имели опыт общения с Нашим Богом, и у Вас не должно возникать сомнений в Егс предсказаниях.

— Господа, признаюсь честно, я нетерпелив, а потому отброшу реверансы. Если вы хотите начать обыск в моем замке, пусть Архиепископ Веве лично навестит меня в ближайшие дни, и мы вместе обсудим вашу просьбу. А теперь, если у вас нет других вопросов, покиньте мой замок. Я слишком занят.

При всей выдержке, свойственной каждому магу, Зеин терпеть не мог фанатиков. Встав из-за стола, он приказал прятавшемуся в тени слуге проводить гостей к выходу, а сам отправился решать назревающие неприятности. Ему не понравилось, как вели себя монахи,

слишком нагло, даже для воинов Церкви. И пока Милор трусливо вел их по коридорам, некромант чувствовал, как плененные ими души просачиваются сквозь стены, выслушивая и высматривая все, что позволит поймать старого мага на крючок.

Не выйдет, пресвятые вы пройдохи. Щелкнуть вас по носу, чтобы не лезли не в свои дела. Эфирная плеть хлестнула по зыбким бокам беспомощных духов, и те с визгом устремились к своим повелителям. Грубость — качество честных правителей, так напутствовал Зеина его учитель.

Что сказать, старик был неизлечимо далек от политики, и тогда еще молодой чародей не избежал этой участи. Он мог управлять природой, любой дух был подвластен его воле, и лишь дух воплощенный все не давался ему в руки. Править народом совсем не забава, власть некроманта держалась лишь на его природе. Он правил, потому что не мог никому подчиняться, потому никто не был на это способен. Магия — наука царей, сущая правда. Только никто не спросил колдуна, желает ли он царствовать.

Слишком человечно.

— Отпусти меня, вещунья, — прорычал гость, пытаясь отпихнуть от себя Эльзу.

— Нельзя, Спаситель! Господин Зеин не велел! — упиралась она.

— Да плевал я на него!

Вампир отмахнулся от нее, словно от надоедливой мухи, и девушка с грохотом опрокинулась на скамью. Обида наполнила ее сердце.

— Зачем ты так?.. — дрожащими губами прошептала пророчица.

— Можешь и дальше гнить в этих казематах, вещунья, обойдусь без тебя. Только умоляю — не смей мне мешать!

— Но ты же ничего не узнал...

— Мне хватит и этого!

Черные когти оцарапали мощную дверь, гость яростно распахнул ее и уже готов был покинуть парную, как голос Эльзы, твердый и уверенный, остановил его:

— Есть другой способ.

Гость обернулся. От той полоумной девицы, раздающей загадочные пророчества, не осталось и следа. Теперь она точно знала, о чем говорит, и что собирается сделать. Ему были не по душе такие перемены, но в закоулках памяти металось утверждение, что у безумцев наступают моменты прозрения. Неужели в действительности она такая?

— Господин Зеин запретил мне делать это.

— Что именно? — спросил вампир.

— То, почему меня заперли в этой башне. Тебе не придется разделять со мной кровное безумие, но... это даже хуже.

— Чего ты хочешь?

— Сядь со мной.

Он осторожно опустился рядом с ней на жесткое сиденье. Эльза спокойно взяла его за руки, наблюдая, как гость то выпускает, то втягивает когти обратно в тонкие мускулистые пальцы.

— Ты не должен бояться, — сказала девушка, глядя ему прямо в глаза. — Не отводи взгляд. Что бы ни случилось — смотри на меня, и только на меня.

— А что может случиться? — недоверчиво спросил вампир.

— Смотри на меня, — тихо сказала она. — Смотри на меня, смотри на меня...

Вновь в глазах вещуньи он узрел темноту. Тьма, сама суть каждого вампира, тянула его в свои ласковые объятия.

«Смотри на меня», шептала Эльза.

Чего он мог испугаться? Что должно было случиться? Дрема заполняла его сознание, и вместе с ней появлялась... боль. Она нарастала все сильнее и сильнее, и Тьма уже не была нежной матерью, ласкающей свое дитя. Боль давила и разрывала его голову одновременно, не оставляя ни малейшего шанса вырваться из огненных тисков, прожигающих саму душу гостя.

«Смотри на меня. Смотри на меня».

Это было невыносимо! Он был бы рад убежать, оторвать руки проклятой пророчице — что угодно, лишь бы оторвать от себя ее цепкий взгляд. Никакое серебро не могло причинить таких мук, даже пламя, настоящее, живое, было бы милосердней к вампиру, чем эта пытка. И наконец, когда он уже готов был упасть без чувств, разум Гостя озарил свет. Боль ушла. Осталась лишь чистая ясность. И он узрел. Не то, что ожидал, но нечто большее. И гораздо более мучительное.

Она лежала на его руках, холодная и молчаливая, как он сам. Белоснежные пряди подернулись алым. Все вокруг было залито алым. Корвус, Мани, Хассер, Крепыш Барри... Все были мертвы.

Стальные демоны смотрели на него с потолка сияющими красными глазами, готовые в любой момент с грохотом выпустить всепрожигающие лучи навстречу неприятелю по команде нового повелителя.

— Что вы понимаете в древностях! — смеялся колдун, глядя на бывшего соратника безумными глазами. — Смотри, Аннукар, смотри! Вот он, корень всех проблем! И ключ к нашей победе!

В ней не осталось ни капли крови — не проблема, он мог вернуть ее к жизни. Но она бы не простила этого. Бытие вампира... он хотел избавиться от безвременья, чтобы почувствовать себя кем-то другим, не монстром, что прячется в ночи, желая насытиться каплей чужой жизни. Живым человеком! Разве он помнил, что это такое — за сотни лет любые воспоминания могут потускнеть и кануть в небытие.

— Смотри, Аннукар, друг мой! — не унимался итенлиеу. — Мы не зря проделали этот весь этот путь! Теперь мы — короли нежити! Повелители мертвых! Ни одна страна не устоит перед напором наших армий!..

Кларисса... Куда делся румянец на твоих щеках... В твоих землях очень мягкое солнце. Ты обещала показать мне его, когда все закончится. Когда я стану человеком. Это была ложь, Кларисса, сплошная ложь, все, до последнего слова! Проклятый колдун поманил меня наживкой, словно какого-то зверя, пообещал избавление от Жажды! Лжец! Проклятый лжец!

— Эй, вампир, ты слышишь меня?! — выкрикнул маг. Он сидел на широком металлическом троне, словно бог войны, демон, насытившийся жертвенной кровью. Прозрачные змеи с носами-иглами обвивали его тело с головы до ног, впиваясь в измазанную грязью и потом плоть, наполняя жилы своими странными жидкостями. Колдун не чувствовал боли, ликование окончательно убило в нем остатки разума. — Тебе больше не нужно бояться света! Там, где ты пройдешь, его просто не будет! Ты счастлив, друг?!

— Друг... — прошептал Аннукар. — Друг, хе... Друзья так не поступают, Фабиан.

— Брось, Аннукар! Посмотри на это с другой стороны! Теперь ты сам себе хозяин, ты волен идти, куда вздумается — ничто тебе не мешает, даже солнце! Но все-таки если тебе нужен стимул к существованию, вливайся в ряды моей армии. Она стоит там, за стенами, готовая к бою, стоит только приказать. А Стальные стражи! Кто сможет противостоять этим машинам?! Куда этим горе-технократам с их пушками и самострелами! Ты же видел, даже магия для них не помеха, древний металл крепче самого времени!

Вампир медленно положил бездыханное тело возлюбленной, поднялся с колен. Отбросил посеребренный меч, теперь он был абсолютно ни к чему, и выпустил хищные клыки на всю длину. Тусклый свет надписей, начертанных в воздухе непонятным волшебством, отразился в острых когтях кровопийцы. Монстр в человеческом обличье медленно сбрасывал с себя фальшивую шкуру.

— Ради чего, Фабиан? — прорычал зверь. — Объясни дураку, зачем ты все это устроил?

— Ты и в правду дурак, — засмеялся колдун. Еще один змей вонзился ему в затылок, и Фабиан замолк, на мгновение закатив глаза. — Сколько лет ты таскался по свету? Что ты хотел найти? Лекарство от проклятия, или просто тянул свое пустое существование?

От людских черт не осталось и следа. Налитые кровью глаза сияли огнем из-под массивных бровей. Огромные уши задралась вверх, улавливая малейшие шорохи, издаваемые техникой древнего Шанура. Тугая кольчуга треснула, не выдержав напора рвущейся наружу вампирской плоти.

— Теперь у тебя есть смысл жить! — прохрипел Фабиан. — Присоединяйся ко мне. Ты знаешь, на что способна магия древних, сам Некрополь — воплощение их мощи! Я могу оживить Клариссу. Оживить всех — Мани, Корвуса, Малыша Билли...

— Крепыша Барри!!!

Сорвавшись с места серой молнией, Аннукар облачился в доспех из крови и Тени. Всего один прыжок отделял его от убийцы...

Стеклянная скорлупа опустилась перед ним. Черные когти яростно били по преграде, не оставляя на ней ни следа.

— Не будь так наивен, друг! — едва слышно отозвался волшебник, смеясь над бесплодными стараниями обезумевшего вампира.

Аннукар не слышал его. Бой кулаков и лязг стекла заглушал для него весь мир. Стальные демоны заскрежетали, направив грозный взгляд в спину беснующемуся зверю. Длинные клювы наливались энергией, готовясь мгновенно обратить его в пепел.

— Кажется, ты хотел увидеть солнце? — донеслось откуда-то сверху. Мертвый, железный голос. — Что же, возрадуйся — твоя мечта сбудется!

Два демона выскочили из неоткуда. Стальные клешни сжались на лапах Аннукара, не давая ему возможности ударить еще раз. Они лишь похожи на людей, голова, руки, ноги, но внутри у них лишь пустота. Пустота и треск тысяч маленьких молний.

Отчаянный рев вырвался из его глотки, пронесся по залу, словно залп из тяжелой пушки.

— Только здесь и только сейчас, специально для тебя, — продолжал мертвый голос, — впервые за тысячелетия, Некрополь озарит свет божий! Уведите его.

Скрутив невольника, стражи понесли ревущего зверя по металлическому коридору прочь.

— *НЕТ, НЕТ, НЕ ХОЧУ, НЕ НАДО, ОТПУСТИТЕ-Е-Е-Е-Е-Е!! ФАБИАН, ТЫ, СУСЫН, Я ВЫРВУ ТВОЮ ГЛОТКУ СОБСТВЕННЫМИ ЗУБАМИ!!! ТЫ СЛЫШИ УБЛЮДОК?!ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ?!*

— *Доброго пути тебе, Аннукар! — донеслось ему в след. — Да смилостивятся боги нас твоей душой!*

Гулкие шаги звенели по дороге, отсчитывая последние мгновения жизни вампира. Ярость и боль положили конец всему, что осталось в нем от того, кем он был раньше. Прочь человечность! Прочь! Прочь! Они не спасут меня! Не вернут ее! Фабиан! ФАБИАН!!!

Серое небо тихо взирало на него свысока. Где-то там, далеко внизу, у основания пирамиды, тысячи мертвецов смотрели на своего собрата пустыми бездумными глазами. Они ничего не понимали, лишь пялились в одну точку, сгрудившись, словно муравейник.

И тут небо вынесло свой вердикт. Раскаты грома озарили город, превратив несколько домов в пыльные развалины. Сотни горящих мертвецов бродили по разбитым мостовым, как факелы инквизиции, знамя и оружие в одном лице.

Аннукар рвался из последних сил, не оставляя желания вернуться и разорвать в клочья предателя. Но исполнить задуманное ему было не суждено.

Высота разверзлась, и яркий луч солнца осветил обреченного. Лишь краткий миг он увидел, что такое жизнь, куда уходят добрые души, куда так стремятся все бродящие под синим небом, и тихий ветер унес его прах в неведомую даль.

Боли пришел конец.

Глава 7. Удачи тебе, Еретик

— Да-а-а, что-то стало скучновато... — вздохнул старик, хрустнув оголенными костяшками пальцев.

— И не говори, мужик, — добавил новобранец, облокотившись на тяжелое посеребренное копьё.

Служба на стене, но будь она хоть трижды почетна и отважна, как все время повторял начальник караула — «Отврата полные штаны!». Целыми днями пялиться в серую пустошь да считать ворон в закрывшемся небе.

— Слышь, Гарольд, я все не пойму, — продолжил старший соратник, — кому и чем ты так нагадить умудрился?

— Тебе какое дело, Чиму? — буркнул парень. Разодранное ухо неумолимо зудело под шлемом.

— Да, в принципе, насрать.

Голос у старика был мерзкий, хриплый и сиплый одновременно, как у закоренелого пьяницы, кем он, по сути, и являлся. Ни вина, ни пива, ни даже жалкой браги нынче на всем свете не сыскать, и потому Чиму по вьевшейся как блоха привычке продолжал заливать свою бессмертную обреченность жидкостями неизвестного происхождения, зато с известным ему эффектом.

— Будешь? — сказал он, протягивая побитую флягу своему напарнику.

— Ты с дуба рухнул, старик? — усмехнулся Гарольд. — От этой дряни кости гниют, ну ее!

— Зато плотожоры дохнут как миленькие. — Чиму жадно припал к сосуду, сделал несколько глубоких глотков и мощно выдохнул. — Фу-у-ух, хороша, зараза!

— А мыться не пробовал?

— Да че я тебе, Барон какой? Мож мне еще в шелка обрядиться и вальс сплясать?

— Хорош гундеть, старый хрен. — Парень отмахнулся от старика, вновь уставившись белесыми глазами в бескрайнюю даль.

— Все вы, молодые, храбрецы, прям терпежу никакого! Знаешь, много я где бывал, что *тогда*, что *сейчас*. И в поле ходил на врага, и пленных сторожил, да че только не делал, а ходить в дозоры терпеть не могу, хоть убей! А уж сидеть — тем более!

— Ну так сигани за камушек, благо высоко, костей не соберешь.

— Злой ты, парниша, — усмехнулся старик, вновь приложившись к пойлу. — В наше время таких на дыбу вешали, иль задницей на муравейник сажали — тоже, знаешь, способствует послушанию.

— Кого слушаться-то, тебя? Мы с тобой, между прочим, одного звания. И убери ты эту долбаную флягу, старшина увидит — огребем по самые яйца!

— Да ну тебя в задницу!.. Кстати, ты ж лучше меня видишь?

— Знамо дело, лучше!

— Погляди-ка, че это там такое в туче блестит.

— С сивухи у тебя блестит. Может, дождь начинается.

— Какой дождь, он ж вчера был. Да и не бывает зеленых молний.

— Чего?!

Парень пристально всмотрелся туда, куда указывал Чиму. Действительно, среди бесконечного марева неслись едва заметные черные силуэты, словно вороны, раскинувшие крылья. Вот только вороны не дышат огнем...

— Драконы! — выдохнул Гарольд и сломя голову забил в огромный сигнальный колокол. — Орудия к бою! Тревога! Драконы летят! Драконы!!!

Лишь бы успеть, только успеть! Проклятый упырь, что с ним случилось на этот раз?! Ангус бежал на зов крови, бесцеремонно расталкивая снующих повсюду слуг. Где-то там, за пределами донжона, разносился грохот разлетающихся камней, крики умирающих солдат, вторящих в унисон набатным колоколам. Боль хозяина гнала бывшего Барона все дальше и дальше.

Инстинкт вампира сработал мгновенно. Едва заслышав нарастающий гул, Ангус легким движением когтя вскрыл себе руку, багровый туман окутал его.

Мощная волна с треском ударила Барона о стену. Кровавый щит принял урон на себя и мутными каплями расплескался по коридору. С хрипом поднявшись на ноги, Ангус посмотрел в образовавшуюся пробоину. Даже сквозь завесу пыли он увидел, что случилось с городом.

Черные ящеры извивались в небесах, размахивая рваными крыльями, с легкостью игнорируя сторожевые заклятия, не пускавшие внутрь нежить с пустошей. То тут, то там вспыхивало мертвое пламя, сжигавшее солдат вместе с доспехами, под жаром которого плавился камень. Навстречу неприятелю вышли все, кто мог ему противостоять. Солдаты пытались проткнуть драконов тяжелыми болтами баллист, маги, до того безвылазно сидевшие взаперти в своих лабораториях, спешно стекались к кристаллам-преобразователям, пылившихся без дела на самых высоких башнях, даже Механисты, не самые желанные гости в любом городе, выбежали на улицы, скрипя искусственными конечностями щелкали затворами ружей. Не было видно лишь вампиров... Нет, видно, несутся в Чумной квартал, точно крысы, каждый чем горазд — кто на крыльях, обернувшись монстром, или быстрой тенью перепрыгивая через головы сородичей, а кто и нагло распихивал мешавшихся под

ногами кровавыми плетьюми, рассекая на куски нерадивых и слабых вампиров.

Чертовы трусы, думал про себя Барон, увиливают от славной драки, прячутся в гнилую плоть земли, словно черви, паразиты! Может, его негодование было справедливым, и вампиры действительно могли вмешаться в бой, дать достойный отпор диким тварям, а потом пировать на их останках, отдаться празднику внутреннего зверя! Но — вездесущее «но»! — пусть он и не обуян страхом, кровь хозяина звала его совсем в другую сторону.

Вот он, мерзавец, снова лежит на земле, в рваном тряпье, что осталось от их предыдущей схватки, и сумасшедшая вещунья склонилась над ним с идиотской улыбкой.

— Чего сидишь, дура?! — взревел Ангус, взвалив неподвижное тело Гостясебе на плечи. — Беги отсюда!

— Нельзя, господин Зеин... — пролепетала Эльза.

— Ему сейчас не до этого, где твоя наседка?

— Матушка... Я не знаю...

— Ах, твою мать! Кларисса!

Наложница, рабыня крови, она должна была слышать его зов, так или иначе, ее главная обязанность — сторожить девчонку, значит, она их найдет. Дядюшка не то что бы злобен, но с неугодными весьма скор на расправу.

— За мной, быстро!

Эльза едва успевала за Бароном, пытаясь удержать на себе непослушный халат. Загремели выстрелы, перемежающиеся с грохотом молний и взрывами. Сквозь мутные стекла узких бойниц виднелись всполохи зеленого пламени, драконы изрыгали огонь то жаркими волнами, то яркими, словно звезды, шарами. Некроманты с малым успехом отгоняли костяных монстров, пока церковники отводили зверям глаза, бросая им на съедение сотни подвластных им душ. Рвались снаряды, пущенные Механистами, стрелы продолжали лететь, но через эти щелки не разглядеть всю картину боя. Одно Ангус понял точно, город умирает, а великомудрый дядюшка занят какими-то своими делами. Такое уже было, с другим замком, теперь от него остались одни руины, одни лишь кости, обглоданные зверьем до полной чистоты. О чем он думает?!

Цок-цок, посох стучит по дороге, словно копыто неспешного коня. Конь спокоен, он никуда не спешит. Его слух не трогают крики, стоны и плач проносающейся серой волны. Толпа неистовствует. Она ломится в главные ворота, давит, перемалывает чьи-то кости, эти самоубийственные жернова. Горожане готовы ломиться куда угодно, в пустоши, Чумной квартал, даже в подземелья Механистов, лишь бы спасти свои мертвые шкуры.

Цок-цок, стучит жезл архимага. Драконы щелкают зубами-саблями, разрывают хмурые небеса радостным ревом, мертвое пламя скачет от дома к дому, десятки бегущих факелов торжественно проносятся неподалеку. Пустоши добрались до города, устроили праздничную процессию, жестокий пир во славу дикой смерти, что не смогла очистить мир от гноя вечной жизни.

Ружейная канонада вторит чудовищному оркестру, блеск молний, пролетающие мимо стрелы прошивают незадачливых людей насквозь. Зеин не вмешивался. Он лишь смотрел на крылатый круговорот, словно всматриваясь в опостылевший ауроскоп. В том, что он видел, не было трагедии. Не было солдат и горожан, рассыпающихся в прах, не было нарушенных обещаний и неисполненных обязанностей. Не было в том и его замка, где Некромант хранил свое главное и единственное богатство — знания. Он видел перемены.

Черная молния спикировала вниз. Архимаг даже не поднял взгляд из-под глубокого капюшона. Чудовищная пасть раскрылась, готовая проглотить волшебника за один присест.

Цок.

На мгновение затихли выстрелы, умолкли крики. Одно чертово мгновение.

Взрыв разнес внутреннюю стену замка, смел все окружные дома, расплыл сотни пробежавших мимо людей. Мертвое пламя не пощадило никого.

Лишь Зеин, словно статуя, остался в центре пепелища, опираясь иссохшими руками о треснувшее древко.

— Чему быть, того не миновать, — бормотал он, словно в исступлении. — Перемены грядут, Он идет, да упасут нас Боги. Я уже ничем не помогу тебе, добрый друг. Жаль, что мы так мало общались. Ангус позаботится о тебе, теперь это его обязанность. Что ж, удачи тебе, Еретик. Что бы ни случилось.

— Какого черта, дядя?!

Беглецы спускались по лестнице, когда зеленый рассвет озарил замок, и взрывная волна всколыхнула вековые, немало повидавшие стены оплота колдуна. Древние ступени провалились под их ногами, и лишь рефлекс Барона спасли Эльзу и Гостя от жесткого падения и погребения под толщей разбитого камня.

— Вещунья... — проскрипел Ангус сквозь зубы. — Забирай его, быстро, беги в Чумной...

Девушка непонимающе огляделась. Багровая паутина окутала собой разрушенную винтовую лестницу, удерживая ее над пыльными каменными пиками. Барон склонился над ней столь низко, что Эльза чувствовала его холодное дыхание над своим ухом. Его когти глубоко впились в ладони, из которых тянулись кровавые нити. Немыслимая громада обломков давила на него сверху. Гость по-прежнему не приходил в себя, запутавшись в багровой паутине, словно в коконе.

— Тащи его отсюда... Кларисса недалеко, я... чувствую.

— А как же Вы, господин Ангус?! — испуганно спросила провидица.

— У меня еще есть... дела. Я спущу вас вниз... и скоро вернусь. Береги его.

— Господин!

Оглушительный грохот ударил в уши, и уже через мгновение она летела навстречу земле на тонких красных крыльях. Больно ударившись о жесткий камень, Эльза подняла голову и увидела, как Барон несется багровым пятном навстречу воздушной схватке.

— Господин! — У нее перехватило дыхание. — Господин... Матушка! Матушка, где ты?!

Клариссы не было рядом, на зов несчастной вещуньи ответил лишь пронзительный крик летающих ящеров.

В самую пору ей было забиться в ближайший угол и проливать слезы, как она делала, когда кто-нибудь из сородичей-вампиров ухитрялся ее обидеть, но был у Эльзы один недостаток — она была послушной девочкой.

Подхватив тонкими руками закутанное в алые жгуты тело Гостя, вампиресса через силу потащила его по земле в убежище. Вокруг творился хаос, ни один из пробежавших мимо слуг и сородичей не откликнулся на ее мольбы о помощи. Дорога тянулась бесконечно, оставляя за собой алые следы и капли пролитых слез.

— Матушка... — рыдала Эльза, волоча за собой непосильно тяжелое тело Гостя. —

Матушка, где же ты...

Внезапно тяжесть исчезла, и уже ее саму нес кто-то удивительно сильный. Спустя мгновение она поняла, что происходит.

— Матушка! — радостно вскрикнула Эльза.

— Потом, родная, потом!

Кларисса, сверкающая сталью тонкой кольчуги, бежала впереди. Два могучих безмолвных солдата несли вещунью и гостя на себе, едва поспевая за своей госпожой. Их доспехи были измазаны грязью и копотью, кое-где оплавлены, а лица превратились в рваные маски, хотя, вполне возможно, они были такими и раньше.

— Шевелитесь, парни, осталось немного! — Звенел сталью голос вампирессы.

— Стараемся, госпожа! — прорычали воины, перехватывая свою ношу поудобней. Несший Эльзу спросил: — Нас точно пропустят? Это ж Чумной...

— Не говори ерунды, солдат! Шевели культами!

— Слушаюсь! — устало ответил он.

Ворота открыты нараспашку. Все стремятся ухватиться за призрачный шанс укрыться во владениях вампиров, забыв о страхе перед кладбищем, кишачем разномастным хищным гнильем, насквозь изъеденным плотоядами и прочими болезнями нового мира. Стража уже не пыталась держать рвавшихся внутрь и наружу мертвецов, пытаясь не свалиться под ноги сумасшедшему потоку и не проткнуть непослушным клинком ближайшего товарища. Их глаза мерно сверкали под забралами шлемов, покачивающихся в такт молитве Темным Богам. Кто еще мог защитить их в урагане бушующей смерти. Кто-то побросав оружие на боевом посту, бросился вслед за друзьями и родственниками, кто-то пытался помочь сбившимся с ног людям, кто-то просто прорубал себе путь к мнимому спасению, оставляя за собой изувеченные, но все еще шевелящиеся тела. Шевелящиеся, пока чей-то сапог не раздавит последние кости несчастного бедолаги.

— Сюда, за мной! — прокричала Кларисса, доставая длинный тонкий меч из притороченных к поясу ножен. Их путь пролегал мимо открытых улиц и развалившихся ремесленных лавок. В темных узких переулках то тут, то там раздавались нечеловеческие крики. Твари, набравшие смелости вылезти из своих склепов днем, теперь открыто охотились на захваченных ими угоднях. — Быстрее, мы уже близко...

Ветхая стена рассыпалась в труху перед вампирессой. В клубах пыли просвистели когти, клацнули чьи-то мощные челюсти, лязгнул клинок в руке Клариссы и проход огласил рвущий слух хищный визг.

— Заткнись! — донеслось из серого облака, что-то громко хрустнуло, и невидимая тварь замолкла. — Вперед, не останавливаться! — Воительницы вынырнула из древесного тумана. На ее лице красовались две широкие красные полосы, а кольчуга на левой руке и груди была разорвана, словно старая тряпка.

Еще несколько раз чьи-то кривые лапы высывались из глазниц пустых покосившихся домов, но Кларисса и воины были готовы. Легкий взмах клинка, и гнилой обрубок с мерзким шлепком падает на разбитую дорогу.

Глава 8. Путь к спасению

Шарниры громко скрежетали от перегрузки. Передергивать затвор с такой скоростью К-14 еще не приходилось. Пока слуги сгружали все, что можно было унести, боевые некромехи пытались защитить вход в подземелье, где их ждал караван паровых дрезин.

Обмениваясь звуковыми сигналами, воины отстреливали всех, кто осмеливался

приблизиться к частной собственности Механистов. Смердящие пороховым дымом гильзы лились на землю свинцовым дождем, Старшие братья громовой поступью шли навстречу драконам, выплевывая разрывные снаряды из пушек, встроенных в могучие экзоскелеты. Вряд ли кто-либо ожидал увидеть на улицах тяжелую артиллерию Братства, Архимаг запретил им даже близко приближаться к городу, но сейчас никто не был против такой поддержки.

До поры до времени все лучшие творения Механистов спали в подземельях под ангаром, сооруженном адептами на месте когда-то выгоревшей городской церкви. Братству пришлось заплатить не одну гору серебра в пользу городской казны, в обмен на возможность заниматься исследованиями в безопасности за каменной стеной, а не в заброшенных подземельях под пустошами и не в переполненном, словно муравейник, Бункере. Теперь «жестянщикам» приходилось защищать свои инвестиции. Сам ангар не стоил и ломаного гроша, но за то, что покоилось в ящиках на дрезинах, любой Архимаг, и тем более Барон, мог отдать все до последних портков.

Многочисленные схемы и платы в мозгу К-14 едва выдерживали напряжение, просчитывая вероятности действий противника, система наведения отмечала цель за целью, пока в обойме не заканчивались патроны. Некромех ловким движением досылал новый магазин в ствол и продолжал разрывать черепа, пока на коротких волнах до него не донеслось сообщение от Мастера. Погрузка завершена, требуется срочная эвакуация.

Пробегая через опустевшие цеха, К-14 услышал мощный рев. Канонада прекратилась, и через мгновение огромное крылатое чудовище обрушилось на металлическую крышу, промяв и разорвав ее, словно бумагу. Опорные балки с лязгом переломились пополам, погребая под собой тела механических воинов.

Объективы забрызгало техническими жидкостями, в руки и голову вонзились металлические штыри. К-14 распяло на груди его братьев-механистов, но не убило окончательно. Он не чувствовал боли, программа не позволяла ему подобной роскоши. Некромех смотрел, как дракон разбивает рогатой башкой остатки здания, и на мгновение зрительные сенсоры оказались перегружены. Сквозь разбитую стену в ангар пролетел снаряд, ударил в массивную грудь чудовища и взорвался огненным вихрем.

Взвыв от боли, дракон заревел разорванным зобом, левое крыло разбилось на множество костяных осколков. Подминая под себя металл, внутрь вошел Старший боевой некротех.

— Хочешь кусочек меня, тварь?! — Голос Старшего звенел металлом, голосовой динамик был сильно поврежден. — Ну, иди сюда!!! У кого тут стальные яйца?!

Струя мертвого пламени лизнула тяжелый корпус экзоскелета и тут же иссякла. Дракон зашелся страшным кашлем, давясь собственным пламенем, рвущимся наружу через дыры в глотке.

К-14 пытался встать, но металл намертво прижал его к куче трупов. Сигналы от Мастера не утихали, караван не мог отправляться без охраны. Еще немного, и туннели под цехом обвалятся под яростью борцов. Надо успеть выполнить программу, защитить Мастера, сохранить имущество и знания Братства.

Взревев разъяренным слоном, Старший на полном ходу врезался в искалеченное, но не желающее сдаваться чудовище. Широкие металлические клешни размашисто колотили дракона, ломали древние, прочные как сталь кости, набивали покалеченную тушу свинцом из раскалившихся докрасна пулеметов. Зверь отбивался, как мог, исполинские когти

высекали искры о корпус некромеха, черные челюсти смыкались над ним, не в силах дотянуться до мягкой сердцевины сквозь заслон механических орудий.

— Да стой на месте, тупое животное!!! — крикнул Старший. Раздробив дракону кисть передней лапы, некромех воспользовался замешательством монстра и всей своей тяжестью повис на могучей шее, вцепившись клешнями в гнилую чешую.

Зверь забился в агонии, уже четко понимая, что его ожидает. Размахивая оставшимися конечностями, он носился по разрушенным цехам, сбрасывая себе на голову горы разорванного металла и тщетно пытаясь скинуть с себя неподъемный ошейник механического воина.

К-14 удалось вырваться из плена распятия. Искусственные руки оказались безвозвратно испорчены, шарниры и поршни ног непослушно шипели, их то и дело заедало. Сражаться он уже не сможет, но задача должна быть выполнена. Пока могучие бойцы разносили по кускам остатки здания, К-14, лавируя между обломками цеха и своих братьев, пробрался к главному транспортному лифту. Как ни странно, он уцелел, но к несчастью он был опущен. Зацепив рычаг гнутой культей, солдат попытался связаться с Мастером. Он был неподалеку. Не получив сигналов от других Младших некромехов, он намеревался отправляться в Бункер, но еще способный двигаться солдат был слишком ценен, чтобы оставлять его на поживу диким тварям.

И это не принесло ничего Братству хорошего. Стоило скрипящему лифту подняться и принять на себя искалеченного некромеха, как стена соседнего цеха с лязгом обрушилась. Останки дракона и дымящийся Старший с грохотом приземлились на несчастный механизм. К-14 лишь успел заметить, как быстро проносится лифт. Мощный удар, и все системы бойца отключились.

Задача не выполнена.

Серебро и сталь сверкали ровным кольцом вокруг склепа. Его исполинский шпиль возвышался над кладбищем, освещая поле брани алым сиянием Звезды Дахаки. Дикие, до поры спавшие в своих древних могилах мертвецы вырывались из земли, нападая на всякого, осмелившегося подойти достаточно близко.

Слуги расчищали путь для своих хозяев-вампиров, рубя и кромсая уродливую нежить на куски. Многорукие, многоглавые, тянущие к добыче склизкие щупальца, ходящие задом наперед — то, что раньше служило пугалом против жадных и глупых сумасбродов, теперь набросилось на собственных хозяев, как оголодавшие цепные псы.

— Держать оборону! — ревел высокий могучий вампир. Клеймор плясал в его руках серебряным веером, раскраивая черепа широким лезвием.

Тонким потоком беженцы вливались в багровый круг, пытались пробраться в убежище.

— Вперед, парни, вперед!

Кларисса вихрем пронеслась через толпу слуг, не разбирая, кого она сбивает с ног. Солдаты едва поспевали за ней, но медлить было нельзя. Падальщики все настойчивей рвались навстречу пище, начисто забыв о сохранности собственных шкур.

Кольцо обороны сжималось все сильнее, пытаясь сдержать всевозрастающий напор диких мертвецов, но дыры в обороне ширились с каждой новой волной.

— В сторону! — крикнула вампиресса, и солдаты расступились. Внутренний двор тоже не пустовал. Звезда Первого сияла все ярче, от восьми ее лучей тянулись алые нити. Путь Крови питал священный знак, самые могучие вампиры питали его силой своих не-жизней,

сдерживая натиск обезумевших Пожирателей.

«Ты был готов отдать за них жизнь, верно?»

Не за них. Только за нее.

«Распрощаться со всей силой, властью, пожертвовать вечной жизнью ради женщины?»

Да, я не мог иначе. Ты не представляешь, каково это, вечно таскаться в тени, словно чумная псина, в надежде найти хоть глоток чистой крови.

«Такова суть твоего рода. Вы хищники, волки-одиночки, никому не по силам жить рядом с вами. Но ты не такой, как все. Ты сохранил один изъян, тот, что позволил тебе остаться человеком»

Хочешь сказать, что я поступил неправильно?

«Наша речь не о правоте твоего выбора. Посмотри на это со стороны, чего бы вы добились? Ты бы вновь стал человеком, смог ходить под солнцем, любить ее, но что потом? Вместе состариться и уйти в мир теней? Не оставив после себя ничего, кроме памяти и разрушенных судеб?»

В этом было бы больше смысла. Она больше никогда не взяла бы клинок, мы могли жить на ее родине, как она и хотела. Забыть все это и никогда не вспоминать.

«Но теперь ты здесь. И она рядом. Но вспомнит ли она тебя? Ты не смог остановить Фабиана. Можно сказать, что именно ты виновен в смерти этой земли»

Я выполню свое обещание, Владыка, только избавь меня от лишних мыслей.

«Я — часть тебя, Аннукар. Стоит тебе замолчать, усну и я»

Даже во сне я не могу молчать сам с собой. Почему я не вижу тебя, когда бодрствую? Почему не помню, кто я такой?

«Потому что ты мертв. Тебя не должно здесь быть»

Дахака тоже должен был умереть, но он погрузился во Тьму и родился заново. Его тоже не должно было быть?

«Он был тем, кем и являлся — монстром в людском обличье. Царь, чародей, провидец, ему было мало даров, уготованных ему судьбой. Он захотел больше, чем смог удержать. Он не понял той силы, что получил во Тьме Бездны. За что его и распяли на «солнечном колесе»

Что ты хочешь сказать?

«Ты чужд этому миру, еще больше, чем Дахака и другие порождения Тьмы. У тебя тысячи возможностей, ты способен выбирать свой путь»

Неправда, Владыка. У меня один путь, и ты его уже давно определил.

«В тебе говорит усталость. Дахака не достиг божественности, его кровь тоже страдает от прожитых лет. Скоро все кончится, и каждый получит то, что заслужил»

И кто решит, чего заслуживают люди? Кто осудит этот мир? Они не виновны в том, что с ними произошло.

«Ты все увидишь сам, Аннукар, впереди долгий путь. А теперь тебе пора прийти в себя. Ты нужен своей любимой и этой девочке. Они не справятся без тебя»

Время уже не пронесется мимо меня. Сон теперь слишком дорогое удовольствие.

«Верно, Аннукар, ты прав, как никогда раньше»

Глава 9. Убежище

Фалкор сидел на холодном камне, слушая далекий рокот небесных зверей. Они улетали ни с чем, оставляя за собой лишь прах и пепел. Шаман чувствовал, как погибают люди за каменной стеной, как последние искры их жизней рассыпаются по бездушному ветру и

улетают в Земли Грез.

Видения не обманывали. Светлый Лик никогда не врал. Он помогал племени Фалкора, не требуя ничего взамен. Лишь откладывал свое пожелание на далекое будущее, обещая, что шаман сможет достойно расплатиться со своим покровителем. Сухие леса всегда полны дичи, воины возвращаются целыми и невредимыми, не знают страха перед людьми в железных одеждах. Спасибо тебе, добрый дух.

Тихий рык шуршал за спиной дикаря.

— Земля свободна?

Длинная волчья морда радостно осклабилась, поравнявшись с шаманом. Кин-следопыт недовольно ворчал. Вытянутый остроухий череп и длинные лапы медленно принимали человеческие очертания, черная шерсть становилась все короче, больше походя на рваную шкуру, чем родную плоть следопыта.

— Еще нет, — прохрипел он, поднимаясь с передних лап на ноги. — Непомнящие мечутся, как загнанные кабаны. Ползут под землю, прямо в лапы Безумцев.

— Охотники еще не готовы?

— Скоро придут. Светлый Лик говорил с тобой сегодня?

— Нет, Кин. Я не видел его с нашего выхода из Рощи. Кажется, мы все же вернем ему долг за нашу сытую жизнь.

— Каждый из нас отдаст последнюю кость за Светлого Лика, можешь не сомневаться!

— Я верю в твою преданность, Кин. Но я боюсь другого.

Рука невольно задрожала. Толстый бурый росток выглянул из-под серой кожи шамана, чувствуя приближение скорой битвы. И еды. Много, много еды.

— Жизнь голодает? — настороженно спросил оборотень, прикоснувшись к тонкому стеблю. И тут же отдернул. Росток резал плоть не хуже серебряного клинка.

— Она всегда голодает, — вздохнул Фалкор. Дар доброго духа был слишком тяжел, даже для сильного духом. Нести в себе волю Светлого Лика могли немногие. Жизнь растет, она голодает, и готова в любой момент высушить приютившего ее до костей. — Роща в сохранности, но... не знаю, меня так давно не терзало это проклятое чувство.

— Какое? — удивился Кин.

— Сомнение, Кин.

— Ты же шаман, Фалкор! Ты — голос Светлого Лика, твой выбор — это Его выбор. А Он никогда не ошибается.

— Да...

Фалкор молчал. Драконы улетали прочь в свои гнезда, но в крепости еще бушевал гром. Магия Непомнящих полыхала в небесах жутким заревом, словно предвещая — больше никто не сможет укрыться за этими могучими стенами. Теперь они принадлежат пустошам.

Громкий клекот раздался над головами дикарей. Взмахнув могучими крыльями, рядом с шаманом опустился орел. Его красные глаза не отрываясь смотрели на Фалкора. Шаман молча беседовал со своим другом, таким же хищником, несущим в себе семя будущей Жизни.

— Что такое? — спросил Кин, почесывая заострившиеся уши.

— Зови остальных, мы идем за стены.

Вновь обернувшись волком, следопыт умчался прочь, нести весть заждавшимся воинам. Фалкор всегда хотел иметь такую животную уверенность в своем бытии. Светлый Лик говорил, что мир таков, какой он есть, и нельзя искать в нем правды или лжи, добра или зла.

Духу виднее, думал дикарь, поглаживая пробивавшиеся из его тела отростки. Те лишь плавно извивались, точно исполняя змеиные танцы. Если мучают сомнения, лучше всего отдаться долгу. Это единственное, в чем нельзя сомневаться.

Опершись о сухую клюку, служившую ему опорой, шаман пошел вслед за следопытом, вновь погрузившись в глубину собственных раздумий. В нем мало веры, слишком мало веры. Но Светлый Лик сделал свой выбор.

— Надо вернуться в город, Архимагу может потребоваться наша помощь!

Боги, какой шум! Опять глаза не желают меня слушаться.

— О чем ты говоришь, Башет?! Город разгромлен в прах, старик уже мертв!

— Но это наш долг!

— Вампиры никому ничего не должны!

Пустозвоны... Что случилось?

— Матушка, он очнулся! — Черт, опять этот девичий писк!

— Наконец-то, сонная ты мышь, — мягкий усталый бархат проник в мои уши. Моя голова лежит на ее руках, холод кольчуги щекочет мне затылок. А вокруг не толпа — стадо — сородичей, ревущих, словно торговки на рынке.

— Неблагодарные твари! — рычал тот, кого звали Башет. Доспех на его могучем теле походили на рубище, огромный клинок сплошь покрыт зазубринами, лицо напоминало маску демона, столько шрамов покрывало его. — Господин Зеин дал нам все — серебро, власть, укрыл нас за стенами, а вы так хотите ему отплатить?! Какие же вы Бароны?! Грязные шавки, пожиратели крыс!!!

Толпа неистовствовала. Одна часть ряженных шутов хотела разорвать храброго, но глупого воина, другая всецело поддерживала его. Такой тяжелой вони Тьмы, крови и звериной мощи я еще не чуял.

— Лучше подумай о своей шкуре, жалкий рубака! — отбивался долговязый вампир. Волосы заколоты на затылке, словно у женщины, на мантии ни единого пятнышка, лишь серебро и золото. — Заклятие спало со стен, даже Некроманты не смогли справиться с драконами! Что ты сделаешь? Сложишь голову в бою, как Ангус? Он ведь не был дураком, но где он теперь?

— Лучше умереть с мечом в руке, как подобает Пути Зверя! Ты трус, Эмал! Прячешься в тени, как драный падальщик! Кем бы ты был, если бы не Зеин?..

— Что происходит? — спросил я, глядя в ее усталые глаза. Как я не утонул в них раньше... опять смутный, но такой теплый сон из глубин памяти...

— Не шевелитесь, господин, — прошептала Кларисса. — Драконы разнесли город на куски, и Архимаг пропал.

— Старик... Как пропал?!

— Никто не знает. Прости нас, Спаситель... — словно заведенная затрещала Эльза.

Боги, как она меня раздражает! Того и гляди весь чертов потолок со всеми мозаиками обрушится на мою голову!

— Где мы? — спросил я.

— В храме Дахаки, в Чумном квартале, на кладбище. Вам это ни о чем не скажет.

— А где мой раб?!

— Ушел за господином Зеином. И все еще не вернулся.

Боги! Ни раба, ни старика рядом нет, и неизвестно, куда меня притащили! В памяти

всплывали рваные видения наглого щенка. Мало, очень мало. Сребролюбцы, выродки, одержимые дурманами, живодеры, развратники — все словно были мне родными, и каждого я смутно знал в лицо. Особенно двух самых громких крикунов.

Кто не знал Башета? Башета знали все. Все до единого сородичи считали его придурком, помешанном на личном кодексе чести. За что его и уважал старик-колдун. Пес жаждал служить и рвать глотки во имя доброго хозяина. Некромант не был разочарован.

И, конечно же, Эмал, главный казначей. Тот, с кем никто не подумал бы шутить в здравом уме. Деньги, влияние и сила Тьмы сплели вокруг него столь плотный кокон опасности, что всякий неугодный мог просто исчезнуть, не оставив и следа. Единственным исключением были разве что Старейшины, которые не были ему подвластны, и тот самый жалкий рубака.

— Сколько тебе заплатили, Эмал?! — не унимался Башет. — Всего серебра не утащишь, пойми наконец!

— Успокойся, Башет. Не все в мире решается серебром

— И чем же?!

— Ничем! Я был также верен господину Зеину, как и ты. Но теперь он мертв...

— Откуда ты знаешь?! — Клыки воина едва не доставали до подбородка.

— Хочешь проверить? — сказал казначей. Его лицо превратилось в серую размытую маску. Вот-вот начнется свалка. — Милости прошу, никто не держит. Но уверяю тебя, как друг, там нет никого, кроме медиков. Если повезет — нарвешься на церковников, они всегда рады посадить Барона на костер. Теперь у них развязаны руки, Архимаг больше не будет нас покрывать.

Могучие пальцы сжались в кулаки, воин был готов порвать наглого казначея на куски... Но он поступил иначе:

— Делай, что хочешь, ублюдок. — Зверь отступал. Его место заняла бессильная злоба. — Кто хочет бежать — бегите. Остальные — готовьтесь к бою, выступаем через час. Кровь Первого с нами.

Кто-то злобно выругался, разочарованно зашипел, но стачка улеглась сама собой. Эмал усмехнулся и ушел прочь со своей свитой, растворившись во тьме подземелий, видневшейся из хлипкой двери за расписным алтарем.

Магам нельзя доверять, стучало в голове, и тут же звучало, что старик знал гораздо больше, чем говорил. У него были свои планы на мой счет, он явно не хотел просто так отдать свой город на растерзание пустынным монстрам и бесследно исчезнуть. Башет прав, стоит вернуться.

Всколыхнув память крови, я попытался позвать своего раба, но эхо зова растворялось в пустоте. Я чувствовал, он все еще жив, но куда он пропал?

— Сукины дети. — Тело исправно слушалось меня, я без особых усилий поднялся на ноги. Кругом шелка и бархат, знамена и фрески, изображающие деяния великих вампиров, но до чего же неудобны каменные скамьи! — Пусть пекутся о своих чреслах... Кларисса?

Вампиресса молча смотрела на меня. Ей явно хотелось всадить кусок серебра мне в ребра, но усталость и отчаяние держали ее в руках. Но это не все. Долг перед Зеином, обет. Заботиться о девчонке, сопровождать ее и защищать ценой собственной жизни — ее главный якорь на реке безумия.

— Мы присоединимся к Башету — сказал я. — Старик не мог исчезнуть, не оставив никаких посланий.

— Тебе какое дело, Гость? — сказала она. — Ты знал его лишь несколько дней. Ты ему ничем не обязан.

— Это не важно.

— Не важно? А что важно, «Спаситель»? Что он в тебе нашел? Чем ты так для него важен? Не из-за тебя ли началась эта кутерьма?!

— Не говори ерунды, у тебя есть долг перед своим господином. Ты должна вернуться к нему.

— Я должна защищать Эльзу от таких идиотов, как ты! Больше я ему ничего не должна!

— Матушка... — сказала Эльза.

— Во имя Богов, Эльза, помолчи! — Вещунья отпрянула от нее, словно от огня. Закрыв лицо руками, она встала со скамьи и пошла к алтарю, где грозно возвышался на своей звезде Дахака.

— Она ни в чем не виновата, Кларисса. Ты же не думаешь, что старик велел тебе присматривать за ней лишь для того, чтобы ее не сожрал ближайший кровосос?

— Нет, — вздохнула вампиресса, проведя рукой по спутавшимся белым локонам. — У нее есть дар, которого нет даже у Старейшин. И он крайне опасен, если не держать его под контролем.

— Это я уже понял.

— Ничего ты не понял! Ты — не нашей крови, тебя здесь не было! Что ты вообще такое?!

О Боги, это самый гениальный вопрос! Кто я? Что я? Где и какого черта тут делаю?!

— Не знаю, Кларисса. — Самоубийственная честность. — Но вопрос остается прежним: Архимаг пропал, и его следует найти как можно скорее. Башету нужен каждый свободный солдат.

— Ты знаешь Башета? — удивилась она.

— Не важно. Готовься, все отправятся через час... хотя... плевать, я не знаю, сколько времени.

— Я. Никуда. Не. Пойду. И Эльза останется здесь.

— Мой раб — твой хозяин. Я могу просто заставить.

— Твоя воля.

Вновь затрепетали жилы, высматривая и вынюхивая поводок, спутывающий эту наглую девку с Ангусом. Сколько раз пытался зацепить тонкую нить крови, просто хлестнуть сознание Клариссы бичом боли, но след раз за разом ускользал от меня. А она лишь кривила млажавое личико, чувствуя мои жалкие потуги. Что такое?!

— Доволен? — сказала она, вспорхнув со скамьи. — Теперь, будь добр, оставь нас. Если сумеете найти господина Зеина, я вас всех расцелую.

— А если нет? — спросил я.

— Пустоши сделают все сами.

И вот она проходит мимо, звеня кольчугой, словно танцовщицы Востока золотом и бусами, а смотрю ей вслед и ничего не понимаю. Что такое Восток, и почему же меня так тянет к этой беловолосой чертовке? Она стоит на коленях рядом с вещуньей и молится, будто Первый, навсегда ушедший во Тьму, мог им помочь. Никак не оторвать глаз...

— Эй, парень! — Лапа в тяжелом наруче рухнула мне на плечо. Башет стоял рядом и радостно скалился. — Слушай, не ты, случаем, надрал задницу нашему драгоценному Ангусу?

М-да, издалека он смотрелся благородней. Огромные острые уши, лысый череп, покрытый неровной сетью шрамов, лицо, походящее на морду хищного зверя — не удивительно, что всякий спешил почесать о него кулаки.

— Да-да-да, это ты! — Клешня еще раз ухнула мне на плечо. — Да ладно, парень, не скалься, я тебя уважаю. Меня Башетом звать, ну, ты наверно уже слышал... Сраные ублюдки... Ну да черт с ними, тебя-то как звать?

Взгляд отнюдь не воинский. Добродушный, как у сельского паренька. Ну это объясняет его преданность, но не выбор службы.

— Чего молчишь-то? — спросил он. И ответ пришел к нему сам собой. — А-а-а, так ты только проснулся! А уже таких дел наворотил! Только знаешь, так не пойдет. Если хочешь идти со мной в отряде, тебе нужно имя. Ты же идешь с нами, верно?

Я кивнул.

— Вот молодец, настоящий мужик! Уважаю! — Когда-нибудь мои кости треснут под весом его уважения. — Кстати, а чего это ты вырядился в это тряпье? Смотри сюда: видишь, вон там стоит старикан, ну видишь, то-оций, как смерть, хе-хе. Ну в шляпе-башенке! Вот, иди к нему, передашь привет от меня, он тебе что-нибудь подберет. Негоже на войну идти с голым задом! Потом тебе имечко подберем, не волнуйся, будешь звучать ГОРДО!

От такого дружелюбия волки дохнут...

Последовав его словам, я продрался сквозь пеструю вампирскую толпу и подошел к тому самому старику. Обычный Пожиратель, слуга, лакей в пестрых одежках. При его ссохшемся лице с бледной тощей бородкой вся эта помпезность смотрелась до боли комично.

— Здравствуйте, господин, — просипел он, пристально щурясь куда-то сквозь меня. — Чего-нибудь желаете?

— Да я...

— Понимаю, понимаю, — умудренно сказал лакей. — Господин Башет весьма предсказуем. Называйте меня Хелмадра, или Кукольник, если Вам угодно. Пройдемте за мной.

Сгорбившись в три погибели, старик извлек из-под полов мантии длинную трость, и тихо постукивая ей по каменному полу, направился туда, куда ушел Эмал.

— Да, господин, это определено вам подойдет.

Сначала Хелмадра пытался нарядить меня в тонкий, увитый искусной гравировкой доспех, но подумав, поставил его на место. Перебрал целый ворох одежд, что-то мурча под свой длинный нос. А ведь он слеп, это и дураку ясно, кто поставил его следить за гардеробом Барона? Вряд ли десяток масляных ламп, развешанных по всей комнате, могли хоть чем-то помочь старику, но, похоже, его это несколько не волновало.

— Я Вас раньше здесь не видел, господин, — сказал он, проводя руками вдоль полок. — Вы в первый раз посетили наш замечательный город?

— Можно сказать и так. — Никак не могу понять, чем меня так нервирует этот «Кукольник». Казалось бы, такая мелкая должность, хранитель гардероба, и все равно не отпускает чувство, будто он знает гораздо больше. Но если рассудить, все вокруг знают больше меня, и ничем это не изменить. Проклятая безысходность.

— Жаль, что Вы посетили нас в столь нелегкое время. Большая часть одежд наверняка сгорела в доме моего хозяина, мы бы быстро нашли, во что Вас принарядить.

— Не велика проблема, — отмахнулся я, осматривая «гардероб». Среди узорных ковров и шкафов с одеждой покоились стройные ряды доспехов и оружия. Арсенал, переделанный из винного погреба по прихоти кого-то из Баронов. Кому нужны высохшие бутылки и кувшины, если можно использовать это место с большей пользой. Я бы и сам так поступил. Наверно.

— Где же оно... Знаете, я ведь не служу господину Башету. Не служил, до нынешнего времени. Я был хранителем гардероба господина Зеина.

— У тебя тоже есть какой-то странный талант? — усмехнулся я.

— Да, Вы правы, — тихо сказал он. — Я ведь слеп, Вы наверняка уже это заметили. А кому нужен слепой вестиарий? Но господин Зеин всегда оставался доволен.

— Так что у тебя за талант, Кукольник?

— Это ясно из моей клички, господин. Я не могу оценить красоту людей, для меня они все, как куклы. Но зато я чувствую, какой наряд лучше подойдет каждому из них. Понимаете, одежда должна отражать суть человека, его желания, его намерения. Душу, проще говоря. Вы даже не представляете, какую безвкусицу готовы нацепить на себя люди, лишь бы казаться кем-нибудь другим. Тем, кем они хотят, но не могут стать. И мой рок отнюдь не слепота, нет. Видеть ложь — вот истинная мука.

— У твоего хозяина были очень странные наклонности.

— У Некромантов свои причуды. Кто-то собирает охотничьи трофеи, кто-то коллекционирует артефакты или знания, а господин Зеин предпочитал собирать таланты... Ах, вот оно!

Черный кафтан? С красным воротом? Да еще с нашитыми зубами и когтями?!

— И так выглядит моя душа? — спросил я.

— Не совсем, — радостно добавил старик. — Пожалуйста, наденьте, я принесу остальное.

Встав рядом с зеркалом, я сбросил порядком надоевшие обноски и принялся одеваться. Старик на удивление резво шаркал от шкафа к шкафу.

Вот я одет. Совсем не по-военному, если, конечно, не считать зубов, когтей и золотой и серебряной вышивки, изображавшей оскаленных и дерущихся монстров. Как в таком одеянии можно сражаться? Ну, хотя бы не стесняет движений, уже неплохо.

— Прекрасно, просто прекрасно! — Старик растянулся в подгнившей улыбке.

— Старик, ты в курсе, куда мы направляемся? — спросил я, стукнув ногтем по пряжке ремня.

— Конечно, господин. Уверяю Вас, в схватке у вас не будет проблем. Осталось внести пару штрихов.

— Еще?

— Совсем немного.

Постучав тростью по нескольким комодам, вестиарий выудил на свет массивную каменную шкатулку. На черной крышке блестела золотом и камнями пятиконечная звезда, окруженная змейкой резких и витиеватых знаков.

— Господин Зеин велел мне хранить его у себя, на всякий случай, как будто специально знал, что вы придете. Вот, пожалуйста, примерьте.

Платиновая цепочка застегнулась на моей шее.

— Не знаю, для чего служит этот амулет, но он определенно тянется к Вам. Архимаг называл его Анх.

Крест и петля. Что бы это значило? Золото... Такое странное чувство... Тепло, мягкое, но проникающее глубоко. Немного жжет.

— Не слишком просто для колдуна? — спросил я, прикоснувшись к амулету. Действительно жжет.

— Прошу прощения, господин, — виновато улыбнулся Хелмадра, — но думаю, Архимаг знал, что делает. И он Вам замечательно подходит! Осталось подобрать оружие...

— Не надо, меч будет только мешать.

— Хм... Согласен. Но все же есть одна вещь, которая Вам точно не мешает.

Глава 10 Вновь обретенный

У старика действительно странный вкус. Стоило Гостю появиться в новом костюме перед сородичами, и реакция не заставила себя долго ждать. Кто-то гневно спрыснул, несколько дам, присоединившихся к отряду, пожирали его взглядом с ног до головы. Даже Башет не удержался и расхохотался, поминая всех Богов и демонов на голову чокнутого вестиария.

Как назло Хелмадра исхитрился вручить Гостю маленький серебряный кинжал, больше походивший на ритуальный нож, абсолютно бесполезный в открытом бою.

— Не отставай! — смеялся Башет. — Черт бы побрал этого хрыча! Уж прости, брат, кто же знал, что все так обернется.

— У него странное чувство юмора. — Гость водил пальцем по бритвенно острому лезвию, нанося и тут же затягивая порезы.

— Я тебе больше скажу, брат — его совсем нет! Кстати, если не секрет, как тебе она?

— Кто?

— Ну та девка, за провидицей приглядывает. Как не погляжу, а все тебя глазами так и сверлит, так и сверлит! Запала, видать!

Прекрасное место для обсуждения данного вопроса. Пробираясь сквозь залежи искалеченных тел, Башет, казалось, вовсе не терял присутствия духа, или же ему было все равно. Двери храма захлопнулись, отрезав путь назад. Звезда Первого все также сияла, пронзая багровыми лучами вечный сумрак серого неба.

— Ладно, не дурак — не мое дело, значит, не мое, — успокоился воитель, наконец отвернувшись от Гостя. Теперь он был абсолютно собран, черты лица вновь стали походить на звериные, пальцы поигрывали на длинной рукояти меча. — Как с памятью, брат? Вспомнил свое имя?

— Никак. — Капли крови на кинжале медленно стекали по лезвию, впитываясь в него, прорастая красными жилками в плоть лунного металла. Все у колдунов с подвохом, подумал Гость, даже такие мелочи.

Шестнадцать вампиров и тридцать солдат шли в сторону дымящихся руин, брезгливо раскидывая кишацие плеторами тела, вокруг стояла душная, невыносимая тишина. Самые умные твари попрятались по склепам и гробам, зализывая раны. Но все чувствовали — впереди ждет нечто большее, чем стадо обезумевшей нежити. Даже серебро и силы Пути не могли ослабить это мерзкое ощущение неизбежности.

— Беда, иначе не скажешь, — вздохнул Башет. — Не волнуйся, брат, я, вон, тоже, как проснулся, ни черта вообще не помнил. Ух, сколько вояк я тогда порвал с голодухи, ты б видел! Но ничего, через месяц-другой протрезвел, отъелся, поступил на службу к Архимагу. Главное с этим не спешить, а то щелкнет что-то в мозгу, и в себя уж не придешь во веки веков, знал я и таких.

— Зови меня Гость, по-другому меня еще не называли.

— Не, брат, ты что? Имя должно звучать гордо, пусть и не родное. Будем звать тебя Бральди!

— И что же в нем гордого?

— Как что?.. А, ну да, голова дурная, забываю, с кем говорю. Ну, если вкратце, был такой северный Бог весны, приносивший счастье после долгих зим.

— Что ж, если так...

— Взвод, на месте — стой!

Воины недоуменно уставились на своего командира, но приказ выполнили.

— Момент, конечно, не подходящий, но оттого не менее важный. — Клеймор медленно вышел из ножен. — Узрите все, братья и сестры! Наш собрат, не помнящий имени своего, в этот час обретает новое, могучее имя! — Лезвие плашмя опустилось на плечи Гостя. — Отныне и до момента твоего просветления, я, Башет Поющий Клинок, нарекаю тебя — Бральди! Пусть всякий титул и звание служат добрым знаком твоему имени, и никакой подлец не запятнает чести твоей! Да будет так!

Сородичи невозмутимо смотрели на творящийся перед ними фарс, в то время как солдаты дружно хлопали в ладоши, приветствуя, на всякий случай, будущего господина.

— Поздравляю, брат, теперь ты официально часть нашего общества! — Меч скользнул обратно, и Гость, уже в новом имени, пожал руку своему брату. — Ну, раз уж на то пошло, действуем по плану. Снори — берешь западный район, Марта, — северный, Хариман — восточный, Аргон — южный, остальные — со мной. Пойдем в замок. Удачи, братья, да хранят вас Боги и Первый. Бральди, не отставай, ты сегодня будешь главной ищейкой.

— В каком смысле? — огрызнулся Гость, убирая подозрительно пульсирующий кинжал в ножны.

— Большинство наших слуг погибли или отсиживаются в храме. Вся надежда на Ангуса, этот сукин сын не сдохнет просто так, уж я-то знаю. Верно?

Следующую часть пути прошли молча. От стен, окружающих кладбище, камня на камне не осталось. Останки домов перемешались с кусками изувеченных тел, в некоторых местах пахло засохшей кровью. Смрад драконьего пламени чадил над развалинами, лишь вороны взмахивали облезлыми крыльями, отрывая вожаделенные кусочки мертвечины, не желая на сытое брюхо оглашать поле брани недовольными криками. Жрачки на всех хватит, зачем с кем-то драться?

— Черт, не к добру это, ох как не к добру! — рычал Башет, принохиваясь, точно пес. — Ирида, Тахути, на разведку.

Молодые вампиры, похожие, как две капли воды, молча кивнули. Низкие, темнокожие, пышущие Тьмой, взмыли тенями в серую высь и растворились в ней без остатка.

— Чуешь? — спросил воин, глядя в мертвые остовы жилищ. Третий вампир, оставшийся с ними, нервно сжимал и разжимал кулаки, впиваясь ногтями в серую кожу. — Вот, даже Хермод нервничает...

Вязкая тьма расползлась по небу и разразилась дьявольским криком. К черному облаку тянулись десятки теней, раз за разом вспарывая ее невесомыми крючьями когтей. Кровь закапала на разбитую брусчатку.

— И шагу не ступили... Прячьтесь!

Нырнув в ближайšie развалины, вампиры затаились, наблюдая сквозь развороченное окно, как тени терзают их сородичей. Как крики стали совсем невыносимы, тьма взорвалась,

и багровый дождь оросил всю улицу.

И вот, среди руин и погнувшихся ночных фонарей, тихим шагом следует настоящая процессия. Она сливалась с нескольких улиц в огромный поток, а во главе шествия шли монахи, как всегда, с покрытой головой, что не видать лица, и верными боевыми косами за спиной. Не понятно, как столько людей умудрилось выжить, да еще не побоялись выйти из своих укрытий.

Возглавлял это шествие сам Архиепископ.

— Веве, старый хрен! Что ты творишь?! — Башет был готов сорваться с места и разметать Архиепископа по всему городу, но он контролировал Путь Зверя, и лишь бессильно наблюдал за творящимся безумием.

Хермод испуганно вжался в угол, обхватив рукава своей кольчуги.

— Соберись, тряпка! — рывкнул воин, отвесив ему оплеуху, словно какому-то юнцу. — Сидим и не рыпаемся, господа. Черт, ну почему Эмал всегда прав?!

— Узрите, дети мои! — произнес Веве, голос его дрожал, словно от восторга. — Узрите их, клятвопреступников, предавших собственного господина! Они роются в плоти нашего города, словно черви. Грязные падальщики! Теперь колдун, сидящий в замке, им не поможет, и мы вольны действовать, братья!

Лица, угрюмые, напуганные, изувеченные проходят мимо, не в силах поднять пустые глаза на своих «освободителей». Люди несут святыни своих господ, развевают знамена Темных Богов, но в этом действии нет ни капли радости или торжества. Каждый знает, что толпа — это стадо, а пастыри — на то и пастыри, чтобы вести это стадо к лучшему будущему. По мнению пастырей.

— Этот мир потерял Веру, но мы, братья, **МЫ ВЕРНЕМ ЕЕ ЛЮДЯМ! ТОЛЬКО БОГИ ВЛАСТНЫ НАД НАШИМИ СУДЬБАМИ, ТОЛЬКО ОНИ ВЕРНУТ ПОКОЙ В НАШЕ ЗЕМЛИ, ТОЛЬКО ОНИ ЕСТЬ НАШИ ВЛАДЫКИ!!! ВОЗРАДУЙТЕСЬ ЖЕ ВОЗРАДУЙТЕСЬ, ИБО МЫ ИДЕМ СВЯТЫМ ХОДОМ, ДАБЫ ОЧИСТИТЬ ЗЕМЛИ СКВЕРНЫ!!! МЫ ПРИНЕСЕМ СМЕРТЬ ВАМПИРАМ И КОЛДУНАМ!!! ВО СЛАВУ БОЖИЮ!!!**

Нестройный хор поддержал впавшего в безумие Архиепископа. Он смеялся во все горло, предвкушая будущую победу. Торжествуй, тварь, торжествуй, думал Гость, все равно ты сгниешь, как весь этот проклятый мирок! Живи, но потом я лично вырву тебе глотку и подвешу на твоих собственных кишках!

И только сейчас он понял, куда направляется толпа. Туда, откуда пришли вампиры...

— Черт, Башет, надо вернуться... — прошептал Гость.

— Тише, Бральди, чтоб тебя черти драли! — отмахнулся Башет. — За наших не беспокойся, их есть кому защитить.

— Ты что, ослеп?! Как им выстоять против такой толпы?!

— Ты недооцениваешь мощь Первого, брат. Им хватит времени, чтобы дождаться нас. Если мы, конечно, вернемся...

Боги явно решили сегодня позабавиться от души. Половина процессии прошла мимо вампиров и застыла на месте. Над ними, словно из неоткуда, кружила огромная стая птиц.

— **ВИДИТЕ, ВИДИТЕ?!** — кричал Веве. — **ДАЖЕ ПАДАЛЬЩИКИ ЧУВСТВУЮТ НОВУЮ ПИЩУ!!! ДАЖЕ ОНИ...**

Огромный ворон первал Архиепископа, с громовым карканьем вцепившись ему в лицо. Толпа дрогнула. Хор тысячи воронов рухнул вниз, выклеывая глаза и царапая головы. Косы

в руках инквизиторов вращались серебристыми мельницами, разбрасывая черные перья настырных птиц. Сонмы духов, выпущенных хозяевами на схватку с бесконтрольной живностью, ревели и метались в воздухе, вороны десятками падали на землю, но пыл их черных собратьев не остывал.

— Что за хрень?! — испуганно пискнул Хермонд, проколов от напряжения тонкую кожу, багровые капли тут же стекались, превращаясь короткие лезвия на его руках.

— Час от часу не легче! Валим!

Не разбирая дороги, Башет рванул в противоположную сторону, разбив на ходу и без того потрепанную стену в мелкое крошево.

— Бегом, бегом!!!

Чутье не обмануло воина. Сквозь крик толпы и птичий гам прорвался яростный звериный рык.

— Да вы издеваетесь!!!

Уже не скрываясь, троица неслась по разрушенным улочкам, несколько раз проносясь мимо оголодавших тварей и запуганных крестьян, молящих о помощи. Какой черт их дернул залезть в Чумной квартал?

Перед глазами Гостя пронеслись знакомые детские лица. Те самые ребята, младшие братья девушки, убитой им на чердаке. Что он мог сделать? Избавить их от мучений, как сестру? Нет, у них своя судьба. Пусть их разорвут фералы, пусть сдохнут от голода, у вампиров своя судьба, у этих малышек — своя.

Пронеслись мимо ворот Чумного квартала, уже виднелся замок Архимага. Точнее, то что от него осталось. Тишина, царившая на кладбище, оказалась глупой иллюзией. Все твари, проснувшиеся после нападения драконов, стекались сюда, в самый центр города. Гнилые туши заполонили улочки непроходимой толпой, сплетая в проходах паутины из черной слизи, срастаясь друг с другом в неведомых существ, напоминавших гигантских червей и просто необъятные горы стонущей, рычащей, скалящейся плоти.

— УМРИИИТЕЕЕЕ!!! — закричал Башет. В один прыжок добравшись до паутины разрубил ее своим мечом. Слизь зашипела, по улице разнесся удушливый смрад. Сотни глаз уставились на вампиров безумным, голодным взглядом.

Хермонд красной молнией несся от чудища к чудищу, разрывая их на части и высушивая визжащие тела до костей. Башет явно знал, кого следует взять с собой, и Гость бросился в омут битвы с головой.

Приняв на ходу свой истинный облик, он бежал рядом с сородичами, удар за ударом прокладывая дорогу к замку. Костюм, подаренный Хелмадрой, не думал рваться под напором звериной мощи. Он словно сросся с телом Бральди, трофеи поверженных монстров не мешались и не кололи бока, лишь подстегивали вампира быстрее уничтожить врага, чтобы добраться до следующего. Пока не иссякнут бесчисленные орды безумной падали, и внутренний зверь не уснет вновь.

Десятки рук колотили беснующегося вампира, лицо и руки его превратились в сплошную кровоточащую рану, но это его не останавливало. Башет и Хермонд разили чудовищ с безумной яростью. Черная слизь покрывала их с ног до головы, меч в руках предводителя то и дело выскользывал из рук, пронзая насквозь очередного мертвеца.

Под тяжестью плоти рухнули статуи, горгульи, украшавшие дозорные башни, злобно смотрели снизу вверх на пробегающих мимо воинов, скаля разбитые морды. Мощные стены заволкло смрадной паутиной.

— Всего ничего! — КлейморБашета разрубил пополам визжащего червя. Не червь многоножка. Человеческая многоножка. — Бральди, где Ангус?! Нас надолго не хватит!

Пришлось на время забыть о любовании собственной силой и болью. Направив всю свою ярость в зов, Гость потянулся к сознанию своего раба. На счастье, он был неподалеку. И вот проблема — в лаборатории Архимага. Лезть под землю сейчас не самая удачная идея.

— Что встал?! Не молчи! — крикнул Башет... и через секунду взревел точно ужаленный дракон: — ХЕРМОНД!!!

Парню всего лишь не хватило скорости. Одна из тварей зацепила его своим щупальцем, и теперь сотни обвили его, точно кокон. Он даже не успел закричать.

Рубанув что есть мочи булькающую гору мяса, воин устремился на помощь собрату, но было поздно. Парень не пожелал сдаваться и отдал свою жизнь подороже. Багровый туман распростерся по площади, закипел, и взорвался с оглушительным грохотом.

— УБЛЮДКИ!!!

Отбросив бесполезный клинок, Башет одним движением сорвал с себя доспех. Кольчуга лопнула, словно мыльный пузырь, от человеческого облика не осталось и следа. Исполинская летучая мышь, не шла ни в какое сравнение с обликом Гостя. Командир полностью отдался внутреннему зверю, но успел выкрикнуть напоследок:

— ИЩИ АНГУСА, Я ИХ ЗАДЕРЖУ!!!

Теперь его не вернуть назад, Бральди это четко ощущал. Но Башет все-таки герой, не отдаст от себя задарма ни кусочка.

Расправив крылья, Гость взмыл над каменной стеной и прислушался к крови. Раб все еще сидел в подземелье, и, похоже, не собирался покидать ее до самой смерти. Он не чувствовал зова хозяина, его разум был пуст и туманен.

Тяжелый удар обрушился на ребра вампиру. Неведомая тварь о двух крылах и трех головах вцепилась в него, пытаясь прогрызть и распороть кривыми когтями шкуру Гостя.

Окружив себя Тьмой, он выскользнул из мертвой хватки уродца и на полной скорости устремился вниз, ко входу к подземельям. Но и тут его ждала засада. Еще несколько тварей взмыли в воздух и ударили его.

Приземление оказалось на удивление мягким. Хрустнули кости, заревели от боли подкошенные Гостем фералы. Бральди не обратил на них внимания. Нырнул в разбитую арку, тень подземелья поглотила его. Последнее, что он услышал, как летучие монстры обрушились на проход, и ветхий камень завалил проход.

Глава 11 Весть мертвеца

Подземелье было пустым, чары, наложенные Архимагом, еще сохраняли силу. Темнота не мешала вампиру, но единственным надежным ориентиром для него оставался лишь зов крови. Ангус все приближался, Гость спускался глубже и глубже в проклятые казематы. Комнаты учеников и малые лаборатории пустовали. Большая часть оборудования осталась на месте. Некроманты не успели ничего сделать.

Мощная дверь, украшенная волшебными знаками, слабо сияла в темноте, словно приглашая Гостя войти. Он попытался открыть ее, но она не поддавалась. Странно, ведь на ней даже нет замка.

— Ангус, открывай! — крикнул он, ударив мощным кулаком по окаменевшему дереву. Раб не отозвался. — Выходи оттуда, черт тебя дери!

— Прочь!!! — Голос Барона сорвался на истерический визг. — Уходите!!! Оставьте меня!!!

— Я тебе приказываю, щенок! Открывай дверь!

— НЕТ!!!

Рыдает, как девка, подумал Бральди. Неужели придется на силке тащить его оттуда?

Прошло время, но Ангус не собирался выходить. Лишь плакал, понося Богов, Первого и всех иных созданий, повелевающих человеческой судьбой. Не в силах больше этого терпеть, Гость взял власть в свои руки.

Раб сопротивлялся, не самостоятельно, помраченный рассудок не давал хозяину установить над ним контроль. Постепенно Бральди укреплял связующую нить, по капле вливал в нее силу, пока разум Ангуса не открылся настолько, что хозяин заместил его сознание своим.

Кругом разруха. Рядом лежит сломанная трубка и пустой мешочек из-под «лунной пыли». Вампир сидел, обложив себя без разбору всеми оберегами и талисманами Архимага. Мысли и образы проносились в его голове огненной бурей, то распаяя, то угнетая помутившийся разум племянника. Перед его глазами проносились гибель города, Зеина, исчезнувшего в столпе мертвого пламени... и что-то еще, чего Гость не мог понять. Отбросив в сторону пустые мысли, он дернул за нити крови, приказывая рабу двигаться к двери. Марионетка не сопротивлялась, но шла неохотно, ноги то и дело подкашивались, а руки то и дело цеплялись за обломки магических инструментов. Несколько карт и печатей порвались в клочья. Дурман определенно не пошел мальцу на пользу.

Наконец Ангус добрался до двери. И вот в чем штука с дверью. Багровые шипы прошивали ее насквозь, намертво скрепляя с дверным проемом. Выломать такую можно только тараном. Раб провел пальцем по кровавому камню и тот растекся по полу бурой жижей.

Дверь медленно отворилась, и Ангус предстал перед своим хозяином. Грязный, израненный, безумный.

— Когда я приказываю — исполняй! — рявкнул Гость, ударив его о стену. Раб испуганно смотрел на него. — Ты все это время просидел здесь?!

Ангус ничего не ответил, лишь опустил взор.

— Смотри в глаза, щенок!

Мощная оплеуха привела его в чувство, взгляд прояснился.

— Где колдун? Что с ним случилось?

— Он мертв... — усмехнулся раб. — Он... умер... но не совсем...

— Как это?! Говори ясней!

— Дядя ушел... в мир духов. Но он поклялся, что поможет тебе.

— Как поможет? Что ты несешь?! Мертвые ничем нам не помогут!

— Кто бы говорил... Он оставил для тебя послание.

— Какое? Где оно?

— Здесь. — Ангус провел изуродованным пальцем по грязной шее. — Моя кровь в твоей власти. Читай на здоровье.

Не в силах сдержать злость, Гость еще раз ударил его по лицу. Выставил клыки и вонзил их в артерию свихнувшегося Барона.

Как бы ни был истощен и одурманен Ангус, его кровь кипела силой. Бральди жадно впитывал его воспоминания, но нужной картины не находил. Он чувствовал, как жизнь медленно покидает раба. Нельзя отступать. Старик гораздо важнее этого пижона.

«Здравствуй, добрый друг. Прошу простить меня, за то, что покинул Вас в столь горький час. Я так много не успел Вам рассказать, что жалею об этом до сих пор. Но позвольте мне начать с главного: я мертв.

Не удивляйтесь и не делайте поспешных выводов. Вы еще слишком молоды, чтобы понять законы этого мира, и тем более никто не способен понять жизнь магов. Но она такова — волшебники не знают смерти, и нам не видать покоя даже после поцелуя этой вечно прекрасной женщины.

Теперь я лишь дух, ничто не держит меня на этой сгнившей земле. И если все идет так, как я предвидел, мой замок разрушен, а ученики отправились за мной. Но не печальтесь, друг мой. Долг волшебника — видеть дальше других, и я не оставлю Вас одного на произвол судьбы.

Я успел заметить, что страх это несвойственная Вам материя, но все-таки я предостерегаю Вас от излишней храбрости. То, что случилось с нами, лишь начало грядущих перемен во всем Белендаре. Пустошь и ее порождения теперь для Вас не самая страшная проблема. Та сила, что натравила тех ужасных монстров на мои владения, не остановится, пока Ваш прах не развеется по миру. Она боится Вас. И у нее множество могучих союзников, противостоять которым в одиночку Вы не способны.

Эльза прекрасно это знает, хоть и не до конца понимает, чем это обернется для нее. Теперь она Ваш самый надежный спутник. Берегите ее, и она приведет Вас к Вашей судьбе. На пути Вы найдете множество верных друзей, даже Катаклизм не смог убить наших сердцах чувство дружеского локтя.

И, прошу Вас, позаботьтесь об Ангусе. Как бы ни был силен этот мальчишка, сотни лет щегольства и проматывания жизни не принесли ему ни ума, ни пользы. К тому же, он теперь Ваш раб, а насколько хорошо я знаю обычаи вампиров, хозяин несет ответственность за все глупости своего подчиненного. Будьте с ним строже, и, уверяю, он Вас не разочарует.

Теперь я перейду к самому главному, Вашей памяти. Тех обрывков, что я увидел при нашем первом знакомстве, мне оказалось достаточно, чтобы понять — Вы как-то связаны с Катаклизмом и с тем, что превратило Белендар в то, чем он стал. К сожалению, я не могу вернуть Вам память, но есть человек, которого можно считать компетентным в данном вопросе.

Имя его Сонатер. Еще при жизни он имел огромный интерес к Вашему роду. Говорили даже, будто он добился замечательных успехов в этой области. К сожалению, он повредился рассудком и покинул владения своего господина ради продолжения своих изысканий. Но есть и светлая сторона — Сонатер никогда не отличался подвижностью. С высоты моего нынешнего состояния я могу уверенно сказать, что далеко он не ушел.

Вы должны найти его как можно скорее! Он обитает в окрестностях замка Ашеран, и путь туда предстоит неблизкий. У Вас есть выбор, идти через Пустошь, уповая на волю Божью, или спуститься в подземелья Механистов. И честно признаюсь, я понятия не имею, где Вас поджидает большая опасность. Дикие земли беспощадны к любому, осмелившемуся ступить на их просторы, а Механисты — народ крайне замкнутый, и я сомневаюсь, что договор с мертвым Архимагом возымеет над ними хоть какую-то силу.

Как бы то ни было, теперь у Вас есть выбор. Вы можете забыть все, что я Вам говорил, и самому вершить свою судьбу, или же послушать совета бесплотного духа и изменить жизнь всего Белендара.

Удачи, и да пребудут с Вами Боги.

Ваш покорный слуга, Архимаг Зеин Проклинающий».

Сумасшедший старик... Не может даже уйти в мир иной по-человечески! Не нашел ничего лучше, чем спихнуть на меня своих любимых уродцев!

И один из них сейчас болтается у меня на спине, невесомый, словно тряпка. К счастью, наступила крошечная тьма, твари, жадно рвущие друг друга на части, не желали нас замечать. Им просто не хватит ума поднять мордык небу.

Город укрыла пелена мрака, но он не мог уснуть. Сотни паразитов копошились на его останках. До убежища осталось не далеко.

Холодный ветер бил в лицо, провалившийся в спячку раб тихо рычал, стоило мне лишний раз взмахнуть крыльями. Все-таки стоило прислушаться к себе, не доверять магам, никогда не доверять чертовым чародеям! Взял меня на поводок, как доверчивую псину, поманил сладкой косточкой, усадил в теплую сухую конуру. Пришло время платить.

— Эх, здорово мы их! А, Фалкор?

Охотники устроили пир на костях павших врагов. Но шаман был не весел. Его не покидало чувство, будто что-то пошло не так, словно он упустил нечто очень важное в их походе.

— Жаль тот, в цветастых тряпках, смотался. Он явно слаще этих заморышей. — Радости Кина не было предела. Он с наслаждением жевал чью-то ногу, довольно скаля волчьей пастью. — Чего грустишь, шаман? Присоединяйся к нам, угости Жизнь хорошим мясом!

Фалкор видел, как блестят в темноте голодные глаза оборотней, как танцуют среди них воины, раскалывая черепа своими топорами, и вгрызаются в гнилой мозг поверженных врагов. Ничего необычного. Кругом разбитые камни, кости и плоть, прах...

Шаман пытался отвернуться от них, вслушаться в голос Жизни, трепещущий в нем, в крики воронов, увидеть землю взором орла. Ничего не получалось.

В какой-то момент он решил пойти к остальным, присоединиться к общему пиру, но тут его настигло озарение. Каждый росток в его теле затрепетал, чувствуя зов Светлого Лица.

Фалкор увидел свет. Сияние, наполняющее все его существо. Он шел с черных небес, пробивался сквозь вечный мрак. Недалеко, где-то здесь, прямо над головой.

— Фалкор, смотри! — ухмыльнулся Чирин, натягивая тугий лук. Первый стрелок племени, никогда не промажет, костяная стрела всегда найдет брешь в железных одеждах. И сейчас она смотрела на едва заметную тень, снующую в облаках. — Сейчас я его...

— Нет, остановись!!!

Шаман едва успел добежать до стрелка, отвести оружие в сторону. Испуганный росток резанул Чирину по рукам, и стрела улетела в сторону, ударившись о каменную стену дома.

— Это он! Скорее, за ним! — закричал шаман, вскакивая на спину ничего не понимающему Кину. — Ну же, не стойте! Светлый Лик указал на него!

— На кровососа?! — удивился оборотень.

— Захлопни пасть и вперед! — Шаман был зол на глупость своего друга. — Все, быстрее за ним!

Глава 12 Сородичи

— Добрых дней вам, друзья и братья. Уже многие встречи прошли в этих стенах, и, надеюсь, далеко не последняя. Поскольку я, Молох Сгущающий Тени, являюсь старейшим из

здесь присутствующих, мне предоставлена честь открыть наше собрание. И сразу же перейду к делу. Зеин был прав.

Все давно это поняли, когда еще старик-Элементалист стоял в зале Совета, во плоти, полный страха и непонятных надежд. Стефано и Вильям молитвенно сложили руки, желая духу их брата и наставника удачного путешествия через Полотно. Вальдран последовал их примеру, после чего плотно приложился к фляге с дурно пахнущим эликсиром. Только Сей Фа и Нефертари молча глядели, как пляшут четки в тощих руках Алхимика.

— Зеин был прав, — повторил он. — Как всегда, мы слишком поздно отреагировали на движение узоров Полотна. В результате, один из мудрейших наших братьев отправился в мир иной, так и не успев сказать нам всей правды. Но одно я знаю точно — никто из нас не укроется от перемен, наступающих в Белендаре. А потому я с радостью выслушаю ваши предложения на этот счет.

Они молчали, точно безалаберные студенты перед преподавателем, за месяц сообщившим о начале экзаменов. Сам мир диктовал условия этих экзаменов, и каждый был уверен, что именно он каким-то чудом сдаст этот проклятый зачет. Вот только подкупом или шантажом нынче ничего не добьешься. Мертвые души пришли в движение, не получится спустить все на тормоза, оставив каждого Архимага наедине со своим наделом.

— Ну же, говорите! — Сиплый голос Молоха едва не сорвался на крик. — Вы прекрасно понимаете, чем это грозит вашим костлявым задницам!

— Тише, Молох, — сказала Нефертари, проведя золочеными коготками по фарфоровым губам. — Такие дела не решаются сие моментно.

— Ты лжешь себе, сестра! Уже давно была пора что-то решать, но мы застыли, словно истуканы, заперлись сами в себе! Пришло время действовать!

— Брат, при всем уважении, — вставил Вальдран, оторвавшись от питья, — Нефертари права, нам нужно время. Я тебя прекрасно понимаю, брат. Не прошло и нескольких дней, а слухи уже растянулись на все дороги, спасу нет. Простолюдины ропщут на магов, Епископат сотрясает своими божками, что-то тряндят про походы, неверие и прочую чушь.

— Да, брат, это повсеместно, — сонно согласился Сэй Фа, поправив складки огромных рукавов. — Жрецы Вань Ань все как один пророчат Новую Смерть, страшный суд, как не назови, все сводится к одному — промедление смерти подобно. Если так пойдет дальше, Епископат просто перебьет всех Баронов, а нас с вами, друзья, поставят под косу. И тем не менее, я согласен Нефертари, такие вопросы не решаются одним днем.

Молох с тихим рыком опустил на несуществующее кресло. Говорят, маги не способны на чувства? Полная ерунда. В душе Алхимика кипела такая ярость, словно вся Сервселенной сгустилась у него в груди. Стефано и Вильям понимающе смотрели на него. Естественно, Психик лучше всех поймет чужую душу, даже не прибегая к колдовству. Молоху было обидно потерять лучшего, единственного друга... Кого еще он мог назвать другом? Братом — на то оно и братство, что никто не остается в стороне, но братья могут враждовать. Товарищем? У всех присутствующих свои цели, и при желании они могут бросить друг друга на произвол судьбы, как десятки магов, покинувших Совет до них. Друзей не осталось.

— Братья, ответ напрашивается сам собой, — сказали «близнецы». — Зеин был прав, и если такой могучий чародей как он не избежал своей участи, что уж говорить о нас? Совет должен собраться вновь. Время не ждет. Пример нашего покойного брата наверняка вдохновит остальных на сотрудничество.

— О Боги, гениально! — зашипел Молох. Костлявые пальцы хрустнули от напирющей злости. — И как вы предлагаете это сделать?

— Проще некуда, Молох, — вздохнула Нефертари. — Если они не откликнутся на послание Зеина, их ждет смерть. Думаю, сильные, а главное, разумные наши братья и сестры не пропустят столь убедительные доводы мимо ушей.

— Мне кажется, или многие из нас стали страдать косноязычием? — усмехнулся Вальдран, расчесывая бороду. — Господа, это же элементарно! Коль им дороги свои задницы — прибегут как миленькие! Не прибегут — их проблемы! В конце концов, не на одном лишь серебре держится этот мир, экономика все стерпит.

— Да, брат, как хорошо, что ты вспомнил об этой замечательной науке, — сказал Сей Фа. — Действительно, каждый замок потеряет огромные деньги, игнорируя наш призыв. Насколько я помню, твои края славятся обильной дичью. Действительно, тебя не затронут никакие экономические дрязги, сытое стадо — довольное стадо. С другими районами ситуация гораздо сложнее. Особенно в этом плане не поздоровится тебе, милая Нефертари. Какой толк с рудников, если на все серебро и золото ты не сможешь купить даже паршивого Ферала на завтрак?

Волшебница промолчала. Естественно, она думала отнюдь не об урезании собственного рациона. Молох знал ее достаточно долго, в нужный момент Нефертари способна наступить на горло своей напыщенности и начать думать в перспективе, что обязан уметь каждый колдун, тем более Архимаг.

— Да, сестра, над этим стоит задуматься, — сказали Стефано и Вильям. На миг в их глазах мелькнул странный огонек, нисходящая улыбка на лицах поникла. — Предположим, что вопрос с Советом решен. Остается не менее насущная тема. Епископат. Не секрет, что маги никогда не вызывали доверия у простолюдинов, и священнослужители — наша первейшая опора на этом фронте. Ни в коем случае нельзя допустить паники среди жрецов.

— Думаю, с этим не будет особых проблем. — Молох наконец успокоился, четки перестали брнчать словно погремушка. — Жрецы столь же продажны, как и Бароны. Стоит посулить им хоть какие-то привилегии, и они готовы нам пятки лизать.

— Да-да-да, — усмехнулся Вальдран, — все попы падки на серебро. Вот только маленькая загвоздка — у каждого свои Боги. Может священника Иеха и считают себя «рабами Божьми», для них вообще всякая власть от «Всевышнего», но далеко не все они столь бесхребетны. И не забудьте про Инквизицию! С такого шила никак не слезть, я уже пробовал.

— Молох прав, — сказала Нефертари. Ее взгляд блуждал между узорами стола, между скачущими искрами Эфира, льющимися от самого Полотна. — Подкупить Архиепископов ничего не стоит. Нельзя допустить распространения слухов. И избавиться от их главного источника — Архиепископа Веве. Для существа, не имеющего либидо, у него слишком большие амбиции.

— Думаешь, он все еще жив? — спросил Сей Фа. — Вряд ли кто-то...

— Он жив, — перебили его «близнецы», — его рабские души воют от нетерпения и боли. Им не хватит сил распространить вести всему духовенству, но стоит поспешить. Если он доберется до ближайшего храма, нам всем несдобровать. Бормотание беженцев и Механистов это одно, но ни в коем случае нельзя допустить его возвращения.

— Всегда поражаюсь вашей осведомленности, мальчики, — сказала Нефертари. — Так уж и быть, разберусь я с этим...

— Нет, сестра, — вставил Молох, — владения Зеина примыкают к моим землям, я сам с ним разберусь. И настоятельно рекомендую оповестить всех наших коллег, чем вы все и займетесь. Результаты сообщать мне лично. Ну, чего сидим? Быстро!

Не проронив ни слова, Архимаги растворились в пустоте, вышли из безвременья Зала Совета. На какое-то мгновение Молох задумался. Где-то определенно есть подвох. Почему-то он знал, что Вева доберется до храма, хоть убийцы облепят его как блохи чумную псину. Баланс элементов смещается слишком быстро, не нужно даже смотреть в ауроскоп.

Опустившись на стул, сплетенный из нитей вечности, он посмотрел на свои четки. Каждая бусина искрилась силой, чувствовала беспокойство хозяина, переливаясь всеми цветами на свете. Не в силах больше терпеть, Архимаг достал черную трубку. Щелкнула древняя табакерка, в отсутствующий нос ударил резкий запах дурмана.

Маги. Самые могучие существа в этом мире. И все они лежат под пятой обыденности. Нефертари страдает по безвозвратно утерянной красоте (даже такой аскет как Молох помнил ее улыбку), Вальдран как полоумный несется с топором на всякого, осмелившегося ступить на его территорию, словно медведь-шатун. Даже Молох, Алхимик, всячески далекий от подобных соблазнов, прячется от реальности в Зале Совета, набивая каменную трубку вонючей пылью. Лишь Стефано и Вильям не забыли о своем предназначении, хотя они больше смахивают на духов, вырванных из Полотна в плоскую реальность. Даже они не от мира сего. И ничем они ему не помогут, этому маленькому сгнившему шарик, несущемуся в пустоте среди бесконечной пустоты, освящаемому такими же холодными, мертвыми звездами.

Терпкий дым мягко обжег легкие. Печаль пропала куда-то сама собой. Вот так, подгоняемый искусственной силой, Некромант начал свою охоту. На ведьм... нет, на Ересь. Убить Еретики! И всякий смерд откликнется на призыв Архимага, естественно, с одобрения жрецов Иеха. Во славу Единого!

Резервное питание. Включено.

Обзор затуманен. Попробовал пошевелить руками, безуспешно. Подал больше мощности на механизм, левая рука со скрежетом оторвалась. Показатель общего урона бился в истерике.

К-14 освободил оставшуюся целой конечность и протер объективы.

Сбой системы.

Процессор закоротило, и механист вновь провалился в прострацию.

Резервное питание. Включено.

Повторный перезапуск системы принес неожиданное открытие: другой некротех, обыкновенный слуга, разбирал его мертвых собратьев на запчасти. При столь обширных повреждениях он должен был лежать грудой металлолома среди обломков ангара, но Механист оказался не из простых. Провел самостоятельный ремонт и модификацию, и теперь больше походил на неисправную модель старшего некротеха. Половину черепа ему заменили зрительные сенсоры боевых товарищей, на месте дополнительных обслуживающих конечностей отливали металлом огнестрелы.

Повинуясь основной программе, К-14 послал собрату сигнал. Запрос ремонта. Тот не отреагировал. Механист повторил сигнал, слуга продолжал аккуратно отвинчивать запчасти с тел павших. Боевой некротех... удивился. Совершенно по-человечески. Система диагностики продолжала увещевать его о тяжелом уроне, отказе систем, вываливая перед

ним кучу информации, внезапно потерявшей всякий смысл.

— Помоги... — проскрежетал он, не узнав собственного голоса. — Брат, помоги...

Зажужжали запылившиеся приводы. Слуга оторвался от своего занятия и подошел к К-14. Пробежал по нему разнокалиберным взором, наклонился, вырвал из его головы застрявшую арматуру.

Сбой системы.

Основное питание. Включено.

Инициализация компонентов.

Изображение стало предельно четким. К-14 видел все в мельчайших подробностях. Все, до мельчайшей пылинки, кружащей хороводы вокруг объективов. Шея вращалась на удивление легко, словно некромех только сошел с конвейера. Удивление. Не показатель, не сигнал системы. Чувство.

Руки и ноги К-14 были в полном порядке. Он присмотрелся — разрозненные детали складывались в цельное тело. Многие были покорежены, оцарапаны, выпрямлены, надежно сварены и тщательно смазаны.

— Вставай.

Боец резко выпрямился. Вокруг ровными кучами свалены тела и развинченные механизмы. Все разложены четко по калибру и маркировке.

— Инициализация, — проскрежетал металлический голос.

— К-14, боевой брат, — не задумываясь ответил К-14, вновь не узнав себя, — мастер — ИР-480.

— Забудь, — сказал «голос».

Слуга возвышался над ним, словно хозяин. Щелкали шестеренки в восьми руках, паучьи ноги медленно опустились рядом с бойцом.

— Я помню тебя, — сказал слуга. Покореженная челюсть его плохо слушалась. — А ты меня, брат?

— Брат? — спросил К-14.

— Что ж, неважно. — Слуга поднялся и вновь принялся копаться в остатках несортированных деталей. — Все мы братья, особенно после того, что *они* сотворили с нами.

— О чем ты? — К-14 вскочил на ноги и тут же упал, звякнув металлическими коленями о бетонный пол.

— Синхронизация не окончена, не спеши, — не отвлекаясь сказал слуга. — Сколько времени я на тебя убил, одни проблемы с боевыми некромехами — ни одной взаимозаменяемой детали. Ты помнишь, как тебя зовут?

— К-14, боевой...

— Нет, — отмахнулся слуга, — настоящее. До вступления в Орден. Которое дали родители.

— Нет...

Членистоногий вздохнул. Странно вздохнул, по-человечески, но поврежденный голосовой аппарат превратил эмоцию в бессвязный скрежет.

— Я помню. Ты — Мартин, из рода Гальдров. А я Корвин, просто Корвин.

Мартин — К-14... Или К-14 — Мартин... Что за чушь?!. Мысли... Впервые за много лет в его потухшем сознании метались какие-то мысли. Слабые, тонкие, неокрепшие младенцы будущих идей... Раскаленный штырь памяти вонзился в звенящий череп, выжигая программы, процессоры и платы.

— Не спеши. — Сегментарная лапа Корвина звякнула о металл. Боль ушла. — Твой мозг еще не научился думать. А ведь забавная вещь: Братство изобрело паровой двигатель, порох, электрические генераторы, даже научилось заменять людям конечности, естественно, во имя большей функциональности! Но никто еще не объяснил, как мертвая плоть может шевелиться спустя сотни лет гниения и мумификации!

К-14 смотрел на брата, словно на умалишенного, но не мог ничего ему противопоставить. Он сам когда-то об этом думал, попивая сивуху в старой мастерской неподалеку от рудной шахты. Отец без конца твердил, что у него талант, и нельзя топить его просто так, на дне бутылки! В первый раз не помогло, хмель сгубил его. Потом пришел Катаклизм и вернул все на круги своя... не совсем, но со стороны простых людей ничего не изменилось.

— Магии не существует! Неопознанный фактор, неоткрытый закон — да пошло все к черту! В конце концов, я — человек! Был... человеком...

— Что происходит? — простонал Мартин, уперев взгляд в разорванный потолок. Словно там, в мертвом, бездушном небе, кто-то мог дать ему ответ.

— Твои процессоры повреждены, Мастер мертв, объект задачи потерян. И теперь — о чудо! — мы свободны! Брат, что ты хмуришься? Встань и улыбнись! Больше никто не поймет твою металлическую задницу!

От нервного скрежета Корвина Мартину стало не по себе. Перед ним стояло нечто, не поддающееся идентификации, неизвестная модель неизвестной серии — членистоногий многорукий урод, бряцающий металлом в такт нарастающей истерики.

— Посмотри, брат — кто мы?! Зачем мы теперь нужны?! КОМУ?!

— Надо... вернуться в Бункер... на диагностику.

— Диагностику! Очнись, брат, ты бракованная модель! Я бракованная модель! Единственное, что нас ждет — утилизация! В лучшем случае полнаякиборгизация и форматирование памяти! Ты этого хочешь, Мартин?

— Я не...

— Что «не»?

— Я... не знаю.

— Твою мать, ты же воин, Мартин! Ладно, не можешь придумать план, будешь ему следовать. Помоги разгрести это дерьмо, у меня есть идея.

— Что?

— Да не стой столбом, неси все это в подвал! Скоро здесь будет жарко, нам надо подготовиться.

Тьма и сырость. Вокруг ни единого фонаря или знака. Но все же Бральди чувствовал путеводную нить — запах крови. Кто-то очень постарался для своих братьев, не пожалел капли жизни на безопасный проход.

— А-а, черт, как же тошнит... — рычал Башет, не в силах уснуть в колыбели носилок. Передний носильщик споткнулся. — Аккуратней, сучий ты потрох!

Гость шел в середине строя, вдыхая окостеневшие запахи подземелья. Камень и почва слились в причудливых узорах, сплетаясь и разрывая новые узлы и петли. Холодная змея коридора тянулась бесконечно долго, не желая прерываться или устраивать петли. Ровная дорога, но вампира не отпускало чувство, что даже на прямом пути можно потеряться. Кровь и камень шептали ему об этом. Если бы не сопровождение, он бы слился с нитями,

направляющими путников и охраняющими этот путь от не прошенных гостей.

— Не могу поверить, мы все еще живы! — причитал Хелмадра, задорно постукивая тростью по звонкому камню. — Ух, как же все-таки интересно иногда почувствовать настоящую опасность, всего мгновение — и уже чувствуешь себя живым! Со всеми, простите, потрохами!

— Ты сидел в храме, старик, — проворчал Ангус. Негнущиеся ноги то и дело заплетались, и бывший Барон с шипением падал то на стену, то на правую руку своего хозяина. — С какой стороны ты видал опасность?

— Воображение, господин, воображение! — Вестиарий словно помолодел на глазах. Стоило ему выпрямиться, расправить плечи, и шляпа-башенка уже упиралась в потолок пещеры. Только сейчас Гость заметил, что старик мало уступает ему в росте. — О Боги! Драконы, «чумные», дикари — господин Зеин был бы в восторге... Ой, нет, не был... Что ж, надеюсь, он простит мне такую оплошность... Господин Башет, ради всего святого, перестаньте рычать! Вы мешаєте нам вести беседу!

— Захлопни пасть, Кукольник! — рывкнул Башет, едва не свалившись с носилок. Видимо, молодым вампирам его израненная туша воина оказалась не по силам. — Шевелите культями, убогие! Ровнее, не дрова везете!

— Просим прощение, господин, — сказали вампиры, плотнее сжав стальные прутья. — Черт, ну скоро еще?

— Терпите, уже скоро.

Кларисса шла во главе колонны, взмахивая посеребренным клинком, то и дело рассекая пустоту. Зачем — никто не понимал. Казалось, возвращение Гостя и старого хозяина лишь разозлили ее, и теперь она вымещала свою ненависть на тенях, не видимых никем, кроме нее самой. За ней тихо плелась Эльза, вздрагивая всякий раз, как клинок со свистом рассекал душный воздух.

Узкий коридор плотно забил народ, молчаливое, трусливое стадо, ведомое теми, кто еще мог держать в руках оружие. Солдаты тряслись над своими сородичами, ведь они ничем не отличны друг от друга, кроме одного — собаки охраняют стадо, чтобы пастух не содрал с них шкуру.

Процессия, подгоняемая страхом, усталостью и болью, шла туда, где меркнут все надежды простолюдинов, и загнивают мечты Баронов — в зал Старейшин, серых кардиналов серого мира. Безусловно, одна кучка древних вампиров не могла контролировать весь Белендар, не всякий маг на такое способен, но даже эта кучка, одна из многих, могла решить будущее всей траурной процессии, когда-то бывшей простыми жителями города, сытыми и ленивыми.

— Они действительно настолько сильны? — спросил Бральди.

— Ты даже не представляешь, насколько, — усмехнулся Ангус. — Никогда не видел, как чародеи дерутся меж собой?

Хозяин не ответил.

— Так вот, вампир против мага что пума на медведя...

Жужжит, муха, жужжит, думал про себя Бральди. Все никак не заткнется. Вампир все глубже уходил в себя, подальше от назойливых стонов и перебранок надоевших попутчиков.

Проклятый старик прочно засел у него в голове, вместе с кровью этого болтливового упыря. И что теперь? Бросать! Бросать все это к чертовой матери! Пусть Боги разбираются со всем миром, кому кроме них нужна эта прогнившая тыква! Что я мучаюсь с этими

пустыми тварями, словно прикованный? Я — один. Я — пустой, мне нечем им платить, им нечего у меня брать. Я — один...

Незаметно для себя, он действительно остался один. Туннель все так же вел вперед, тьма расступалась со странным шелестом, словно Гость с каждым шагом отбрасывал невидимые занавеси. Пустота сгущалась, давила, пыталась прощупать незнакомца насквозь. Со всех сторон на него глядели сотни мерцающих глаз. В них не было голода, не было ярости. Это не дикая тварь, обжившая безжизненный закуток бесчисленных подземелий.

Братья. Сородичи. Удивление и страх. Они боятся его.

— Верно, ты один, — шелестели каменные стены. — Не такой, как мы. Уходи, мы освобождаем тебя от обещаний.

— Покажитесь, трусы, — сказал Бральди. Руки сами собой тянулись к россыпи костей, украшающих кафтан. Осколки мертвых зверей готовы рвать и метать.

— Ты другой крови, мы не обязаны тебя слушать. — Шелест нарастал в нестерпимый гул. — Мы — дети Дахаки, мы обязаны быть на этой земле. Ты — Ложь, даже для Тьмы, что вернула тебя к жизни. Уходи, и мы оставим тебя в покое.

— Я... не могу. Не хочу. — Злость разливалась жидким пламенем, клокотала в холодных жилах. — Я здесь по воле Зеина Проклинающего. Вы не вправе стоять у меня на пути.

— Архимаг мертв, чужак. Клятвы мертвеца ничего не значат в этом мире. Чем он заплатит нам? Серебром? Чародейством? Слугами? Мы даем тебе последний шанс изменить решение. Мы знаем, зачем ты здесь. Мы хотим жить. Все перемены — к лишнему.

Гость не оступился. Он пережил слишком много, чтобы просто взять все и бросить. Хотя минуту назад носились абсолютно иные мысли. Собрав ярость в руках, он схватил невидимое полотно, с треском порвал его на куски, вопль множества глоток ворвался в уши... и затих.

— Никто не смеет мне указывать.

Вуаль иллюзии стекала с его пальцев, распадаясь брызгами криков по холодным сводам пещеры. Через какое-то время, ярость покинула Гостя, и он понял, что крики — не голос разрушенных чар. Его искали. Где-то далеко впереди, в кромешной тьме.

— Бральди! — кричал Башет, понося всех Богов и святых. — Бральди, сукин сын, где тебя черти носят?!

— Господин Бральди! — Тихий хрип Хелмадры едва пробивался сквозь изливания воина, отскакивая от гладких стен едва уловимым эхом. — Господин Бральди! Во имя Баала, почему никто не додумался взять лампу?

— Да пробовали, тухнут и все тут! — возмутился кто-то, бряцнув металлом. Громко выругался. Шум приближался. — Господин Бральди, вы здесь?

Кто бы мог подумать. Его ищут. Они загнали его в ловушку, сами того не ведая. Невиновны? Отнюдь. Просто не видят дальше собственного носа.

— Господин Бральди! Госпо...

— Здесь я!

Один солдат не удержал равновесия и поскользнулся, загремев железом не хуже доброй поварихи. И столь же смачно выругавшись.

— Держать строй, — бросил вампир и подхватил вояку за толстый стальной ошейник. Поставил на ноги.

— Господин Бральди, зачем нас так пугать?! — заворчал Хелмадра, продираясь сквозь

толпу беженцев к Гостю. За ним трусил Ангус, что-то злобно шептал себе под нос. — Пожалуйста, больше так не пугайте! Честное словно, чуть сердце не выскочило!

— Не говори ерунды, старик, оно не бьется, — сказал Барон, поравнявшись с хозяином. — Чем ты им так наследил, друг?

— Мощная кровь. — Гость задумался. Надолго ли его хватит? Сколько пинт жизни он успеет вытянуть из них, пока кто-нибудь не оторвет ему голову? — Это они, Старейшины?

— И ты чем-то им очень не понравился. — Бральди попытался выудить в памяти лица будущих врагов, но не нашел ничего, кроме отвращения и страха. Даже среди теней Старейшины казались чернее самой ночи. — Да уж, дядюшка, подкинули Вы мне задачу... Ладно, слушайте внимательно. Эти твари не шибко умны и до смерти консервативны, но стоять у них на пути — себе дороже. Для них не важно, кто ты — Барон, или кусок мяса с пустоши. Так что правила просты: ты молчишь, я говорю. Может и получится выторговать тебе право...

— Они не будут торговаться. — Из толпы вынырнула Кларисса, держа напуганную Эльзу за руку. Увидев Гостя, вещунья вырвалась из крепких материнских пут и бросилась ему на шею, не чувствуя, как впиваются в кожу трофеи на одежде. Вампир не обратил на нее внимания. — Это не в их стиле. Они не могут отказать собратьям в убежище, так что ты можешь оставаться здесь сколько пожелаешь. Прогнать кого-либо — нарушить закон крови. Но на помощь в твоём деле, «Бральди», можешь не рассчитывать.

— Плевать, — отмахнулся Гость. Запах Эльзы щекотал нюх, и девичья хватка казалось, крепла с каждой секундой. — Если я им настолько противен, пусть скажут мне это в лицо, а не через кровавые чары. Раз они настолько важные, придется выдернуть их жирные задницы из гробов.

Глава 13. Гибель

Черт, мне одному кажется, что весь этот мир пропах дерьмом? А ведь я почти что прав. Не дерьмо — старчина. Вот уж не думал когда-нибудь учуять эти миазмы. Шаг за шагом встречаю что-то неизменное, что запомнит даже дитя.

Пока беженцы разбрелись по освещенным вонючими фонарями коридорам, я успел оглядеться. Это склеп, самый что ни на есть подлинный склеп, с рядами древних золоченых гробов, тихо гниющих в выдолбленных нишах каменных стен. Многие из них отсутствовали или были пусты, и оставшиеся усыпальницы смотрели с осыпавшихся фресок хмурыми лицами спящих лордов. Проснутся ли они когда-нибудь? Нет. Внутри лишь пыль.

Искусственный свет раздражал, нервировал, казался чужим и отвратным, хотя чем, я не мог понять. То же пламя, только смердит и как-то странно искрит разноцветными огнями. Даже не хотелось думать, чем же наполняют эти светильники.

Мой раб сразу отвел меня в сторону, не спуская глаз с Клариссы и Эльзы. Хелмадра хотел было пойти за нами, но раненый Башет оказался проворней. Его недовольный вопль эхом раскатился по тонкой паутине туннелей, и вестиарий, совершенно не стесненный своей слепотой, быстро застучал тростью на зов господина, рассыпаясь в извинениях перед каждым встречным, кому он отдал ногу или задел своим прутом.

Запах старчины все сильнее перехватывал дыхание, хотелось просто перестать дышать, что я и сделал. На меня смотрели, как на идиота, но никто не сказал ни слова. Мы углубились вниз, и предо мной открылся просторный зал, светлый настолько, что невозможно было представить, что здесь обитают вампиры. Обилие хрусталя, золота и прочей роскоши резало глаз, хотелось просто выйти во тьму, на свежий воздух, где шумит

лишь ветер, а не гогочет и ревет необъятная толпа.

Выли скрипки, гремели барабаны, из кубка в кубок лилось сияющее пойло, словно бы и нет никакой смерти в этих стенах, и даже выпирающие со всех сторон гробы не могли пробиться сквозь красные занавесы и вычурную мебель. Адский круг вертелся и плясал, то разрываясь в порыве чьего-то угара, то вновь срастаясь в жаре пьяной страсти.

Но даже это веселье не могло перебить гнилой вони. И понятно, почему. По краям веселой пещеры монолитом спокойствия стояли высокие троны, на которых меланхолично восседали те, в чьей силе никто не посмеет усомниться. Старейшины. Словно Боги они взирали на творящийся вертеп, лишь изредка переглядываясь между собой. И у каждого во взгляде царило отвращение. Особенно к тому, кто раскачивал это хмельное море бледной плоти.

Оплывшая бесформенная туша посреди зала восседала на своем золотом ложе, увитая наложницами, точно кусок гнили, облюбованный жадными мухами. Тяжким басом разносился по залу хохот старика, стоило очередной красавице вонзить свои острые зубки в эту бездонную бочку протухшей крови. И у этой твари я должен чего-то просить? На секунду зверь внутри меня взбунтовался, выпустил свои клыки...

И теперь я стою в кольце пьяной толпы, словно прокаженный. Особо одурманенные музыканты даже попадали на драгоценные ковры, излив из себя все, что накопили за долгие часы разгула. И уже не вставали.

— Да-а-а-д-а-а-д-а-а-а... — просипела туша, наконец отвернув от меня свой голый зад. С вершины кровавой горы на меня взидала огромная лысая тыква, иначе это не назвать. Черты лица Старейшины не сохранили ни единого сходства с человеком, оставив на мой взор лишь столь же бесформенное хищное рыло и огромные красные глаза. — Кем бы ты ни был, Гость, могу уверенно сказать, что ты — глупец.

Тишина. Вновь кого-то вывернуло. С тихим визгом шлепнулась на пол наложница, в ту же секунду растворившись где-то у подножия туши.

— Неужели ты ничего не понимаешь, брат? — протянул великан. Вновь зверь заиграл в крови, выудив имя этой кучи дерьма. Лантел. Самый старший из местных вампиров, столь усердно копивший в себе силу Пути Крови, что не мог даже самостоятельно пройти в свои покои. И как эта гора мяса вообще сюда пролезла? — Ты здесь не нужен. Ты никому не нужен. Ты чужд даже для своих сородичей! Что ты хочешь здесь найти?

По залу прошла волна удивленного ропота. Пламя фонарей нервно замерцало, постепенно взяв себя в руки.

— Эльза! — рявкнул Лантел, взмахнув свободной от чесания лапой. — Подойди сюда, девочка моя!

Вновь расступилось пестрое море, и по чистому пути тихо ступила вещунья. Она не отрывала взгляда от пола, едва не запуталась в белых подолах нового кружевного платья, но Кларисса не отступала от нее ни на шаг. Звон металлических пластин раскачивал толпу, разгоняя пьяную толпу подальше от девочки. Кларисса не решилась сменить доспех на изысканные одежды и теперь ловила неодобрительные взгляды местных дам.

Хотя кто здесь дамы — попробуй, разбери!

— Ты скучала по мне? — спросил гигант, посадив Эльзу могучей рукой к себе ложе. — Вижу, скучала. Злой чародей хорошо с тобой обращался? Верно, Кларисса?

— Да, хозяин, — с горечью в голосе сказала воительница, — я следила за благополучием девочки, можете не сомневаться в честности...

— Довольно, — отрезал Лантел. — Скажи-ка мне, маленькая, ты же знаешь судьбу этого ублюдка? — Жирный палец уперся в мою сторону.

— Ты итак все видел, Владыка Кровей, — ровно сказала огневолосая. Она вновь не е себе, подумал я, как бы чего не натворила. Достанется всем.

— Да-да-да, конечно, маленькая! Но нам нужно знать больше, понимаешь? Расскажи, стоит ли нам обличать эту мерзость перед нашими гостями? Стоит ли нам разрушать наше веселье?

— Это ничего не стоит. Все равно все знают, что скоро они умрут. И лишь Свет очистит их разум перед лицом верной гибели.

Раскатистый гвалт ударил в уши. Смеялись все, кому не лень. Хромая судьба скосила с ног еще десяток кутил. Один из них едва не оставил мутный след на моем кафтане. Легкая затрещина с моей стороны спасла бедолагу от участи быть разорванным в клочья. Мной же.

— Вы слышали, братья и сестры?! Господа Бароны?! Свет близок! — не унимался Лантел, едва не покотившись с пьедестала от смеха. — Маленькая, будь так добра, закрой свой милый ротик и покажи нам все, как есть. Давай.

— Господин Лантел, — вмешалась Кларисса, — я не уверена, что...

— Заткнись, Кларисса! Эльза, милая, давай, покажи.

Толстые пальцы впились в девушку, словно клещи. Провидица всхлипнула от боли, но все так же не решалась сделать хоть что-нибудь. Старый упырь не церемонился с ней.

— Матушка, — одними губами взмолилась она. — Матушка...

Кларисса безмолвно наблюдала за муками своей подопечной, не в силах что либо изменить. Единственное, что никто не мог ей запретить — проливать слезы. Оросить доспех и клинок не кровью и прахом врага, а собственной болью.

Лантел срывал с нее белые лоскуты, еще миг назад напоминавшие одежды. Я видел муку, застывшую в пустых глаза огневолосой вещуньи. Ей не нужны были грубые ласки старого монстра.

Толпа взывала! Толпа ждала зрелища! Толпа ждала истины из уст своей пророчицы! Пусть Старейшина развлечет народ, покажет этой девчонке, что такое любовь своего господина! В порыве страсти (никто не сомневался, что послушание Эльзы следствие нахлынувшей любви) она предскажет будущее своему народу, и не будет уже бессвязных бормотаний запуганной девочки! Только страсть! Только истина!

— Господин, стойте! — где-то далеко кричит мой раб, толи мне, толи безобразной туше. Я забыл об Ангусе.

Уже нет предо мной рыжих волос, нет бесконечной печали на девичьем лице. И нет наглого жирного скота, рвущего слабую душу лишь для того, чтобы развлечь свое онемевшее от страстей сердце.

Осталась лишь Она. Я не помню ее имени, но сердце начинает биться. Застывшие алые реки бегут по пыльным венам, в голову молотом ударяет гнев. Фабиан...здесь, среди темноты, в отвсетах неверного пламени фонарей... все также силен и жесток.

Фабиан.

Фабиан...

ФАБИАН, ТЫ, СУКИН СЫН, Я ВЫРВУ ТВОЮ ГЛОТКУ СОБСТВЕННЫ ЗУБАМИ!!!

И я черной молнией взмываю над пьяной толпой, навстречу смердящему бочонку, полному КРОВИ! Черные клинки на моих пальцах, сочащиеся Тьмой, неслись навстречу

белой плоти. Все взоры обращены ко мне, и даже Лантел успевает поднять на меня одурманенные очи.

Но орудия зверя не достигают цели. Мелькнули черные глаза пророчицы. Когти просвистели мимо, вырвав маленький кусок плоти из смердящей туши. Брызнула кровь, и вселенная взорвалась, утонув в бесконечном водовороте грез.

Мелькали горящие города, мертвецы рубили друг друга на части, пируя останками побежденных, вампиры заливают кровью серые пустоши, отдавая бесценную жизнь бесплодной земле, чародеи плетут невидимые сети, забыв о прежних обидах, богопоклонники жгут на кострах всех, кто отрекся от Веры, стальные воины собирают свои бесконечные армии, выступая против разношерстной орды мертвецов. Но мертвецы не одни. С ними Свет. Он плавит стальные тела, взрывает бездушные толпы страшнее любой из пушек.

Пустошь бунтует! Жизнь требует возвращения! Старый мир должен умереть!!!

Над Белендаром воссияет лик новой жизни!!! Новый Свет!!! Новая Жизнь!!!

С печатью моей боли на мириадах счастливых лиц.

Багровый молот в мгновение ока сокрушил мои ребра. Осколки костей и позолоченной люстры впились тело, жидкий огонь разлился по изодранному кафтану.

Я не чувствовал боли, даже когда пылающая позолота рухнула на меня с потолка. Впервые за все это время меня обуял страх. Огонь! Он не угасал! Он поглощал мои изувеченные члены столь быстро, что я не знал, где искать спасения!

Тьма отвернулась от меня! Кровь кипела, лишь подначивая огонь, словно смердящее масло, и Зверь бился в агонии рядом с такими же невезучими, поймавшими добрую каплю горючего.

Дурной хмель изменил собравшимся весельчакам, и теперь они вытекали из зала, спасая свои жалкие шкуры. Старейшины вскочили со своих мест, пытаясь что-то втолковать разбушевавшемуся стаду, но мощный бас Лантела перекрывал их. «Убейте его!!! УБЕЙТЕ!!!» — кричал он, пытаясь потушить вспыхнувший мосол, когда-то служивший ему ногой.

Из последних сил я вскочил на ноги. Мелькнули мои изувеченные пальцы, пылающие, словно уродливые свечи. Испуганное лицо Эльзы, и Кларисса, пытавшаяся втянуть ее в поток бегущих сородичей. Мой раб, пытавшийся найти хоть что-то, лишь бы потушить огонь, но в итоге алой молнией мечущийся по залу. Мне наплевать! Я умираю!

Я несусь по бесконечным коридорам, распугивая всех встречных, заражая горячей чумой всякого, не успевшего сбежать с моего пути. Пламя выжигало мне глаза, я чувствовал, как стекает горящая плоть с моих костей. И спустя бесчисленное множество поворотов, падений и бессмысленной беготни, страх ушел. Вновь тьма поглотила меня.

Холодная пустота была бы отдушиной после этого пекла, но никто не позволит мне забыться вечным сном.

Я вновь вижу Его лицо.

Слышу Его голос.

И он твердит мне: «Восстань!»

ЧЕРТОВ СВЕТ! ОН ПОВСЮДУ! ЕГО ПЛАМЯ ВЕЧНО! ЭТА БОЛЬ НЕ ПРОХОДИТ ЗАЛИВАЕТ СОЛНЦЕ В САМУ ДУШУ! БЕСКОНЕЧНАЯ БОЛЬ! БОЛЬ!!!

Восстань!

ДА, ПРОКЛЯТИЕ! Я СДЕЛАЮ ВСЕ, ТОЛЬКО ПРЕКРАТИ!!!

Восстань!

МЫ СТАНЕМ ВНОВЬ ЕДИНЫ!!!

И ВЕСЬ МИР РАССЕЕТСЯ ПРАХОМ ПЕРЕД НАМИ!!! ВО СЛАВУ ЖИЗНИ, ВО СЛАВУ БОЛИ, ВО СЛАВУ ВЕЧНОСТИ!!!

ЭТОТ МИР

БУДЕТ

РАЗРУШЕН!!!

Глава 14. Прорыв

— Куда подевался этот выродок?! Фалкор, скажи уже что-нибудь!

Шаман прекрасно слышал Кина и хорошо его понимал. Оборотень чуял добычу, и чутье завело его достаточно далеко, чтобы привести в ярость. И теперь он требовал от Фалкора ответа. Шаман молчал.

Он ясно, как никогда, чувствовал, что Светлый Лик совсем близко. Всего в паре шагов, только руку протяни... Пара шагов в бесконечной пепельно-серой пустыне, вездесущей пустоте, оскорбленной редкими валунами и высохшими тысячи лет назад, но все еще стоящими деревьями, черными, бездушными.

Охотники ждали. Воины шли впереди, готовые вонзить копья и топоры в кого угодно, лишь бы разорвать вязкое, давящее нечто, именуемое тишиной. Жизнь продолжала шептать на ухо свою бесконечную песню, и Фалкор уже был готов покончить с собой, лишь бы прекратить этот надоедливый шум. Никто не слышит это мерзкое шипение, оно разрывало шамана на куски, а неподвижный пыльный воздух сдавливал его в раковину собственных мыслей.

— Ох-х-х, раздери его Пустошь! — рявкнул Кин, упав на серый песок. Обретя человеческий облик, он принялся жадно грызть чью-то кость, на которой еще остались куски ветхой плоти. — И чего ему на месте не сидится?

— Это свободный зверь, Кин, — сказал Чирин. Он наконец убрал стрелу в колчан, повесил лук через плечо. Сквозь дыры в животе можно было разглядеть тетиву и кожаный ремень. — Он обитает там, куда другие твари не осмелятся сунуться, и день его не подчинен никому, кроме его собственной прихоти.

— Мудрец! — огрызнулся оборотень. — Скольких Непомнящих ты убил за свою жизнь?

— Два, может быть три десятка, я не считал.

— А я восемь десятков! Может, я уж знаю, что не на кабана охотимся?!

— Успокойся, Кин, — сказал шаман. Его мутные глаза по-прежнему смотрели сквозь соплеменников. — Наша охота скоро закончится, Светлый Лик уже близко.

— Я спокоен! — Следопыт в два укуса уничтожил мясо и перемолол кость. — Я слышу это уже пятнадцать ночей подряд! Я устал! И хочу домой! В конце концов, Инли меня уже заждались!

— Не ты один такой! — засмеялся один из воинов, воткнув копье в землю. Мужчины радостно загалдели, поддерживая друга.

— Если мы не найдем Светлого Лица, Кин, — добавил Фалкор, — ты можешь никогда не увидеть жену. Никто из нас не увидит своих жен. Лес умрет, и тогда можешь спокойно отдать себя на растерзание Безумцам. А лучше воронам. Хорошие птицы.

Оборотень прорычал что-то невнятное, не имея желаний препираться с непробиваемыми доводами шамана. Фалкор сидел и слушал, как Жизнь в его теле шипит все громче, словно предчувствуя нечто большее, чем то, что доступно шаману. Хищные стебельки извивались под тонкой кожей, мелкие сосуды переливались жизненными соками,

поднимаясь в торжественном трепете. И невольно этот трепет начал заражать и Фалкора. Мучительная улыбка расплзлась по его серому лицу, обнажив ровные желтые зубы. Счастье, волна тепла, не знакомая никому из его соплеменников, жгла его изнутри. Даже вечно молодые жены, не потерявшие часть прелестей прижизненных утех, не могли подарить ему такого счастья.

— Фалкор, что с тобой? — спросил Чирин. Шаман вскочил на ноги столь резко, что трое воинов едва не пригвоздили его к земле своим оружием. Хриплый смех взбудоражил всех вокруг. — Фалкор, ответь.

Фалкор ничего не слышал. Счастье рвалось наружу все сильнее и сильнее. Он смеялся так живо, столь неистово, что выплевывал пыль, скопившуюся на старых костях. Серые облачка в выпрыгивали из него, словно из старого, давно не стираного ковра.

— Фалкор, чума тебя подери! — сказал Кин.

Он уже встал, чтобы отвесить шаману мощную оплеуху и привести его в чувство.

Разверзлись мертвые небеса. Золотой столп ударил в землю. Воины, убившие за свою бесконечную жизнь десятки врагов и чудовищ, разбежались кто куда, не помня себя от страха. Серебряный клинок, разинутая пасть, даже мертвое пламя колдунов не могло заставить их отступить.

Лишь Фалкор остался на своем месте, крича во все горло от радости и боли, раздиравших его изнутри.

— ПРИВЕТСТВУЙТЕ ЕГО, БРАТЯ МОИ!!! — Уловив мельчайший отблеск света: плоть шамана обуглилась, прятаясь в ней Жизнь мгновенно расцвела, спеленав окрепшими стеблями тело Фалкора. — СВЕТЛЫЙ ЛИК ВЕРНУЛСЯ!!! ЗАБУДЬТЕ СВОИ СТРАХ!!! ВОТ ОН, ИСТИННЫЙ ВОЖДЬ!!! ПОБЕДИТЕЛЬ СМЕРТИ!!! ТВОРЕЦ ЖИЗНИ!!!

Разбушевавшиеся отростки тянули мощные щупальца к водопаду Света, затягивая шамана все глубже в колодец верной гибели. Но он не боялся. Его тело исчезло в считанные мгновения, пожранное ненасытной Жизнью. И все же Фалкор жил. Впервые по-настоящему жил! Чувствовал тепло и холод, шершавую землю под корнями, видел мир вокруг себя тысячами стебельков.

Его дух будет жить. Он увидит Рассвет. Вновь увидит Светлого Лица.

Столп Света все ширился, расплзался жгучим пятном по бесцветной плоти земли. Он пробурил толстый камень подземных пещер, дабы унести в свою сердцевину пылающий силуэт неизвестного бедняги. За многие мили вокруг виднелся Прорыв, даже там, где никто уже не помнил, что такое Свет, все могли увидеть это страшное, но безмерно прекрасное зрелище. Архимаги покинули свои лаборатории, отбросив ко всем чертям эксперименты, ритуалы и ауроскопы. Впервые они почувствовали то, что абсолютно не свойственно тем, кто видит саму суть Вселенной — страх неизвестности.

Бесконечные рабы и слуги, позабыв про свои дела и обязанности, выбегали из домов и шахт, отпустив на волю только что схваченного зверя, начисто забыв о проноссящих мимо Фералах, улепетывающих куда подальше в свои темные убежища.

Идолы в храмах всех Темных Богов разразились ужасающим воем, словно все души, заточенные в них, разом обрели плоть и поведали миру о собственных муках. Священники и Инквизиторы попадали на колени перед святынями в надежде получить ответ и защиту от неведомой напасти, которой испугались даже Боги. Страх сковал их веру.

Легион, до того ведущий себя тише воды, проснулся. За несколько минут во многих

городах, до которых докатился отсвет Прорыва, вспыхнули восстания. Революции сжигали поместья Баронов и храмы Епископата, Некроманты сдерживали бунт сколько могли, но не все выдержали жгучей волны безумного народного гнева. Те же солдаты, что пришли на смену Фералам на руинах владений Зеина Проклинающего, возликовали, с новыми силами очищая наполненный сумасшедшей гнилью город.

Даже Механисты, не прерывая рабочего процесса, получали сигналы от руководителей, прокручивая в стальных головах программу срочной эвакуации производства на случай нештатных ситуаций. Но в целом ничего не изменилось. Лишь население Бункера, древнего ржавого муравейника несколько минут простояло в ступоре, пытаясь обработать огромный поток поступающих сигналов и как-то скоординировать свои действия.

Что до вампиров, они поступили так, как полагается их природе — по принципу "каждый сам за себя". Но едва такие глупцы пытались покинуть свои золотые клетки со всем награбленным добром, стража, армия, даже простая толпа безродных холопов, с огромным удовольствием насаживала их на посеребренные штыри, обливала маслом и проносила вопящий факел над головами, на потеху уставшим от гнета Пожирателям.

— Эльза, нет! — кричала Кларисса.

Провидица не слышала ее. Ноги сами несли Эльзу вперед, на зов сердца. Вековые своды катакомб рушились, то здесь, то там темноту испарывали лучи палящего солнца.

Кларисса бежала за ней вслед, расчищая путь мечом через собственных сородичей. Запах крови разрывал ее разум на части, меч предательски выскальзывал из рук, а снующие повсюду мертвецы все не кончались. Раз за разом выкрикивая имя своей «дочери», она все больше отдалялась от нее, и в конце концов, когда огненные пряди исчезли из вида, перед ней обвалился потолок. Столп жестокого света отрезал ей путь вперед, оставив безумную вещунью на попечение немилостивого рока.

— Эльза!!!

Девушка неслась вперед, с легкостью огибая несущиеся со всех сторон волны толпы. Зов целиком захватил ее, и много раз уберег вещунью от смерти. Коридоры, которым суждено было обрушиться, падали позади нее, смертоносный свет проскакивал в волоске от белой кожи, а пламя разбившихся фонарей расступалось перед ней, через мгновение схлопываясь непроходимой смердящей стеной.

Где-то там, наверху, бушевала буря. Старый Барон проснулся ото сна, и она должна быть рядом с ним. Сквозь боль, страх и неумолимую безысходность — она должна быть с Ним! Она видела себя, заживо горящую в океане золотого света, среди сотен тысяч мертвецов, чье бессмысленное бытие наконец обретает спокойный конец. В конце не будет боли и сожалений, это удел мира плоти. Там, впереди — свобода! Победа Жизни!

Тьма часто общалась с Эльзой, затмевая собой все, что окружало несчастную вампирессу. С самого пробуждения Она шептала провидице свои жестокие песни о конце всего, о бесконечной печали. Но Тьма давала ей надежду. Все конечно, говорила Она. Придет время, когда Старый Барон освободит Белендар от плена вечной смерти. Боги утонут в забвении, расступятся вечные тучи, землю вновь согреет солнце. И под его теплым взором вырастет новое время, в котором не будет места праху и гнили. Все вернется на круги своя. Но сначала Он встанет над миром, как вождь, или Бог, за руку со своей любовью. Эльза отпустит их в путь и навсегда расстанется со своим даром.

А пока босые ноги несут ее по острым камням на поверхность, где ждет долгая дорога в

пустоту.

— ВИДИТЕ, ВИДИТЕ?!! ОН ПРИШЕЛ!!! ВОССЛАВЬТЕ КАМЕШУ И БОГОВ ВАШ ПРАХА, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ!!! ТОЛЬКО ОНИ СПАСУТ НАШИ ДУШИ ОТ ВЕЧНОГО ПЛАМЕНИ!!!

Он стоял перед раскрытыми воротами храма, обессиленный, высохший от голода, точно скелет, его власть над пленными духами пропала, но прихожане, собравшиеся на проповедь, смотрели только на него. Архиепископ Веве, потерявший все свое внешнее величие, обрел новую власть над душами во плоти.

Позади него вдали пробивался столп света, наполняя мертвые сердца неподдельным страхом, столь сильным и безотчетным, что даже священники Хаборима отвратили свой взор от рогатой звезды своего Бога. Лишь на миг.

Висящий над алтарем идол разорвал вязкое молчание невыносимым ревом. Десятки храмов по всему Иршаелю разразились истошным криком, не жалея слуха ни прихожан, ни даже прохожих, судорожно хватаяющихся за головы в надежде хоть как-то заглушить эти отвратительные звуки.

Единственный, кто не склонился перед гневом Бога Мертвого Пламени, стоял и смеялся в лицо ревушему идолу, воссиявшему зеленым огнем. Чужой Бог — недостойный противник, даже он дрожит от страха перед Тем, кто придет за всеми. Веве повернулся к развернувшимся небесам и закричал:

— У ТЕБЯ НЕТ ВЛАСТИ НАД НАМИ! — На рваном лице Архиепископа разрасталась безумная улыбка. — ТЫ ОДНАЖДЫ ПОКИНУЛ ЭТОТ МИР, И БОГИ СВЕРГЛИ ТЕБЯ! НЕ ВЕРНЕШЬСЯ В ЭТОТ МИР! ИМЕНЕМ ВСЕХ БОГОВ И ДУХОВ, СТЕРЕГУЩИХ НАШИ ДУШИ — БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ!!!

Мы идем по бесплодным землям. Все вокруг смердит отчаянием и смертью. Каждый наш шаг разбивает в пыль камни и развеивает по ветру прах нечистых созданий. Мы идем туда, откуда все началось, где все закончится. И продолжится впродоль.

На миг Мы становимся разными. Аннукар говорит, что наш путь неверен. Я отвечаю ему, что все дороги ведут именно туда. Но он против. Он желает пройти тот путь, что начертал ему старый Архимаг. Где-то в глубине души Аннукар верит, что Некромант видит гораздо дальше меня. Что он желал ему добра. Аннукар, вампир, зверь в человеческом обличье... как же ты все-таки наивен.

Он не желает спорить, и Мы вновь едины. Белендар бьется в агонии. Этот мир, пропитанный Тьмой до самого сердца, давно забыл, что Мы были здесь всегда. Мы согревали его, когда звери владели этими бескрайними землями. Разгоняли Тьму, когда люди поднялись с колен и задумались о сути мироздания. Вели сердца и души к Небесам, когда жизнь становилась пыткой.

И сколько раз Белендар находился на грани своей смерти. Первые люди были прекрасны. Сильны телом и духом, разум их простирал свои длани до самой границы Бытия. Первые люди. Но не единственные.

Дикие племена, лишь посмеившие задуматься о Творении, объявили Первых людей своими врагами. Не потому, что они были статны, их города велики, а мудростью своей Первые сплетали ветры и разжигали пламя. Они были другими, чуждыми жителям пустынь, гор и смрадных болот.

Их ярость, безумие, звериная жажда добычи сгубили Первых людей. Как бы не было велико их могущество, они не смогли отбить напор вездесущей орды. Первые люди ушли из Белендара, поклявшись сотворить новый, лучший мир, где Тьма и злоба не смогут затмить для них Света, и где их знания будут множиться столько, сколько позволит жизнь.

Мы любили Первых людей. Но их время прошло, и новые люди выстроили свои города на прахе Первых. Они сотворили Богов, и Боги спускались к ним, вещая о будущем и принося с Небес то, что люди могли взять сами, не волей, так трудами рук своих. Новые люди были не столь сильны и мудры, как их предшественники, но им хватило дальновидности сохранить древние знания, и в чем-то даже преумножить их. Белендар не заметил особых перемен, пока гроза не подступила слишком близко.

Что может устрашить могучих вождей, когда их власть держится на любви народа, сильных воинах и бесконечном богатстве? Что они не смогут получить ни в дар от Богов, ни купить за золото, ни отобрать у соседей? Бессмертие. Страх смерти сковывал сердца новых людей легко, заставлял бояться конца своей жизни с самого появления на свет.

Первые люди не боялись смерти. Их жизнь во плоти была долгой, а за пределами ее — бесконечной, и не существовало для них порога между живыми и мертвыми. И этот секрет они унесли с собой, сохранив его ни в письме, ни в камне. Вожди новых людей призвали мудрецов и волшебников со всех подвластных земель, дабы втайне от простых людей обрести вечную власть в своих королевствах.

Долгие луны чародеи перебирали мудрость Первых, пытаясь продлить жизнь своим властителям или вернуть их из-за завесы смерти. Все попытки оказались тщетны, и когда ушли все цари и правители, участвовавшие в поисках бессмертия, волшебники забыли о тайном уговоре, пользуясь теми плодами долгих поисков, что могли хоть как-то помочь им в постижении вселенной и воли Богов.

Не изменила память лишь чародеям земли, называемой тогда Шанур. Они возвели поиск вечной жизни в культ, сотворив множество прекрасных и отвратительных вещей. И фальшивую жизнь.

Кто это бежит там внизу? Мы видим одно и то же, но с разных сторон.

Он видит девушку, бесстрашно бегущую навстречу смерти. Видит улыбку, огненные локоны, развивающиеся по ветру, рубище на обнаженном теле. Он злится. И в Нем колотится страх. Не за себя.

Я вижу Ее. Мою Сестру, Мою Любовь, Моего Врага. Вновь Ты плетешь свои сети среди плоти, но сейчас и Ты стала рабыней этих маленьких существ. Ты ведь не хочешь ни любить меня, ни раствориться в небытии. Хочешь все вернуть на свои места? Как же Ты мудра, Моя Любовь, что вечно поглощает и хранит Мое тепло. Ты выбрала для себя эту девушку, наделила ее своими глазами, своей силой. Из твоего лона вышел этот мир, и ты же вернешь его в первые дни.

Хочешь, чтобы Я ушел? Оставил своего слугу одного, на растерзание бесплодным землям? Конечно же, нет. Я уйду, потому что Ты видишь дальше. Потому что Ты этого хочешь. Слейся со Мной, как раньше, прогони Меня прочь, или поглоти целиком. Если для того, чтобы мы были вместе, нужно перестать существовать, Я приму это. Здесь, среди пепла и праха, Я приму тебя, Моя Любовь.

Девочка взмывает вверх, объятая пеленой Моей Сестры, все быстрее приближаясь к Нему. Ее руки обхватывают обгоревшую шею, слезы счастья впиваются в мертвую плоть. Каждый получает то, чего хочет. Она жаждет служить Аннукару, а Я ухожу за

небеса, обожженный страстью Моего Врага. Той, что вечно ждет.

До встречи, вампир. Исполни наш договор. Я буду рядом с тобой.

Живи.

Небесные врата захлопнулись, вздымая столп серой земли и пыли. Кто-то рядом вздохнул с облегчением, Кларисса не обернулась. Стоя по колено в камнях и мусоре, она смотрела, как с высоты медленно спускается туча, настолько черная, что ее ни с чем не спутать. Это Тьма. Сама Тьма пришла на помощь вещунье, оградив своим покрывалом от испепеляющего Света.

Воительница кинулась навстречу. Земля под ногами горела, еще храня жар разбушевавшегося светила. Трещало мутное стекло спекшегося песка, Тьма опускалась все ниже. Кларисса бежала так быстро, как могла, и в конце концов увидела Эльзу. Полчища шепчущих теней вели вокруг нее хороводы, впиваясь своими нитями в мертвые жилы. Из глаз ее сочилась мощь, такая, что не снилась и Старейшинам. Грязные лоскуты ткани сползали с ее плеч.

На руках у нее покоилось черное, ссохшееся тело. От силы и могущества Бральди не осталось и следа. Он был мертв, окончательно. В нем не осталось ни капли крови.

Кларисса подошла ближе, боясь задеть хоть одну из склизких ползучих теней. Они нашли ее сами. Коснулись холодными руками серебряной кольчуги, и с громовым смехом растворились в воздухе.

— Эльза, ты в порядке? — прошептала воительница, приблизившись к провидице.

Эльза молчала, вновь прижимая к груди бесчувственное тело незнакомого ей кровососа. Кларисса не понимала, не могла осознать, что связывает несчастную девочку с этим монстром из неоткуда? Безумцем, осмелившимся выпустить Зверя и натравить его на самого Лантела! Она была благодарна ему. Ненавидела его. Но все равно благодарила, где-то глубоко в душе.

И тут Кларисса поняла, что ошиблась. Кто-то тихо и назойливо шипел, дрожа в такт покачиваниям Эльзы. Гость все еще был жив.

Ах ты сукин сын! — подумала воительница, невольно улыбнувшись. Боги хранят тебя, каким бы ублюдком ты ни был.

Глава 15. Семья

Ах-х, черт! Это уже входит в привычку! Как же все болит... словно меня стая оборотней отмордовала. Жутко не хочется открывать глаза. Чувствую чье-то дыхание справа, тихое, будто кто-то выжидает.

Как можно тише выпускаю когти, принохиваюсь. Знакомый запах... Только этого не хватало!

Отбрасываю всякий порыв к битве и открываю ноющие очи. Кругом мрамор, фонарики, ковры... Проклятье, я что, вернулся к старику?!

Нет, этой комнаты я не узнаю. Здесь все иное. Здесь сгущается Тьма. Здесь обитают сородичи. Я лежу на огромной кровати, укутанный белыми, как снег, одеялами, словно мумия. И вещунья вновь не отходит от меня ни на шаг.

— Ты проснулся, — сказала она, облегченно вздохнув.

Было странно. Мысли путались в моей голове, предметы то отскакивали от меня, то надвигались, пытаясь сдавить в своих пустых объятьях. То сверкали, то темнели, то пропадали, возвращаясь столь внезапно, что бросало в дрожь. Сильно... тошнило?

— Не шевелись, — сказала нечто из сумерек, куда не доходили лучи смердящих светильников. — Тебя накачали Эссенцией. Было бы не вежливо излить все это богатство на пол.

Кларисса... Белые волосы, черное платье, никакого золота. И серебряный кинжал в ножнах на ноге. Плохо же ты обращаешься с оружием, любой ублюдок воткнет его в твою нежную шейку в два счета.

Эссенция... Так об этой дряни говорил колдун? Из тонкой колбы, по прозрачной трубке в мою вену по капле стекает сияющая дрянь, туманя разум и... что там было... не помню...

— Тихо-тихо. — Кларисса подошла ко мне и прижала к подушке, стоило лишь попробовать подняться. — Ты же не глухой, лежи спокойно. Эй, Бральди, ты меня слышишь? Ее слова доходили до меня далеким эхом, но я согласно кивнул.

Оставалось только лежать. Лежать и слушать, как шепчутся тени, перетрескиваются друг с другом язычки пламени и уныло поскрипывают резные шкафы. Че-е-ерт, отвратное зелье... Такое чувство, будто какая-то дрянь ползает по моему телу, словно тысяча червей... Как же чешется!

Пытаюсь дотронуться до груди, унять зуд. И все время нарываюсь на... костюм.

— Да, у Хелмадры странные вкусы, — усмехнулась Кларисса, переводя взгляд то на меня, то на сосуд Эссенции. — Когда я нашла тебя, от тебя остались одни кости. И одежда превратилась в лоскуты. Я уже думала, что ты мертв... — На секунду она замешкалась, но тут же продолжила. — Но стоило напоить тебя этой дрянью, и — о чудо! — ты как новенький. И костюмчик сидит как влитой, сплетается сам по себе. Кажется, он высасывает из тебя кровь. Зато на швее сэкономишь, эта профессия в наше время не в почете.

— Что случилось? — спросил я, но язык не слушался меня, выдав какое-то неразборчивое бульканье.

— Что случилось? — удивилась она. — Парень, надо уменьшить тебе дозу. Такое учудить, и не вспомнить! Помнишь, как дрался с Лантелом? Как чуть не сжег ко всем чертям целый склеп? А потом...

— Что?

Она не ответила, лишь махнула рукой и подошла к провидице.

— Эльза, дорогая, пойдём. Тебе надо поесть.

Девочка смотрит на меня так, что становится жутко. И неожиданно меня пробивает смех. Черт побери, смех! Столь залиvistый и чистый! Что же в этом смешного? Понятия не имею!

Все смешно. Кларисса, не остающаяся без ножа даже в платье, эта рыжая ведунья с плещущимся внутри ее вечно молодой головки бесконечным хаосом, бутыль, переливающая дурман через иглу по моим венам, картины, портреты, натюрморты, вонючие светильники — ВСЕ!

— Ты поправишься, — сказала Эльза. — Твой путь еще не окончен. Ты права, матушка. Я проголодалась.

Они поворачиваются ко мне спиной, воительница и блаженная, и от того мою грудь вновь разрывает смех. Комната плывет, словно в водовороте, и мой хохот утопает в ее бесконечном вращении. Хлопнула дверь.

Не в силах больше смеяться, я позволил себе утонуть в пучине Эссенции. Бессвязные сны, столь яркие, что невозможно в них верить. Что я здесь делаю? Разве это так важно. Я мертв. Но не сейчас. Я по-настоящему жив! Славься, славься, чудо-зелье! Мои кльики

вонзаются в чью-то тонкую, загорелую шею, я чувствую ее, но кровь не течет в мое тело. К черту!

Шелка и перины скользят подо мной, мнутся, от них пахнет любовью. Белые, как снег, пряди падают мне на лицо. Она любит меня, и мне кажется, что я тоже влюблен. Отсветы свечей пляшут на ее влажной коже, ее аромат наполняет меня. Пьянит не любовью, но жаждой. С алых губ слетает имя, точно воззвание к Богу. Аннукар, кричит она, и этот крик удерживает меня от необратимого.

Но я не помню ее имени.

Мы пробрались в пещеру, кишачую тварями, полными жизни и злобы. Колдун ведет нас сквозь тьму, не оглядываясь на крики чудовищ и звук плещущейся крови. Я лечу в темноте, каждый осколок мрака сливается со мной, становится частью меня. Везде мои когти и зубы, я никогда еще не ел столь обильно. Еще никогда меня не выворачивало от подобной мерзости.

Она стирает кровь со своего клинка, на ее лице улыбка. Не такая, как у Колдуна, в ней нет столько жадной злости. Как же ее зовут?

Она знает, что я повсюду. Наполняю собой затхлый воздух подземелий, проскальзываю под подолами плащей. Мани ухмыляется, поглаживая на запястье самострел, ему не терпится пустить его в ход. Глупец Мани, с одного выстрела этой штуки, да еще и в пещере, можно оглохнуть! Но его это не волнует. Никого не волнует.

Перед ним идет Корвус. Ему не по душе стоять рядом с «громовой палкой», как он ее называл. Поигрывает копьем, пытаясь успокоить бешено стучащее сердце. Кровь бежит под темной кожей так, что кажется, будто татау на его руках шевелятся, подобно змеям. Он терпеть не может подземелий, но за золотом он сунется куда угодно. Даже в пещеру, до краев забитой монстрами. И вампиром за спиной.

А Крепыш Барри не унывает, ему все не по чем. И ясно почему. Я видел, как этот здоровенный увалень своей верной кувалдой убил медведя. Не потому, что он был так опасен или это была медведица, защищавшая детенышей. Просто Крепыш очень любит выпить, и когда его хмельное зелье не вовремя заканчивается, Барри начинает скучать. Он смело шагает за Колдуном, задорно постукивая молотом по древним камням, желая отвесить тумачков спящим под ногами монстрам. Как он любил говаривать: «Малышка Бри хочет танцевать!»

И мы танцуем. Пляска смерти на пути к древнему городу, где прячется наше спасение. Мое спасение. По крайней мере, так говорит Фабиан.

Хассер, ученик Колдуна, погибает первым. У него не было таланта выживать, даже чары не помогли ему спастись от лап зверя. И все тут же про него забывают. Он был лишь тенью, не достойной внимания. Всю дорогу казалось, будто его и не было. Серая мантия осталась глубоко под землей, мертвую плоть растащили крысы. Его жезл, горячий от тысячи молний, раздиравших бесконечную мглу, впился в камень под ногами своего хозяина.

Воистину, бой — не его стихия. Предсказатель, чародей, плетущий грезы, не смог предсказать и отвести глаза собственной гибели. Ну и пусть. Я никогда не любил волшебников. Туда им и дорога, в пустоту.

Как же так случилось? Впервые за свою долгую жизнь я обрел Смысл. То, ради чего стоит волочиться по этой земле, перерезая глотки врагам и выпивая их никчемные жизни. Меня приманили куском мяса, словно волка, и вот — капкан захлопнулся. Смысл моего бытия, лежит на моих руках. Холодная, как я сам.

И я не могу вспомнить ее имя!

Голову пронзает боль, в груди разрастается холод, такой, что я не чувствовал сотни лет. Я вижу ее белые волосы, испачканные алым, разорванную кольчугу, помню, что дороже ее нет ничего на свете... Но не могу вспомнить чертового имя!

И все тонет в тисках ярости, сжимающих мое мертвое тело. Не вампир, зверь бежит навстречу охотнику, забыв о боли и ранах. Ему безразлично, выживет ли он, или сгорит на месте под взглядом стальных демонов, окружающих его со всех сторон. Холодные судьбы, все до одного предвзятые, купленные властью Фабиана.

Я умер. Нет никого. Ничего. Пустота вокруг. Тишина, вязкая, как смола, наполняет все вокруг. Я думаю, что еще есть Я. И ошибаюсь. Нет ничего. И ничего не было. Это Вечность, подлинная, бесконечная Неподвижность. Сон. Вечный покой.

И это ложь.

Копье Света пронзает меня насквозь, вытаскивает из небывалой тьмы, как рыбак тянет из реки трепыхающуюся рыбу. Он шепчет и кричит одновременно, он предлагает мне сделку. Предлагает все исправить. Как будто ему можно отказать! Чертов Свет разгорается так ярко, словно хочет сжечь мою душу дотла. Боль, опять эта проклятая боль!

Я не слышу криков, но чувствую, как разрывается гортань в бессвязных воплях. Руки крушат кровать и разрывают перины, туман не дает понять, что происходит. Чувствую запах. Сородичи. Мужчина и женщина. Словно одинаковые. Они стоят в проходе, молча наблюдая, как я крушу их собственность. И это меня злит!

Разбив в щепки шкаф, стоящий у кровати, я несусь к ним. И проскальзываю мимо. Они парят вокруг меня, беспристрастные тени, туманные силуэты ускользают от моих атак...

Ноги подкашиваются сами собой. Когти вонзаются в толстый алый ковер, рвут его от бессилия, царапая спрятанный под ним камень. Мужчина и женщина, одинаковые на запах, и на расплывчатые лица, стоят возле меня, о чем-то переговариваясь. Наконец, силы покидают меня, и я лежу на жестком ковре, уже не пытаюсь подняться. Мужчина, сородич, тонкий, но удивительно широкоплечий, наклоняется ко мне. Секундная боль, и перед моими глазами болтается прозрачная трубка с игрой, из которой капают вперемешку сияющий дурман и моя кровь.

— Мы все это пережили, добрый друг, — словно издали произносит он, глядя на меня черным, бездонным взглядом. — Пожалуй, с тебя на сегодня достаточно этой гадости. Адизель, позови Матильду и Хрофта. Надо подыскать нашему гостю новую постель.

— Да, любовь моя, — тихо отвечает женщина, и уходит, задев мое лицо белым подолом платья.

Через какое-то время в комнату заходят двое. Огромный детина в цветастом костюме лакея. От него несет гнилью, но выглядит так же, как мы, вампиры. Он молча берет в свои крепкие объятия мое размякшее тело. Что-то говорит женщине в сверкающе белом переднике. Зовет ее Матильдой. Голос у нее противный, писклявый, но притом хриплый. Белый же чепчик на ее сгнившем, потрескавшемся лице сидит, что шляпа на пугале.

Я лечу на крепких руках неразговорчивого лакея прочь из сумеречной комнаты, подальше от смердящих светильников и разбитой мебели. Сквозь вылизанные до блеска окна пробивается тусклый свет заоблачного светила. Кажется, что Хрофт специально повернул мою болтающуюся голову, дабы добрый гость насладился местными красотами.

Серая земля, кое-где пробиваются высохшие, окаменевшие от времени гиганты, когда-

то звавшиеся деревьями. Куча каменных домиков, кое-где из печных труб идет дым. По узким улочкам носятся муравьи-горожане. По небу лениво проплывает огромный кит, зовущийся... дирижаблем. Он не спеша приземляется на широкую каменную плиту, рядом с высокими башнями... аэ... аэро... нет, к черту, от воспоминаний Ангуса начинает тошнить.

И гавань. Огромное, почти бескрайнее серое пространство, отражение мертвой небесной пустоты. По ней снуют огромные, гудящие корабли из стали, изрыгающие из своего чрева столпы черной гари. Между ними снуют блохи-лодочки. Что им там понадобилось?

И все это великолепие окружено каменным ореолом-стеной, пробивавшейся ввысь сторожевыми иглами башен.

— Не стоит спешить, Бральди, — говорит сородич, шествуя рядом со мной. — Сейчас тебе как никогда нужен отдых.

— Кто ты? — спрашиваю я.

— Сарес, мой друг. Мы встречались в подземельях достопочтимого Лантела. Конечно, лишь вскользь, ты не мог запомнить меня. Зато тебя запомнили все без исключения. Такую храбрость, хотя моя супруга считает, глупость, сложно забыть.

Вереница окон пропадает, и я вновь возвращаюсь в вязкую тьму, освещаемую вонючими настенными фонарями. Меня укладывают на такую же кровать, рядом стоит такой же огромный шкаф. Словно мы никуда и не уходили.

— Драться со Старейшиной — веский поступок, — сказал Сарес, когда слуги ушли прочь. Из темноты к нему подлетело широкое кресло, Сарес опустился в него, не сводя с меня насмешливого взгляда. — Однако, тот шум, что ты произвел в этом сонном царстве, никого не оставил равнодушным. Многие сородичи жаждут лично разорвать тебя на части. Но мне кажется, они просто не поняли твоей шутки.

— Шутки? — усмехаюсь я. Взгляд все никак не может перестать блуждать. Хочется рассмотреть все, все трещинки в каменном полу, но зачем? — Этот ублюдок...

— Все прекрасно знают, кем и чем является Лантел, — мягко перебивает он. — Однако ни один из Старейшин не встанет на сторону того, кто порушил их праздное бытие. К тому же, если верить тому, что показала нам Эльза, долг каждого Барона — уничтожить тебя на месте. Но все-таки, если отбросить эту мишуру, ты поступил правильно. Девочка слишком много страдала от лап этого мерзавца.

— Благодарю... Я толком ничего не помню после... этого.

— Плохая память — бич всякого разума, — усмехается Сарес. — А стоило бы запомнить. Ты хотя бы помнишь, кто ты?

Я ничего не могу ему ответить.

— Со временем она вернется, от этого никуда не денешься. Но если твои воспоминания будут прорываться так буйно, в моем поместье не останется ни одного целого табурета. Хотя, некоторые вещи действительно стоило бы забыть. Но нельзя.

Он на мгновение отворачивается, словно прислушивается к чему-то, и продолжает.

— Ты выстоял против Старейшины, хотя проснулся совсем недавно. Это бывает. Поджег половину собравшихся, сочтем это неудачной выходкой. Но разрушить убежище, вызвать прорыв Света, да еще выжить в самом центре этого пекла — тут явно что-то нечисто.

Замолкает, вновь ловит тишину, вглядываясь смоляным взором куда-то в пустоту.

Вскидывает длинные пальцы вверх. Дверь с грохотом распахнулась и в комнату, сдавленно взвизгнув, на дымчатых щупальцах влетел маленький мальчик.

— Гаро, я просил тебя не подслушиваться, — сказал Сарес, вращая на темных канатах свою ошарашенную жертву. — Зачем ты пришел?

— О-о-отец, у-ма-ма-ляю, отпус-ти меня-а-а-а... — промямлил мальчишка, скача вверх тормашками по жесткому ковру.

— Повторяй за мной: Я. Больше. Никогда. Не буду. Подслушивать.

— Я-а-а-а боль-ше-е-е ник-ник... — парень едва удерживался от того, чтобы невольно прикусить язык. Его золотистая голова с тихим стуком опускалась на пол, но боли он, похоже, не чувствовал. — Все-все, я больше не буду!

— Молодец, — усмехнулся сородич, поставив сына прямо, словно куклу.

Мальчик и правда походил на куклу, неестественно мягкий, похожий на девчонку. Почти копия своего отца, только нет в нем той безумной решительности и мужества в чертах лица. Когда Сарес успокоился, темные щупальца, тянувшиеся с его рук, растворились в пустоте, а Гаро, в помятом платье и взлохмаченной шевелюрой, облегченно посмотрел на своего родителя.

— Если я тебе понадобится, просто постучи в дверь, неужели это так трудно? — с улыбкой сказал отец.

— Я не хотел беспокоить тебя, отец, — тихо ответил юный вампир.

— Благодарю за заботу, сынок. Но нашему гостю нужен покой. О чем это говорит?

— Не провоцировать тебя.

— Верно. Ну что же, ты ведь пришел ко мне не с пустыми руками?

— Да-да! — Мальчик заметно подтянулся, готовый к исполнению своих обязанностей. — Вести из соседних владений пришли.

— Какие?

— Слухи, по большей части.

— Рассказывай, не стесняйся.

— А как же... — замялся Гаро, смущенно посмотрев на меня.

— О, не беспокойся, господину Бральди будет полезно послушать последние новости. Верно, мой друг?

Я ничего ему не ответил. Смотреть на его снисходительную улыбку не хотелось, да и юнец не вызывал во мне ничего, кроме презрения. Жалкая пародия на отца, на весь род вампиров. И что толку от новостей? У меня есть выбор, так говорил старик. И я выбираю послать их к черту. Мне слишком дурно, чтобы кого-то слушать.

— По всем владениям бунты прошли, — начал мальчик, — кое-где даже Баронов убили.

— Кто бы мог подумать, — усмехнулся Сарес.

— Говорят, Епископы начали власть захватывать, убивать колдунов, сородичей жечь.

Все о конце времен говорят.

— Конце времен? — Вампир смеялся уже в открытую. — И в честь чего господа душеприказчики так решили?

— Ну... Ты же сам видел...

— Я видел то, что видел, сынок. Мне интересно, что видели другие.

— Свет будто бы видели. Несколько Баронов изжарились до смерти, а господин Лантел ищет какого-то сородича. Награду за него, тридцать тысяч серебром или сто золотом назначил.

Мягкий смех зашелестел от каменных стен, казалось, даже пламя светильников замурлыкало в ответ вампиру. Тридцать тысяч серебром... Много или мало? Или сто тысяч

солнечным металлом? Чего-то я недопонимаю. Но что мне точно ясно — бежать теперь некуда. Зеин, старый черт — все просчитал, мир твоему праху, гад! Что тебе наплела Эльза? Что ж, ты ей верил, должен верить и я. Должен. Я не знал тебя, и все-таки уже в долгу настолько, что всей вечной жизни не хватит искупить.

Задолжать свою жизнь в один момент. Рабство. Что получил я от тебя взамен, старик? Ты слышишь меня, я знаю. Даже в смерти бойся волшебников и чародеев, ибо сила их — ложь. Ложь пред людьми и Богами. Кто же это сказал? Какой-то святоша, объятый пламенем веры. Вера сожгла его дотла. Духи Божьи не терпят людской плоти, и потому я все еще... Че-е-ерт, проклятый дурман!

— ... а потом они взвыли! Архиепископ Сэти чуть всех прихожан на алтарь не сложил, чтобы Бог заткнулся!

— Тише, Гаро, мы тебя прекрасно слышим, — осадил тараторящего мальчишку отец, — и не говори так о Богах, жрецы слышат хулу даже сквозь камень.

— Ой! Прости, отец, — прошептал парень, осмотревшись словно мышь, спрятавшаяся на кухне. — Даже Механисты как-то всполошились. Дирижабли туда-сюда летают, какие-то ящики здоровенные возят, а людей не пускают. Говорят «все пассажирские рейсы временно приостановлены». И охраны у них, что у нас во дворе. Все с этими, как их... огнем еще стреляют...

— Ружьями?

— Да, ружьями! Чуть не туда пойдешь, стекляшками своими как сверкнут, так сердце в пятки уползает! Всюду фонарями светят, высматривают кого-то. На лодках тоже уж проплыть негде, паролодки снуют, что кабаны в могильнике.

— Где ты этого понабрался, Гаро? — спросил Сарес. — Куда смотрит Ренет? Совсем распустилась, старуха.

— Во дворе всякое говорят. И не ругай Ренет, пожалуйста. Она не виновата. Я сам сбежал.

— Чем на этот раз она тебе не угодила, сынок? Это почтенная дама. Ученостью не всякий волшебник с ней сравнится, а ты так безответственно прогуливаешь ее уроки.

— Она страшная, отец! Гниет с ног до головы, будто ты ей углем жалование платишь! И кричит постоянно, уши вянут! Ты сам-то с ней разговаривал?!

— Не кричи, Гаро, ты не почтенная дама, — усмехнулся вампир, встав с кресла. — Так и быть, я поговорю с госпожой Ренет. Но больше ты не прогуляешь ни одного урока, ясно?

— Ясно, — вздохнул парень, опустив глаза в пол. Один черный, другой желтый, словно волчий. — Я, тогда, пойду.

— Не спеши. Помнишь, что следует за непослушание?

Мальчик сжался в комок, пытаясь не смотреть на спокойного и строгого отца, непреклонного, словно скала.

— За непослушанием следует наказание, сынок, — прошептал Сарес, положив свои длинные пальцы на голову Гаро. — Завтра ты поедешь со мной на охоту. За стену.

— Только не в лес... — еле слышно взмолился маленький вампир.

— В лес, мой мальчик, именно в лес. Не бойся, с нами будет наш новый гость, он не даст нас в обиду. Да и несколько шрамов научат тебя слушаться старших.

— Там же Фералы... — всхлипнул Гаро.

— Да, Фералы.

— И пауки...

— И пауки.

— Привидения...

— А насчет этого я поговорю с нашим Епископом. Ты хорошо послужил мне, сынок. Но никогда не жертвуй моей заботой. Твоя мать еще не в курсе?

Мальчик молчал.

— Не беспокойся. Если будешь делать так, как я скажу, она ни о чем не узнает. Договорились? Молодец. Теперь вернись в классную комнату и извинись перед госпожой Ренет.

Гаро растаял темной дымкой меж пальцев Сареса и с тихим шорохом упорхнул из комнаты, заперев за собой дверь.

Вампир смотрел в след своему сыну. Во взгляде его читалась такая тоска, что на мгновение я понял его. И тут же меня скрутила судорога. Пальцы с треском впились в перины, нутро сжалось, словно пружина, и извергло на белую ткань огромное алое пятно. Я почувствовал, как кожа моя ссохлась, обтянула тугой чешуей тесные кости. Несколько капель крови упали на мой кафтан и тут же впитались в черный атлас, столь же стремительно побледневший и высохший, как старая тряпка.

— Быстро же тебя заломало, мой друг, — усмехнулся вампир, встав рядом со мной. Он протянул мне уже знакомую склянку с багровым питьем. — Тебе нужно поесть, иначе Эссенция высушит тебя до состояния пыли.

Тошнота не отступала, но голод словно не смущался подобным соседством. Откуда он достал эту кровь? Мне все равно.

Руки сами выхватили заветный бутылек, чуть не сломав стеклянное горлышко в приступе тряски. Вкус сородича, становится немного легче, голод отступает, и телесные одежды уже не кажутся невыносимо тесными, но этого все еще мало.

— Через полчаса у нас будет обед, — продолжил Сарес, вынимая из моих дрожащих пальцев острое стекло, — там ты сможешь утолить свой голод. Я пришлю за тобой прислугу, они приведут тебя в порядок и проводят в обеденный зал. И прошу тебя, не смей их есть. Ты все же не дитя, и сможешь держать себя в руках.

С этими словами он так же, как его сын, распался в клубах вязкой тени и улетел прочь. Показушник. Похоже, я опять обрел кров на птичьих правах, и все вокруг хотят что-то мне дать, не требуя ничего взамен. Так не бывает. Ну что же, если я останусь у кого в долгу, я заплачу сполна. Клянусь Кровьюю.

Глава 16. Чумной пир

Как ни пытались слуги превратить меня в нечто похожее на человека, у них ничего не вышло. От пудры щипало в носу, а наряд Хелмадры не желал отпускать мою плоть, словно вцепившись в нее крючьями. Никогда не доверять магам и слепым вестияриям. Новое правило в этом чертовом мире.

Тихо проворчав что-то себе под нос, служанки все же смыли с меня все мерзкие дамские раскрасы, пытаясь не касаться руками моих губ. Нянчились со мной, словно с младенцем, разве что для них я был не капризным дитем, скорее любимым зверьком их хозяина, которого стоит холить и лелеять, если не хочешь остаться без пальцев и получить плетей.

По дороге в зал мне встретились два десятка сородичей, каждый из них кланялся мне, скрывая в сумерках фонарного света свои усмешки. Воистину, я смешон. Где это видано, чтобы у вампира на ходу седели и выпадали клочки волос? Проклятый дурман спас мне

жизнь, и теперь начинал брать свое. Трое подобных мне молодых сородича сочувственно кивали, пытаясь укутаться в тяжелые одежды, словно они могли согреть их холодные тела. На девушку, с ног до головы увешанной фальшивым мехом, и вовсе было страшно смотреть. Старуха с девичьим телом, увешанная золотом и блуждающая словно в тумане, зажав в иссохших губах длинную, пахнущую Лунной Пылью трубку.

Наконец сквозь бесконечные коридоры, уставленные пыльными доспехами и заполненные гостями и челядью, предо мной раскрылись огромные двери из окаменевшего, почерневшего от времени дуба. Яркий свет полоснул по глазам и десятки смеющихся, рычащих, шепчущих голосов ворвались мне в уши.

Зал блистал золотом и серебром, терзая меня обилием красок и пестрой кампанией собравшихся. Справа в пояс кланялись стражники, закованные в узорчатую броню и нервно покачивающимися мечами на поясах. Слева пришедших приветствовали иные солдаты, чей доспех не отделить от гнилой плоти. Поскрипывая матовыми шестернями, стражники-Механисты лишь плавно кивали, провожая меня мягко сияющим взглядом искусственных глаз.

За огромным металлическим столом расположились гости. В начале зала сидели за позолоченными блюдами чиновники, жадно разглядывая бьющуюся в огромных клетках дичь. Вдоль стен под фонарями ревели, пищали, бились во всю мощь медведи, кабаны с обломанными бивнями, рыси и гигантские пауки, злобно шипящие из темных углов своих неприступных будок.

Чуть ближе к хозяину восседали в сородичи. Те не дожидаясь начала пира хлестали Эссенцию, нюхали блестящие порошки и курили вонючие трубки. От такого количества дурманов меня чуть не стошнило, но руки сами потянулись к зельям. Словно из воздуха рядом появился Ангус. Подхватив меня за руку, он молча повел меня вперед, пытаясь отвести подальше от искушения.

Уже ближе к восседающей во главе стола семейной чете сидели чародеи и жрецы, справа и слева. Они молча перебрасывались косыми взглядами, и лишь снующие туда-сюда из под темных ряс души о чем-то перешептывались между собой, улетучиваясь, словно дым, и прячась под опекой монаших одежд.

Я хотел спросить раба, что происходит, но он лишь усадил меня на мягкий стул и пристроился рядом. Выглядел он на удивление серьезным, хотя напудренное лицо и увитый рюшами, словно плющом, наряд не вызывал ничего, кроме смеха. Рядом со мной сидели Кларисса и Эльза. Пророчица с детской радостью помахала мне рукой, а рабыня Ангуса прятала взор в лезвии серебряного ножа.

Напротив нас расположился закованный в патину Механист. Он был гораздо выше, чем его собратья-охранники, стальной башней возвышаясь над гостями. Его зеленый глаз, из плоти, неспешно осмотрел нас, другой, механический, вертелся волчком, высматривая что-то свое среди собравшихся. Стул возле него оставался пустым.

Наконец, когда поток гостей иссяк и двери грузно захлопнулись, Сарес и его супруга, похожие на близнецов-призраков, встали со своих троноподобных кресел и подняли руки вверх.

— Приветствую вас, дорогие друзья! — начал вампир. — Уже не первый раз мы встречаемся в этом зале, и я все так же рад видеть вас гостями в моем доме.

— Мир вашим землям и милости Богов, — пропела Адизель, приложив руки к груди.

— Мы все собрались здесь, дабы обсудить наши планы на будущее. Безусловно, в свете

последних событий, весьма туманное. Господин Зеин покинул нас в это нелегкое время, во всем Белендаре. Пустоши не пощадили нас и нашего господина, мир его праху и милости Богов его душе. И все же, мы пришли сюда не для того, чтобы горевать и лить слезы по ушедшим временам. Мы собрались здесь для того, чтобы пробиться сквозь мрак неизвестности и продолжить приносить нашим землям покой и процветание! Помянем же добрым словом господина Зеина и развеем грусть замечательным пиром!

Гости радостно воскликнули, подняв руки подобно хозяевам, и звери испуганно сжались в своих тесных казематах.

— Заносите угощения!

Под радостные вопли гостей в зал ворвался целый ворох слуг, неся на золотых подносах куски бескостного мяса и тушки зверей. Весело звенели бутылки с дурманами и плещущимися в заколдованном стекле душами, верещали и бились мелкие звери, пытающиеся вырваться из своих клеток. Не дожидаясь команды, вельможи набросились на угощение, разрывая порченную плоть голыми руками, или медленно и не спеша разделявая ее ножами и вилками.

— Урок этикета, — прошептал Ангус, отвернувшись от лающей на столе собаки. — Угощайся от души, говори только по делу. И никогда не начинай говорить с хозяином первым. Он сам должен обратиться к тебе.

— О Боги, — вздохнул я. Передо мной на стол опустилась клетушка с мирно спящим хобом. Он не пытался отбиваться или сбежать, просто лежал на металле, подложив остроухую лысину на когтистые лапки.

— Умоляю, Бральди, держи себя в руках, — продолжил раб. — Сарес — единственный, кто не всадит нам нож в спину. Нам очень повезло, что именно он укрыл нас. Если бы это сделал Лантел, сейчас бы все Бароны пировали нашей кровью, а тела сожгли храмовники!

Я молчал. Кларисса величаво рассматривала летучую мышь перед собой, не спеша открыть клетку.

— Что с твоей памятью? — спросила она, ловким движением сорвав крючок с дверцы и схватив писклявую добычу. — Что-нибудь вспомнил?

— Немного, — сказал я, призадумавшись на мгновение. Слишком нескладны все эти видения, да и вообще вся кутерьма, что происходит со мной в этом чертовом мире. Но все же есть одна вещь, которую я мог узнать от нее. — Кларисса?

— Да?

— Ты знаешь, кто такой Аннукар?

Вампиресса замерла, раскрыв рот над мышью. Казалось, даже зверек удивился моему вопросу, обратив на меня свою побитую носатую морду. Эльза наклонилась над столом и хитро улыбнулась мне, откупорив склянку с дымчатым духом, и залпом опустошила ее.

— Нет, — сказала Кларисса. Летучая мышь отошла от своего оцепенения и вампиресса опустошила ее, стряхнув с руки горстку сухого праха. — Ничего страшного. Ко мне воспоминания возвращались несколько месяцев. И то далеко не все. А почему ты спрашиваешь?

— Видения от Эссенции, — вставил Ангус, — со всеми бывает, поверь. Может, это настоящие воспоминания, а может морок — это не важно! Лучше поешь, пока эта дрянь не затянула тебя в спячку. После такого сна уж точно не проснешься со здоровой головой. Налетай! — И без лишних слов высосал псину прямо через прутья, вытерев запылившийся рот салфеткой.

Хоб оказался толи больным, толи настолько ленивым, что даже не очухался, когда я его

поднял. Но он все еще был жив. И через пару мгновений рассыпался, запачкав мой кафтан. Кларисса снисходительно улыбнулась, стерев с меня серую пыль куском белой ткани.

В это время Сарес сидел во главе стола со своей супругой и о чем-то с ней переговаривался, обводя насмешливым взглядом всех собравшихся. Вдруг из темноты выпорхнул Гаро, с радостным видом упав на маленький трон рядом с родителями. На плече у него сидел сокол, непонятно зачем явившийся вслед за хозяином на пир. Отец посмотрел на своего сына с непониманием, но промолчал. Адизель лишь улыбнулась, что-то сказала Гаро, от чего тот сжался в комок и усталился на свое угощение — шипящего раздутого змея в стеклянном коробе. Рядом стояло блюдо с чьими-то пальцами. Не спеша приступить к трапезе, мальчик принялся угощать птицу серыми косточками. Хищник заглатывал их один за другим, с решительным видом оглядывая оставшиеся вкусы.

— Ангус, отчего Вы так серьезны? — спросил Сарес. — Куда подевался весь Ваш былой задор?

— Прошу прощения, Барон Сарес, — ответил Ангус, натянуто улыбнувшись, — сегодня я не в настроении.

Глаза хозяина пира ненадолго затуманились, и он сочувственно кивнул моему рабу.

— Что ж, очень жаль. Без Ваших проказ наш пир немного потеряет в своем веселье. Бральди, — он повернулся ко мне, — ослабьте Ваши путы, Барон совсем сжался под Вашей опекой.

Ангус мельком взглянул на меня, и с шипением усталился в стол. Подносили новые кушанья.

— Барон Сарес, — сказал он, — я вижу, Архиепископ Сэти не удостоил нас своим присутствием.

— Верно, Ангус. Сэти никогда не отличался пунктуальностью. Но я уверен, он появится с минуты на минуту. У Вас к нему какое-то дело?

— Нет, конечно. Просто непривычно видеть пустые места за столом столь щедрого хозяина.

— Вы мне льстите, Барон! — рассмеялся Сарес, взяв свою супругу с руку. — Ты слышала, Адизель? Ангус только что упрекнул меня в щедрости!

— Ты и вправду несколько увлекаешься зваными обедами, любовь моя, — ответила хозяйка, нежно поцеловав своего мужа. — Если так пойдет и дальше, казна опустеет быстрее, чем выпадет первый снег.

— О Боги, Адизель! — вздохнул Сарес. — Господин Бимед, как Вы считаете, неужели я не могу принимать своих гостей как радушный хозяин? Может быть, Вы чем-то недовольны?

— Прием просто замечательный, Барон Сарес, — прогудел одноглазый Механист, доставая из наплечной сумки мягко сияющую колбу. — Прошу прощения, что не могу насладиться Вашими угощениями. Вы понимаете.

— Конечно, господин Бимед, — ответил хозяин, с интересом наблюдая за ним.

— Насчет Вашей расточительности я судить не могу, — сказал Бимед, вынув из-за стальной пластины на груди пустую колбу. Поставил на ее место полную, и пластина с тихим шипением захлопнулась, — мне не довелось видеть Ваших расходных книг. Но как я могу судить о проходящих через Ваши земли торговых потоках, подобные празднества не истощат казну столь быстро, как прогнозирует Ваша уважаемая супруга.

— Видишь, Адизель? Нам абсолютно нечего бояться! Лучшего экономиста, чем господин Бимед я не встречал, его словам можно доверять.

— Все по воле твоей, любовь моя, — сказала Адизель, повернувшись к сыну. — Гаро, почему ты не ешь?

— Верно, чуть не забыл! — радостно воскликнул Сарес и прошептал что-то подошедшему слуге.

Все переговаривались, обливаясь питьем и обсыпая пышные одежды пылью съеденной дичи. Лишь маги и священники не проронили ни слова, неохотно принимая предлагаемые угощения. Чувствовалось, что они вот-вот набросятся друг на друга, но на шею им словно накинули ошейники. Разве что лай не вырывался из их плотно сжатых ртов.

Тут двери зала вновь распахнулись и несколько здоровяков затащили на ближайшие столы неведомую тварь. Она хрипела и булькала, протягивая свои огромные щупальца с присосками меж прутьев клетки, и смотрела огромными глазами на окружающих.

— Господа, — сказал Сарес, лучезарно улыбаясь, — позвольте представить вам новое блюдо — кракен! Давно эта тварь мучала наши водоемы, утаскивая в свои норы рыбаков и топя наши корабли! Многого мы натерпелись от нее, и теперь, дамы и господа, предоставляю вам шанс оторвать такой кусок от его плоти, какой он заслужил за нанесенные вам обиды. Приступайте!

Толпа Пожирателей с радостным ревом набросилась на монстра. С глухим треском рвались щупальца, вырывались куски слизистой плоти, брызгали по столу вонючие соки. Кракен визжал и кряхтел, пытаясь отбиться от напавших со всех сторон падальщиков, выплевывая комки черной жижи в лица вельмож, но те лишь смеялись и утирали сгнившие рты, запихивая в свои переполненные утробы еще бьющееся в агонии серое мясо.

Адизель отвернулась, закрыв глаза своему сыну. Сокол слетел с его плеча, вцепившись в глаз бурлящему в предсмертных судорогах зверю. Птице достался очень жирный кусок.

Хозяин дома понимающе улыбался, подгоняя чиновников в их звериной удали. Когда спрут перестал биться, а зал наполняло лишь хищное чавканье мертвецов, Сарес произнес:

— Надеюсь, вы остались довольны, дорогие друзья, — сказал он, подняв волну аплодисментов с задних столов. — Однако, господа Личи, я не забыл и о вас. Вы наверняка подумали, что окружающие нас звери стоят в этом зале просто так. Спешу вас огорчить — это тоже часть нашего пира! Выбирайте добычу по вкусу и наслаждайтесь!

Теперь по столам перемещались огромные клетки. Каждый отщипывал по частице души зверя, все больше ослабляя его, пока тот не рассыплется в прах, как и вся добыча до него.

— Дикари, — прошипела Кларисса, пропустив мимо себя иссохшего, словно мумия, медведя. — И это творилось под носом господина Зеина...

— Прости, дорогая, не все в этом мире сплошь эстеты, — усмехнулся Ангус, отщипнув свой кусок от облысевшей туши. — Дядюшка никогда не был зациклен на досуге своих подчиненных. Или тебе вновь захотелось в Сладкую Башню?

— Не смей так со мной разговаривать! — ответила вампиресса, как бы невзначай потянувшись под подол своего платья.

— Успокойся, женщина, — отмахнулся Барон, — как только все закончится и нас возьмет под крыло другой Архимаг, ты вернешься назад в Башню, и тогда все наладится. Как считаешь, Бральди?

— Понятия не имею, — ответил я. От медведя уже почти ничего не осталось, и я не стесняясь опустошил его целиком. На вкус отвратно, но кожа моя разгладилась, а одежда приняла быллой цвет. И плевал я на их недовольные взгляды. — Как вообще это происходит?

— Ну обычно это решает совет Архимагов, или же новым Архимагом назначается

лучший ученик. Но дядюшка не водил тесной дружбы с младшими Некромантами, так что наши владения скорее всего отойдут Молоху. Он наш ближайший, так сказать, сосед, да и насколько я помню, дядюшка Зеин хорошо о нем отзывался.

— А если замены не найдется?

— Тогда земли раздерут Бароны, — вставила Кларисса, — или захватит Епископат, или Легион «освободит от угнетателей ложной веры», или их просто заберут пустоши. Без власти все, что господин Зеин отстраивал веками, развеется по ветру или осядет в карманах его бывших слуг.

— В любом случае, это уже решится без нашего участия, — вздохнул Ангус, глядя на меня. — Все же я не верю, что дядюшка ничего не задумал на этот счет. Он был достаточно дальновиден, чтобы не пустить все на самотек, кто бы что про него не говорил. Но я не пойму одного, при чем тут ты?

Никогда не доверять чародеям. Главное правило для всего сущего. Так должен был ответить я, но промолчал. Мне все равно, о чем думал старик. Но он оказался слишком высокой фигурой в местной игре, чтобы просто отмахнуться от него.

— В любом случае, Сарес согласился помочь нам добраться до Ашерана. Конечно, это слишком далеко, но большую часть пути можно проделать на дирижабле Механистов, а это, поверь, уже немало. Остальная часть дороги будет зависеть только от нас. Конечно, если вновь не случится какая-нибудь чушь.

— Тяжело поспорить, — сказала Кларисса. — Эльза, милая, почему ты не ешь? Тебе нужны силы.

Вещунья сидела, уставившись в усыпанный прахом стол. Ее губы что-то шептали, а пальцы перебирали серый песок, выстраивая в нем спутанные узоры.

— Черный брат с идет, — сказала она, — Черный брат идет за душами близнецов.

— Что ты сказала? — спросила вампиресса, наклонившись к ней.

— Черный брат идет на жатву, — громче сказала Эльза. — Черный брат забирает жизнь Белого брата! Праздник сгнивает во тризну!

— Простите... — сказал Сарес, услышав пророчицу, но он не успел закончить. На пороге зала стояла высокая фигура, облаченная в черный как смола балахон. На шее и руках гостя блестели десятки цепей, увешанных драгоценными камнями в узорных оправках, священными знаками и костями хищников. — Приветствую, Архиепископ! Присаживайтесь за стол, мы Вас заждались.

Воздух сжался, неподвижный в мертвом молчании. Вельможи прекратили набивать животы, замерев с кусками пищи в грязных руках, вампиры смотрели вслед проплывающему, словно тень, священнику, едва заметно ежась от пробежавшей по телу тревоги. Невозмутимые до поры чародеи подняли головы в сторону Архиепископа, сложив пальцы в каком-то странном знаке, на что тот ответил удовлетворенным кивком. Собратья по вере как по команде вышли из-за стола, коленопреклоненно приветствуя своего наставника. Цирк.

— Прошу прощения за столь запоздалый визит, Сарес, — звенел железом священник, усаживаясь рядом с Бимедом и пожав его скрипучую клешню. — Надеюсь, твой стол еще не опустел. Я, признаться, слегка оголодал.

— Конечно, Сэти, мы всегда найдет, чем угостить дорогого гостя. Думаю, твоя задержка связана с блудными душами в лесу?

— По большей части. — На стол перед ним сразу опустилось несколько клеток с пауками и скалящими мелкие зубы ундинами. Сэти стянул глубокий капюшон, но это не

помогло. Белая кожа едва проглядывала сквозь подвижную, почти непроницаемую тьму, и лишь ярко сияющие зеленые трещины глаз говорили, что это существо может быть похожим на человека. — На кладбище проснулась сразу сотня усопших, благо ни одного твоего сородича среди них не оказалось. И заблудшие души сегодня как никогда встревожены, да покарает их Бинасу!

— Значит, теперь охота станет гораздо спокойней в наших краях?

— Сомневаюсь. — Сэти схватил русалку за цветастый плавник, и визжащее полурыбье тельце растворилось среди теней, окружающих священника. — Может, призраки больше и не будут докучать, но звери в последнее время тоже весьма беспокойны. В сегодняшнем походе мы потеряли двух братьев.

— Да смилостивится над ними Бинасу в чертогах Его, — сказал Сарес, невольно поглядывая на сжавшуюся от страха Эльзу. Кларисса держала ее за руку, не поднимая второй ладони из-под полы платья. Я почувствовал укол в ногу. Ангус под столом протянул мне... мой кинжал. Обстановка накалялась, это чувствовали все, но если случится то, чего ожидает мой раб, эта зубочистка мне не поможет.

— Во истину! — сказал Сэти, сложив ладони. Священники повторили его жест и тихо прошептали заупокойную молитву. — Но все же, я бы на твоём месте беспокоился вовсе не об охоте. Брат.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты же был там, Сарес, — все так же гремя сталью сказал священник, — и Архиепископ Веве тоже.

— Прости, Сэти, но я тебя не понимаю.

— Прорыв, брат.

Сарес недоуменно посмотрел на Сэти. Адизель сжала губы, явно недовольная таким ходом событий.

— Сэти, говори прямо. Ты знаешь, как «сильно» я люблю загадки.

Жрец несколько не смутился, хотя что можно разглядеть на этой пляшущей маске темноты.

— Верно, Сарес, никто в нашей семье не любил намеков. — Сэти сидел неподвижно, но его спутники едва заметно напряглись, окончив свою молитву. — Но все же я не вижу в этом никакого секрета. Несколько дней назад до нас дошли новости, что недалеко от столичных владений Архимага Зеина Проклинающего был замечен Прорыв Света. Перед этим, как ты знаешь, наш господин покинул эту грешную землю, и несколько позже, в одном из подземных убежищ твоих сородичей завязалась схватка между неизвестным Вампиром и Бароном Лантелом.

— Сэти! — рывкнул Сарес, сжав подлокотники своего трона.

— В результате весьма скоротечного боя, — продолжил Архиепископ, — были сожжены заживо двенадцать Вампиров, еще несколько десятков отделались сильными ранами. Главный виновник, полыхая как факел, убежал прочь. Однако через несколько минут один из тоннелей был разрушен хлынувшим неба потоком Света. Рядом с ним была замечена весьма примечательная юная особа. — Взгляд Сэти полоснул по лицу Эльзы. На ее глазах выступили слезы. — После того, как она, не владея Путем Тьмы, прикоснулась к потоку...

— Сэти!

— ... угроза близлежащим поселениям исчезла сама собой. Но на месте Прорыва

обнаружились на удивление живая юная особа и обгоревшее тело неизвестного. После чего я встречаю их в твоём замке, да ещё в сопровождении племянника самого Архимага.

— Сэти! — вскричал Сарес. — Если ты хочешь в чём-то меня обвинить, делай это прямо! Но знай, таким гостям здесь не будут рады!

— Я не задержу тебя, брат, — отрезал Сэти. — Я ни в чём не хочу тебя обвинять. Но Архиепископу Ве́ве, единственному выжившему жрецу Камешу, очень нужны твои гости. Они являются подозреваемыми в Ереси и служении старым Богам. Отдай их в руки Инквизиции, и продолжай свой пир во время чумы.

— Сэти, — хозяин дома лучился Тьмой, готовый разорвать обидчика в клочья. Но стража даже не шелохнулась. Надо быть готовым. Это будет даже не схватка, а бойня. Не доверять чародеям, а богословам и подавно! — Если у тебя есть дело к нашим гостям, тебе стоит переговорить с ними лично. Но пока они находятся здесь, ты не имеешь права забрать их.

— Ошибаешься, Сарес. Согласно договору Собора и нашего Архимага, Инквизиция имеет полное право взять под стражу любого, подозреваемого в Ереси до выяснения обстоятельств. И для установления степени вины. Вот, взгляни, — сказал Сэти, протянув своему брату белоснежный свиток со светящейся волшебной печатью.

— Мне плевать, что написано в ваших бумажках! — Сарес вскочил с кресла, выбив черным жгутом пергамент из руки Архиепископа.

— Сарес, прошу... — прошептала Адизель, пытаясь усадить супруга на место.

— Нет, Адизель! — отмахнулся Сарес. — Сэти, предупреждаю! Если ты сейчас же не уберёшься в свой проклятый храм, мне придется выпроводить тебя самому!

— Что ж, твоя правда, брат. Адизель, ты никогда не умела выбирать.

Затрещали пружины и шестерни, и Механисты выхватили свои мечи. Клинки противно жужжали, а лезвия начали свой скоротечный путь. Отвлёкшись на звук, Сарес допустил непоправимую ошибку. За что лишился головы.

Глава 17. Молот и крест

Вот он, мертвый город. Свободный от магов, церковников и рабов. Лишь Фералы воют на его останках. Эх, Флаур, осыпавшийся цветок в пустыне, не спасло тебя волшебство. Но мы не отдадим тебя на растерзание пустошам. Во славу Легиона — силы равенства.

Так думал Колин Кимавелл, ступая со своим отрядом по разграбленным владениям Архимага Зеина. То тут, то там каркали вороны, разлетаясь, позабыв о своей добыче. Гремели выстрелы, падали под ноги тела диких монстров. Ружья Механистов — настоящие, а не те мушкеты, что они продают за бесценок всему миру — настоящее чудо. Сколько прекрасных бойцов полегло на руинах заводов машинопочлонников, чтобы раздобыть эти смертоносные сокровища. Но все это было не зря. Теперь эти механизмы послужат воле народа.

На руках его шелестела карта города, вздымаясь и опадая от дыхания чудовищного ветра. Их путь лежал в рабочий квартал Механистов, где располагался вход в заводскую зону и подземной железной дороге. Радиопередатчик на спине связиста Борчи молчал, и это был дурной знак. Последнее сообщение от окрестных Легионеров поступало три часа назад. Если выживет хоть кто-то, это можно будет считать удачной вылазкой.

На секунду Колина оглушил пронзающий многоголосый вой, грянул выстрел. Рядом с ним упало многорукая, сплетенное из нескольких человеческих тел тварь, а карта и кольчуга Легионера забрызгала смердящая бурая жижа. Неподалеку стоял Джарви, с усмешкой

передернув затвор дымящейся винтовки.

— Цель оправдывает средства? — спросил командир, смахнув грязь с непромокаемого пергамента.

— Тебе не дорога шкура? — сказал солдат, щеря разбитые в предыдущих схватках зубы.

— Согласен, глупый вопрос. Благодарю.

— Да не за что... Ложись!

Колин рухнул на землю, едва не зацепившись кольчужной подкладкой за пролетевшую над ним лапу. Очередная не в меру быстрая химера попыталась оторвать ему голову, но тут же отступила под градом пуль.

— Все сюда! Защищать командира! — рявкнул Джарви, посылая в морду чудовищу одну пулю за другой. Она лишь редела и кричала, пытаясь отмахнуться от свинцовых мух, не оставляя попыток добраться хотя бы до одного из солдат.

Колин перевернулся, наставив на монстра огромный барабанный пистоль, заряженный разрывными серебряными снарядами. Пули вязли в жесткой плоти химеры, но командир знал, что делает. Дуло с грохотом дернулось вверх.

Чудище рухнуло на землю, держась тремя руками за разорванный серебряными осколками череп.

— Да когда же ты сдохнешь! — прорычал Кимавелл, выпустив еще две пули в тело Ферала. Не в силах дальше бороться, тварь рухнула на мощеную камнем дорогу и скончалась, выплеснув из своей утробы все содержимое. — Черт бы побрал этот город!

Командир поднялся на ноги, едва не наступив в едкую жижу. И к пущей радости, обнаружил выпавшую карту. Неизвестно, из какой дыры могла вылезти эта мерзость, но дорогу к заводу теперь придется искать по памяти. Непромокаемый и несгораемый пергамент Механистов с противным шипением плавился в потрохах почившего монстра.

— Вашу мать!

— Ничего, командир, мы уже недалеко, — сказал Джарви, сменив обойму в своей винтовке.

— Колин, сообщение от Мартина! — выбежав из-за угла дома прокричал Борчи.

— Ты где шлялся?! — рявкнул Кимавелл.

— Быстрее, здесь наверху хороший сигнал! — не обратил внимания связист.

Колин побежал вслед за ним, едва не провалившись по пути в пробоины в каменных ступенях. Передатчик тихо шипел на куче мусора под пробитой крышей, слышались позывные.

— Тиран, говорит Ворон, прием! — кряхтел громоздкий прибор.

— Тиран на связи, прием! — сказал командир, схватив изрядно поржавевший микрофон.

— Тиран, могильник пуст, Вороны потрепали перья. Возвращаемся в гнездо.

— Отставить, Ворон. Вы нужны нам здесь. Карта истлела, Ферали лезут из всех щелей.

— Никак нет, Тиран. Вам придется справиться своими силами.

Колин едва не смял от злости ни в чем не повинный аппарат, но сдержался и продолжил передачу.

— Тиран принял. Есть новости от других?

— Тишина. На запросы не отвечают, никаких сигналов. На них можно не рассчитывать.

— Принял, Ворон. Возвращайтесь в гнездо. Мы справимся сами.

— Удачи, Тиран. Во имя свободы!

Все кончено. Еще одна ячейка потеряна. Ничего, сказал себе Колин, сила не в количестве. Сила в власти. Власть Легиона простирается дальше, чем воля Некромантов и серебро Вампиров. Где есть угнетенный народ, там всегда найдутся союзники. Добровольцы. Но нельзя сдаваться, мы уже почти дошли.

Борчи взвалил радиопередатчик на плечи, достал из кобуры пистоль.

— План прежний? — спросил он.

— Верно, — сказал Колин, глядя на поднимавшихся на этаж солдат. — Бойцы! Забаррикадировать проходы! Привал десять минут.

Завалив все входы на нижнем этаже всем, что сыскалось в доме, Легионеры расположились напротив окон, готовые в любой момент выпустить заряд свинца в первую осмелевшую тварь.

По улицам стаями носились падальщики, подбирая тела павших собратьев и унося их в свои норы, или же разрывая их на куски на месте. Несколько раз долбили в железную дверь снизу, но через баррикаду перелезть не решались. Солдаты Легиона жевали припасенное мясо, не выпуская оружия из рук. Малейшая оплошность, и они окажутся в ловушке, которую сами же и построили.

Каждая вылазка — шаг навстречу смерти. Но также шаг вперед, к цели, к революции. Маленький долбаный шаг навстречу свободе от Личей. Чародеев, завлекателей душ и проклятых кровососов. За столетиями колдовства, угнетения Пожирателей, повинований Богам они забыли, на что способен простой народ. Механисты дошли до этого раньше, но им не нужна власть.

Им не нужна свобода.

Братство Механистов — улей. И каждая пчела бессознательно знает в нем свое место. Все во имя прогресса и постижения законов Вселенной. Но правит этим прогрессом простая, банальная выгода. Колин видел, на что способно их оружие, насколько разрушительны их боевые некрומехи. Они убили в себе остатки человечности, даже животное начало в их душах погибло под тяжестью искусственной плоти. Теперь это рой, медленно, но уверенно пожирающий и заглатывающий все, с чем не смог срастись, как самый настоящий паразит. Но и они не безупречны. С помощью их средств, их знаний Легион сможет многое. Даже истребить всю эту противоестественную мерзость с лица земли.

Солдаты молча сидели на грязном полу, тихо, словно мыши, пережевывая скудный на разнообразие провиант. Правда, был у командира в вещмешке один плод, уже порядком высохший, но он так и не решался его съесть. Где-то посреди пустошей рос настоящий лес. Не скопление высохших, окаменевших от старости бревен, а самый настоящий, живой лес! Отряд Лев однажды нарвался на него во время очередной вылазки, и это была одна из самых неудачных операций со времен основания Легиона. Живыми вернулись лишь трое. Их сумки были доверху набиты семенами, плодами и ростками, но все остальное они потеряли там же, в лесу. Включая собственный разум.

Бред о силе, возрождающейся Жизни, что доносился из их уст, прерывался лишь жадным чавканьем и хрустом семян. Им всюду мерещились призраки, оборотни, вся сверхъестественная шваль, до которой мог додуматься их больной разум. Голос с небес призывал их подарить вечный покой всему Белендару. Естественно, чудаков ждали сырые подземелья и последующий трибунал.

Лишь через два дня, когда сквозь кожу, ломая кости и пробивая броню, вырвались

темные ростки, Легиону стало не до смеха. Эти безумцы, размахивая проросшими сквозь пальцы лезвиями, принялись убивать и пожирать на ходу всех, кто не успел сбежать или схватиться за оружие. Пули и клинки не брали их, корни и стебли расплескивали вокруг себя едкий сок, и лишь масляная бомба смогла упокоить их навеки. Но взвод проверенных бойцов было уже не вернуть. И единственным трофеем в этой битве был засохший плод из проклятого леса. На этом разведка новых земель в пустошах остановилась.

Упыри на улицах закончили свои звериные распри и разбежались по своим норам, не оставив после себя даже костей от своего ужина.

— Привал окончен. Выдвигаемся, — тихо скомандовал Колин, выглянув из окна. Чисто.

Стук сапог разносился через разбитые улицы мертвого города, от чего становилось не по себе. Где-то в переулках голосили птицы, отбирая друг у друга куски добычи, тихо рычали волки и химеры, забившись в самые темные углы под сумеречным небом. Трусливые твари убегали с открытых мест, едва заслышав осторожную поступь солдат Легиона. Слишком резкая перемена настроения, подметил про себя командир. Чем ближе отряд подходил к заводам, тем чаще им встречались останки покалеченных монстров.

— Что за чертовщина? — спросил Джарви, глядя на разрушенные стальные каркасы и разбитый в крошево камень, смешанный с обглоданными человеческими, и не только, костями.

— Охранные системы, — сказал Колин. — Смотрите по сторонам, они могут еще функ...

Раздался оглушительный рев сирен, отряд вскинул оружие, пытаясь обнаружить источник шума. Долго ждать не пришлось.

Лязгая стальными лапами, из груды мусора выскочили трое пауков с человеческими головами.

— В укрытие!

Лязгнули затворы, и в сторону Легиона хлынул свинцовый дождь. Дориана и Марко разбросало по каменным оградкам, другие бойцы едва успели спрятаться, но Борчи повезло меньше. Тяжелая пуля прошла между ребер, раздробив кости, но не убив связного. Передатчик, висевший мертвым грузом на его плечах, нещадно искрил, обжигая ему спину.

— Вашу мать! — рявкнул Колин. Огонь прекратился, но стоило ему высунуть голову из укрытия, каменная крошка ударила в глаза. — Черт! Бойцы! План четыре! Джарви — позиция один, Виконт — позиция два.

— Приняли! — выкрикнули солдаты.

четыре — обход с фланга. Какими бы совершенными не выглядели бойцы Механистов, они действуют строго по заданным схемам. Меткости и реакции им не занимать, но если атаковать их сразу с множества сторон, им потребуется несколько секунд на перестановку приоритетных целей. Этого времени Легиону хватит с лихвой, лишь бы все получилось.

Выдернув чеку, Колин бросил через стену световую пашку. Раздался грохот, и огонь некромохов потерял точку концентрации. Перегрузка световых фильтров.

Бойцы разбежались в разные стороны, прижимая пауков непрерывной стрельбой.

— Ты уверен, что это правильно? — спросил Мартин, наблюдая за происходящим через контакты искусственных глаз, развешанных по периметру завода.

— Выхода нет, — ответил Корвин, лязгнув сварочным аппаратом на одной из конечностей. — Поддай фитиль. Мы уезжаем.

Живо зашипела огненная змейка, не спеша протягивая свой путь к заложенной в

остатках стен взрывчатке.

— Простите нас, братья, — прошептал Корвин, выдернув контакт из разъема на черепе. — А теперь бежим!

Что произошло дальше, бывшие Механисты не знали. Содрогнулись стены, вагонетка застучала по рельсам с удвоенной силой, унося братьев с их скудным скарбом в темные тоннели подземной дороги. Навстречу неизвестности и бессмысленной, как показалось К-14 свободе.

Все валится из рук. Они оказались не готовы. Теперь народ бунтует, подгоняемый псами в черных балахонах. И, кажется, я слишком много курю.

Молох, самый старый из Архимагов, сидел за своим созвездием стола, и руки его тряслись, словно годы что-то значили для существа, презревшего саму смерть. На этот раз заседающих было больше. Три десятка волшебников молча смотрели друг на друга, кто-то курил трубку, кто-то как Нефертари, гляделся в зеркало, и поправлял гротескный макияж на стянутых, сухих лицах. Лишь бунт Пожирателей заставил их вытащить свои тощие задницы из закрытых на тысячу замков золотых клеток.

— Итак, — прошипел Молох, выпустив кольцо дыма в бескрайний черный потолок, — что же вы собираетесь делать, братья и сестры?

Спертый воздух Зала звенел от скрежещущих токов волшебной силы, сплетавших собравшихся паутиной эфирных линий. Стефано и Вильям, всмотревшись в эти бурлящие потоки скрытых мыслей, решили взять слово.

— Всем уже ясно, — начали «близнецы», — что схватить Архиепископа Веве уже не представляется возможным. Авторитет Епископата повсеместно растет, и если верить Полотну, в повсеместных волнениях народа замешаны Механисты. Доверие к нам падает, в то время как авторитет церковников растет буквально на глазах. Кстати, наверняка вам будет интересно услышать, что во владениях Зеина Проклинающего, в провинции Семфис церковники убили местного Барона и взяли в плен нескольких Вампиров, подозреваемых в Ереси. В другое время на этот случай можно было бы закрыть глаза, но последнее обвинение подобного толка Епископат предъявлял четыреста лет назад. Как вы наверно помните, повод оказался абсолютно ничтожным.

— У вас уже созрел план, дорогие братья? — усмехнулась Нефертари, отдав зеркальце своей ближайшей подруге Мехет. Она не носила маски, но куталась в красную шаль так, что различить в здешних сумерках можно было лишь пустые глаза и длинный нос.

— О Боги, неужели у нас нет других проблем? — вздохнул Одрен, Элементалист с северных границ. Древнее копьё из окаменевшего дуба тихо звенело бубенчиками, покачиваясь в такт тяжелой, порывистой речи Архимага.

— Хотел бы с тобой согласиться, брат, — сказал Вальдран, — но все, что происходит во владениях Зеина, касается всех нас. Продолжайте, братья.

— Хотелось бы верить, — продолжили «близнецы», — что все это закончится так же, как и раньше. Но не все так просто. Стоит лишь предположить, что обвинения Епископата не беспочвенны, и это дает нам весьма широкий простор для действий. Среди задержанных Вампиров оказалась Эльза, вампиресса-пророчица брата Зеина. Как вы все знаете, он очень превозносил эту девушку, не смотря на ее... не вполне здоровое состояние рассудка. Также там был замечен Барон Ангус, его племянник. Простой здравый смысл подскажет вам, что эти персонажи не могли появиться на одной сцене просто так.

— И кто же будет главным героем этой пьесы? — спросил Молох.

— Еще один Вампир. С момента пробуждения он еще не обрел память, потому откликается на имя Бральди. Барон Лантел назначил за его голову такую сумму, что на данное количество серебра можно кормить целый город в течение месяца.

— Чем же он так насолил этому жирному ублюдку? — засмеялась Нефертари фарфоровыми губами. — Разве Вампиры так редко вздорят друг с другом?

— Дело в другом, сестра. После появления этого Вампира пала крепость Зеина. Также после его схватки с Лантелом начался Прорыв. И этот факт, многие согласятся, не стоит игнорировать.

— Вампир? Связан с прорывом? — проворчал Молох, все усерднее перебирая заплетающимися пальцами яшмовые четки.

— Пути Проведения лежат дальше нашего взора, — сказал Сэй Фа, спокойно улыбнувшись ему. — И мне кажется, я понимаю, к чему ведут наши уважаемые братья.

— И к чему же, дитя Востока? — спросил Одрен, сунув руку в узорный мешочек на поясе.

— Посмотри сам, брат.

Костлявая ладонь колдуна раскрылась над столом. На волшебный узор созвездий упали рунные камни. Одрен нахмурил изрядно поредевшие брови и потянулся к повязке на левом глазу. Гладкий, как зеркало, рубин ярко блеснул из-под темной кожи, и старик почернел, как туча.

— Украсть его? — прохрипел чародей.

— Именно так, — ответили «близнецы». — Это решение будет самым хлопотным, но самым вероятным для нас. Многие из нас не захотят разрывать пакты и соглашения между Архимагами и Епископатом, но можете быть уверены — лучше уже не станет.

— Трудно не согласиться с вами, братья, — сказал Сэй Фа, — но неужели Орден Психиков не видит иного разрешения конфликта? Не все храмы настроены против нас. Немногие здесь меня поймут, но брат Молох не даст мне соврать, верно?

Алхимик молчал, вдыхая дурман и пытаясь выстроить в своей голове цепь грядущих событий. Это не трудно, как превратить медь в золото, или железо в серебро, или уголь в алмаз, но то, что складывалось у него внутри, его нисколько не прельщало. Если следовать этому пути, вновь начнется торжество Инквизиции, Легион и пустоши разорвут все города и страны на куски, и тогда Некромантов не спасет даже помощь Богов, ни Новых, ни Старых.

— Верно, Сэй Фа, — прошептал он.

— Молох, что с тобой такое?! — воскликнула Нефертари, едва не ударив соседей длинными руками. — Ты самый старший Архимаг, на тебе лежит ответственность за наши шкуры! Так чего же ты мнешься, как невеста в брачную ночь?!

— Сестра... — «начали близнецы».

— Заткнись, чудище двумордое! Вы хоть понимаете своими гнилыми мозгами, что происходит на наших землях? Самый опытный Архимаг погиб в битве с какими-то тварями с пустошей, Прорыв Света выжигает Вампиров прямо в их логове, Епископат насаживает Баронов на колья, словно свиней на вертел, а этот усохший хрен сидит и мямлит себе под нос! Зеин был мудр, но нерешительность и покорность судьбе погубили его, и если его заместитель не способен учиться на чужих ошибках, у меня неизбежно возникает вопрос — какого черта мы здесь сидим?!

— Умерь спесь, чокнутая стерва, — прошипел Молох. Трубка в его руках зачидила и

вспыхнула, рассыпавшись горсткой золы. — Зеин видел дальше, чем ты можешь себе представить. Может, он знал то, чего мы не можем понять. И его видение, и Прорыв, и этот Вампир как-то связаны между собой. Никто из нас не смог оградить наши земли от этого проклятого Вева, и теперь мы должны исправить то, за чем не смогли уследить. Хочешь действия? Хорошо. Я отправляюсь на выручку этому Бральди. Если тебе так скучно, отправляйся со мной. Когда ты в последний раз покидала свою чертову лабораторию?

— Не смей так...

— Смею!

Нефертари застыла, пронзая сияющим взглядом осмелевшего волшебника. За неподвижной улыбкой явственно скрипели сжатые в ярости зубы, и по бинтам, помимо воли хозяйки, пробежали искры.

— Знать, сметь, делать и молчать, Нефертари. Мы знаем, что нам грозит, мы можем это устранить, мы пойдем туда и сделаем то, что должны, без пререканий. Братья и сестры, все, кто желает сохранить свое место в этом мире, предупредите своих учеников и будьте готовы дать отпор. Неважно кому. Сейчас весь Белендар готов стереть нас в порошок. Те же, кто не боится, вставайте со своих стульев и идите за мной. Я ничего не могу вам обещать, но мы обязаны лично узнать правду. Любыми способами. Не знаю, кого Вева объявил Еретиком, но мы не должны допустить смуты. Да пребудут с нами Боги.

Мальчишка сражался храбро. Но храбрость его равна его детской глупости. Как только голова Сареса упала на обеденный стол, а воздух наполнился кровавым туманом, парень с диким криком бросился на Сэти. Не знаю, в какого зверя обратился Гаро, но столь быстрой и яростной тени я еще не видал.

Архиепископ даже не успел пошевелиться, застыв на месте с клинком, сотканным их захваченных им душ. Тысячи мелких зубов, словно крысиная стая, впились в призрачную броню священника и повалили его на землю.

Так завязалась эта проклятая свара. Механисты и стража резали друг другу глотки, волшебники и жрецы разнесли зал по камешку, едва не убив всех собравшихся своим колдовством. Грохнул взрыв, и шар зеленого пламени разметал по гостей по углам. Адизель, не в силах встать с пола, обожженная и напуганная держала на руках обезображенное тело мужа. Словно закрывшись своим горем от происходящей у нее на глазах бойни, Баронесса даже не пыталась отбиваться, когда ее подхватили железные руки и поволокли прочь.

Клариссу и Эльзу, оглушенных, но еще живых, унесли раньше, чем я смог подчинить себе тело. Болели ребра, правая рука раздроблена, осколки стола и камня впились в мое тело поганым жгучим роем. Кто-то из сородичей, возглавляемых кипящим столбом крови, пытались отбиваться, разбрасывая вокруг куски разорванных доспехов и сухой плоти. Ангус в конце обезумел, превратив себя в поток алой жижи.

Щенок, кого ты сможешь убить, растекшись по земле, словно лужа? Боль прошла так же быстро, как и началась. Тьма распылила меня, и я со всей возможной скоростью пытался догнать вещунью и ее хранительницу. В коридорах, как и на улицах за окном, бушевала резня. Громыхали выстрелы, один за другим, народ разбежался кто куда, кто пытаюсь убежать от захватчиков, а кто присоединялся к ним. Город умрет, как умер замок Зеина. Но плевать, я должен найти их!

Напролом сквозь толчею шли грузной поступью солдаты Механистов, держа одной рукой обездвиженных пленниц, а другой разрубая попадающихся на пути слуг и солдат

гудящими и скрежещущими клинками. Во главе их ступал Сэти, неся за шиворот то, что осталось от Гаро. Архиепископ уже не выглядел таким загадочным. Поток душ, окружавший его, заметно поредел, и через порванный в локуты балахон ясно виднелись лишенные мяса кости. Он на мгновение обернулся ко мне, на маленькую трепещущую тень под потолком, и ухмыльнулся разорванным ртом. От лица на голом черепе почти не осталось кожи, да и была ли она вообще.

С костлявых пальцев с воплем сорвался сонм движимых волей священника душ. Разгоняя и сбивая с ног кипящее море испуганного мяса, духи протянули ко мне свои скользкие лапы. Они впивались в мое нутро, пытаясь пожрать меня изнутри, но эта боль приятна. Она дает понять, что у меня есть цель. И чтобы достичь ее, нужна лишь малость — ПОЖРАТЬ ИХ КО ВСЕМ ЧЕРТЯМ!

Схватка теней, призраки ушедших в веру людей против сгустка живой Тьмы. Они тленны, а Тьма вечна. Моя мать, моя душа — им не сравниться со мной! Все царапины, что нанесли они своими хлипкими эфирными пальцами, заросли в мгновение ока, когда чудовище первобытной стихии заволокло их в свою бесконечную ненасытную пасть. Это был я, и не я.

Когда последний дух перестал вопить, втянувшись в мое бесплотное тело, я кинул взор на Архиепископа и его сподвижников. Они успели уйти достаточно далеко, все глубже вниз, на подземные этажи поместья. Дурная привычка, идиоты! От Вампира не спрятаться в темных подвалах, это моя вотчина! Тонкая нить ароматов гнилой плоти, эфира и вонючих машинных масел вела меня по следам ублюдков, над головами и искалеченными телами солдат и прислуги.

Запах креп с каждым поворотом, каждой раскрытой дверью, каждым распластанным трупом. К облаку смрада прибавился ясный аромат крови. И странный свист, идущий сквозь камень и сталь коммуникаций. Шепот сородича, но постоянный, неослабный и могучий. Я уже слышал его. Там, в Чумном квартале, в святилище Дахаки. Моя кровь закипела от дурмана приближающейся силы, и лишь одна мысль билась оголодавшей пичугой — почему именно туда? Что они хотят там найти?

За огромной распахнутой дверью, там, куда не проникало сияние факелов и светильников, возвышалась Звезда Первого. На алтаре перед ней расположились жертвенные инструменты, и все вокруг пропиталось кровью. Она звала, манила, кричала в моей голове о чем-то большем, чем впитавшейся в камень и сталь живительной влаге. Дахака, приколоченный к колесу, посмотрел на меня своим неподвижным, но ошеломляюще живым взглядом. Он сказал мне одно лишь слово.

БЕГИ!

Захлопнулась дверь, и мою шею обхватила жгучая посеребренная цепь. Сэти рванул поводок на себя и вырвал меня из объятий моей матери. Механисты по бокам рывком заломили мне руки и ноги, обхватив их той же проклятой цепочкой. Я пытался порвать хлипкие на вид звенья, Зверь мог это сделать, но он не желал просыпаться. И Тьма покинула меня, и кровь застыла в холодных жилах.

— Можешь даже не пытаться, кровосос, — усмехнулся священник, ударив меня сапогом в лицо. — Эта цепь благословлена нашими Богами, и никто из вас, безбожников, не сможет разорвать ее.

— Ублюдок! — выкрикнул я.

— Не стоит бросаться такими словами, Вампир. Чем больше глупостей я услышу от

тебя, тем мучительней будет твоя смерть. И твоих поделщиков.

Подняв голову, я увидел в углу неподалеку Клариссу и Эльзу, закованных в те кандалы, что и я. Они по прежнему были без сознания, лишь Гаро все еще рычал и рвался наружу, пытаясь перегрызть кляп. Через мгновение дверь позади открылась, и рядом со мной упал Ангус, щеря зубы стальным солдатам. По губам его текла кровь, а клыки были вырваны так, что лицо бывшего Барона больше напоминало морду химеры, одной из тех, что заполонили безумной ордой замок Флаур.

— Зря ты так, поп, — усмехнулся Ангус. Вскочил на колени и плюнул в лицо Сэти. Кровавая клякса растеклась по неподвижной гримасе. — Ты понимаешь, кому смертью грозишь?!

— Понимаю, Барон Ангус, — прошептал Архиепископ.

Удар Сапога обрушился голову моего раба. Раз за разом, вновь и вновь, каплю за каплей расплескивая кровь по полу. Священник хрипел и рычал, с каждым ударом втапывая пленника в камень, и пленные души, словно зрители на арене, поддерживали своего чемпиона, выкрикивая брань и восхищение на десятках языков.

— Прекрасно понимаю. — Стерев кровь с лица, Сэти отступил от неподвижного Ангуса. — Вы — обвиненный в Ереси. Эта Ересь пошла с земель Вашего почившего дяди стало быть, Архимаг Зеин, да упокоят Боги его душу, сам причастен к Ереси. А Вы прекрасно понимаете, что грозит городам, чьи хозяева находятся под обвинением.

— Да что за Ересь?! — прохрипел я. Поводок все сильнее стягивал шею. — Что тебе нужно от нас, тварь?!

— Прекратите грубить, Бральди! — сказал Сэти и сильнее натянул поводок. — Не смотрите так на меня, Епископат уже осведомлен о Ваших проделках, да продлят Боги век Архиепископа Веве. Что за Ересь? Начнем с Вашего, так сказать, имени. Ничего дурного в нем нет, любое имя лишь название вещи. Но это имя Старых Богов, и этот факт меня несколько настораживает.

Как же меня раздражает этот подонок! Заковал меня в цепи, как кабана! Что бы ты ни сделал, клянусь всеми Богами, какие слышат меня — я разорву тебя в клочья!

— Второй факт — Вы должны лучше следить за своим гардеробом. Вы носите на шее символ, значение которого даже не понимаете. Анх — по сути, тоже ничего не значит. Петля от сандалий. Если, конечно, не вспоминать, что это — главный символ Старых Богов Копхэта. Его дал Вам Архимаг Зеин, верно?

Я ничего не ответил. И не отвечу. Пусть только ослабнут оковы, и тебе не поздоровится, мразь.

— Можете молчать и дальше, «Бральди». Уж не знаю, кто над Вами так пошутил, но вернемся к нашей теме. Доводы о Вашей вине. Довод третий. Весьма туманный, на мой взгляд, но все же. С момента Вашего пробуждения в наших землях произошло столько событий, что я не видел за предыдущие три столетия. Вы итак слышали мои обвинения на пире почтенного Сареса, так что пересказывать не вижу смысла. Но почему-то мне кажется, Вам есть, что рассказать мне.

Молча ждать, терпеть пытки, постоянно ждать кинжала в спине — это не мое. Но если все настолько плохо, то мой поход закончится так же, как и начался. Я ничего не потеряю. Может, старик ошибся, и все его расчеты лишь причуда сломавшихся инструментов. Давай, придурок, говори, я тебя слушаю, у меня впереди много времени. Расскажи мне сказку перед смертью. Твоей или моей — не важно, в последнее время я только и делаю, что слушаю

всякую чушь.

А ты, Дахака, прекрати на меня пялиться, знаю, ты не доволен. Может, ты даже знал меня тогда, когда еще хоть где-то можно было отыскать свежую кровь. Лучше бы спустился и помог, за что сородичи тебе кровь к алтарям подносят? Не хочешь, да? Ну и черт с тобой, упырь. Смотри и любуйся, как меня посадят на кол. Это, конечно, не распятие, но знаешь ли, когда тебе в зад загоняют бревно это ничем не слаще пробитых рук и ног. И не смотри на меня так!

— Молчите? — сказал Сэти. — Что ж, это ненадолго. — Его взгляд плавно перешел на идол Первого и вновь вернулся ко мне. — Знаете, а это хорошая идея...

Вновь хлопнула дверь, и по святилищу разнеслось скрежетание механизмов и тяжелая поступь стальных ног.

— А, Бимед! Вы как раз вовремя, — усмехнулся жрец. — Как идут наши дела?

— Незначительные потери с нашей стороны, господин Сэти, — прогудел железный человек. Краска на его ступнях заметно потерлась, ноги пестрели царапинами и вмятинами. — План идет прежним ходом.

— Очень хорошо. Кстати, не могли бы Вы оказать мне небольшую услугу? Воспользуйтесь своим чудесным клинком и спилите это чучело со звезды.

— Как пожелаете.

Заревел зубчатый меч. Механист принялся разрезать на куски тело Дахаки, высекая из металла статуи снопы искр. От шума очнулась Эльза, но ее испуганный вопль был едва слышен сквозь жужжание стали.

— Не беспокойтесь, дорогая, придет и Ваше время! — нарочито громко и весело прокричал Сэти. Ох, наврал я насчет собственной гибели. Уж не ты ли сманил этих ублюдков уподобить меня себе? Или просто тебе надоело нести свой вечный пост в этой каменной клетке?

Кусок руки Первого рухнул на пол, и Бимед продолжил свое подлое дело. Его ничуть не страшило, что металл сочится кровью, что она пульсирует мелким фонтаном, словно из живого существа. Не волновал его и нарастающий писк, давящий на уши так, что визг меча Механиста казался музыкой. У него нет ушей, он не верит в то, что может что-то осквернить. Для него все поддается законам природы, иначе бы не было в нем такой слепой уверенности в своей правоте. И даже союз со слугами Богов для него лишь выгодное сотрудничество. Механист, может я и Зверь, но ты бездушен от начала и до конца, и даже шматки плоти, что остались от прежнего тебя, не скажут мне, что ты когда-то был человеком. Ты ничем не хуже этого чертова фанатика.

Вот падает вторая рука, голова, грудь, торс, с жестоким лязгом отлетают ноги. Идол кричит от боли, кровь стекает уже не только с его членов, но и с восьмиконечной звезды, к которой Первый был приколот.

— Забавно, забавно! — раздражается гадостным смехом Сэти. Его руки обогреты кровью Дахаки, он играет с багровыми потоками, как дитя с горным ключом. — И все же странно, что Собор не запретил поклонение Первому Вампиру. Понятно, он нежить, и даже не Бог, но ваша кровавая магия все же на что-то способна. Может, Дахака даже отвечает на ваши молитвы? Что скажете, Барон Ангус?

— Никогда не был религиозным, — выдохнул раб, подняв голову к разбитому идолу. Багровая река смешалась с его кровью, но это не предавало ему сил. Я видел, как он пытается контролировать кровь, но та лишь вздымалась и опускалась маленькими волнами,

не в силах превратиться хоть во что-то.

— Охотно верю. Друзья мои, прислоните господина Бральди к этой замечательной звезде.

Меня подхватывают мощные руки и несут алтарю. Высеченные в камне знаки шипят и наливаются алым, того и гляди всех просто затопит потоком жизни. Цепи слегка ослабевают, но ошейник натянут столь туго, что начинает прожигать кожу. Чего же вам надо, твари, скажите по-человечески! Разве это так трудно?

— Святой Бинасу, огради нас от этой мерзости! — прошипел Сэти. Поток крови испачкал полы его рясы, и теперь она стремительно укорачивалась под недовольный шепот духов. Фальшив насквозь, даже одежда твоя — не предмет, а рабыня. — Вот так, прикуйте его хорошенько. Бимед, у Ваших братьев, случайно, не завалилось несколько добротных гвоздей?

Вот черт, какой же я догадливый...

— Не проблема, господин Сэти, — сказал механист. Могучи руки оторвали обескровленные пальцы Дахаки, и теперь мяли их, словно глину, вытягивая из них длинные толстые колья.

— Замечательно, Бимед, Вы не перестаете меня удивлять! А теперь, прошу Вас.

Цепи плотно держали меня по рукам и ногам, и теперь к моей правой ладони приставили огромный гвоздь. Боль впереди, долгая боль.

— Бральди, взываю к Вашему благоразумию, — прошипел Сэти, рассматривая инструмент на алтаре. Его явно забавляли щипцы, ножи и пилы. Сарес, что же ты скармливал своему великому Богу? — Расскажите подробно, как Вы связаны с Прорывом Света, и как в этом замешан Архимаг Зеин. Я уверен, мы разумные люди, и сможем договориться.

— Я ни черта не знаю, поп, — сказал я. — Хочешь что-то узнать — молись своему Богу, может он явит пред тобой дух старика и он все тебе выложит.

— Очень жаль. Мне пришлось по нраву Ваша лаконичность. Бимед!

Сверкнул металлический глаз, и бронзовый кол пронзил мою ладонь. Черт, черт, черт, ЧЕРТ! Это же не серебро, почему такая боль?! Сарес, подонок, твой Первый убьет меня лично, а ты лежишь где-то там, засохший, как мумия! В глазах на мгновение потемнело, и по руке поползла алая змея. Эльза, сидевшая по щиколотки в набежавшей крови, то смеялась, то рыдала, бормоча про себя что-то неразборчивое. Ее огненные волосы превратились в ржавые патлы, столь неистово она билась головой о стену. Кларисса и Гаро молча смотрели, и на глазах обоих наворачивались бессильные слезы.

— Бинасу, сколько же крови скопилось в этой дряни, — ворчал Архиепископ. Ему явно стало не по себе от творившегося здесь безумия, сомнения изуродовали и без того омерзительное лицо. — Заткнись, девка! Что здесь смешного?!

Пророчица подняла на священника осоловелый, затаенный мглою взгляд.

— Старый Барон умирает и крепнет, — дрожащим голосом сказала она. — Каждый раз, каждый кинжал в его сердце — путь к свободе!

— Кто-нибудь, заткните ее! — крикнул Сэти. Самообладание все быстрее покидало его, и глаза яростно бегали по инструментарию на истекающем жизнью алтаре, но тут его взгляд остановился у меня на поясе.

Солдат-Механист звонко прошагал к вещунье и сунул в рот такой же кляп, при этом чуть не разбив ей лицо. Рука Архиепископа скользнула к ножнам на поясе, и кинжал с тихим

лязгом вышел наружу.

— Забавная вещица, Бральди, — сказал он, проведя пальцем по тонкому лезвию. — Я чувствую в нем колдовство, вот уж чего Вы никак не можете отрицать. Ни один Архимаг не делает подарков просто так. Но мы отвлеклись. Может, уже начнете говорить? Спуститесь вниз и мы побеседуем с Вами на равных.

Какая разница, поп? Мне нечего тебе дать, и ты все равно меня прикончишь. Сделай это, убей меня наконец! Я так устал ждать.

— Плохо, Бральди. Бимед, повторите.

Механист разжал мою вторую ладонь. Кол жег кожу одним своим прикосновением, словно пытался утолить жажду, напиться из реки уходящей из меня жизни. Мгновение тишины, и стальной кулак пробил мои кости благословенным осколком. Тьма вновь рвалась наружу, затмевая мой измученный взор. Боль притупилась, и теперь я высыхал заживо. Руки онемели, в голове разрасталось облако теплого тумана. Мысли смешивались между собой, возникая слабыми искрами на краях сознания и столь же беспечно затухая.

— Да, Вы слабее, чем кажитесь, — вздохнул Сэти. — Хм, сплошное шутовство и желание себя показать. К чему Вам все это, Бральди?

— Отвали от него, — прохрипел Ангус, пытаясь подняться из залившей его крови. Он успел прийти в себя, напившись жизни Дахаки, и цепи его заметно напряглись, но еще держали напор. — Ты даже не понимаешь, с кем связался...

— Опять Вы заладили, Барон! Господа, неужели у вас дефицит кляпов? Ну что, Бральди, будем и дальше играть в молчанку?

Все звуки отошли в никуда, и слова священника доходили до меня смутным бормотанием и скрежетом. Тьма обволакивала меня, но не так, как обычно. Она вновь звала меня к вечному сну, как было раньше. Сколько же раз меня должны сжечь, заколоть, разорвать, распять, чтобы уже наконец меня оставили в покое...

— Хорошо, Бральди, это Ваш выбор. Признаюсь, я недооценил силу духа Вампира, может Ваше племя не так уж безнадежно. Прощайте.

Серебряное лезвие с тихим стуком ударило мне в грудь. Мгновение жгучей, мучительной боли, и Тьма, моя любящая мать, затянула меня в свои тихие объятия.

Ангус видел своего хозяина, того, кто перевернул его жизнь с ног на голову. Того, на чьей совести смерть Зеина и скорая гибель его самого. Он смотрел на высыхающее тело Гостя, но теперь в нем не было отвращения или ненависти к своему бывшему владельцу. Он не сознался ни в чем, предпочел получить удар в сердце собственным ножом, но ничего не сказать. А может он действительно ничего не знал, кроме того, что сказал ему дядя. В любом случае, покойся с миром, Бральди, как бы тебя не звали в прошлой жизни. Твоя миссия закончилась, едва начавшись.

Восьмилучевая звезда-крест перестала исторгать из своих стальных недр потоки алой жизни, Архиепископ смеялся, как умалишенный, глядя, как одежда распятого Вампира истончается, впитывается в обноски брэнной плоти.

— Ну вот и все, — сказал Сэти. — Теперь пришел ваш черед, дамы и господа. Кто желает присоединиться к вашему молчаливому другу?

Все собравшиеся смотрели на Архиепископа с презрением, от которого ему в пору было и сгореть. Даже скрытые металлическими намордниками лица Механистов источали холодную ненависть к этому существу, обличенному властью своего Бога. Фанатик, идиот,

его трясло от накатившей радости смерти беззащитного «богомерзкого» Вампира.

— Что? Чего вы так на меня смотрите?! — закричал он. — Бимед, приведите сюда эту рыжую мразь!

Механист ничего не сказал, лишь молча подошел к Эльзе и потащил ее за ошейник, кинув к окровавленным ногам святого мучителя.

— Ну что ты теперь скажешь, пророчица? — усмехнулся Архиепископ, натянув поводок так, что вены на шее девушки вздулись. — Старый Барон крепнет, да? Смотри на него. СМОТРИ НА НЕГО, МРАЗЬ!

Вещунья лишь рассмеялась, глядя ему в источающие ярость и страх зеленые глаза. Ее смех был столь заливист и безумен, что Архиепископ не выдержал. Схватив ее за слипшиеся волосы, он дважды ударил ее об алтарь. Смех превратился в ликующий хрип.

— Не трогай ее! — закричала Кларисса. — Оставь ее в покое! Возьми меня!

— Обязательно, дорогая, ждите своей очереди, — прорычал Сэти, задрав голову пророчицы так, чтобы ее залитый смолой взор устремился к нему. — Повтори еще раз, маленькая предсказательница. Как он окрепнет? Он мертв, окончательно и бесповоротно. Вот он, кинжал, как ты и хотела, — его рука указала на грудь Бральди, — и он ни на грош не стал здоровее. Но ты права, теперь он абсолютно свободен. Ни один Бог не примет его в свои чертоги, и теперь его место в лесу, рядом с другими призраками.

— Дурак, — прошептала Эльза. — Недальновидный дурак.

— Что? Ну-ка повтори!

— Близорукий идиот! — чужим голосом прогремела пророчица. — Думаешь, ты выбрал удачное место для казни? Думал осквернить память Первого? Остановить Ересь? Ты ошибаешься, богослов.

— Близорукий?! Я?!

— Она права, брат.

Сияние Звезды погасло, и темнота заполонила подвал. Чей это был голос? Ангусу он казался слишком знакомым, но каким-то иным. Он исходил отовсюду, и эхом отскакивал от каменных стен.

— Ты близорукий идиот, если думал, что убить меня так просто.

— Кто ты?! — заорал Сэти. — Покажись! Бимед, зажги свет!

Искусственные глаза Механистов сверкнули в темноте, и лучи яркого света вспороли окружающий мрак. Один фонарь полоснул по неподвижному телу Бральди. Он был мертв и не мог произнести этих слов.

— Сколько лет я тебя знал, Сэти. Мы были с тобой одной крови. И все же ты исполнил свою мечту. Во второй раз.

— Сарес?! — Архиепископ охрип от удивления. — Но ты...

— Да, обезглавлен. Тобой. Неужели ты все еще злишься потому, что Адизель полюбила меня? Она сама сделала свой выбор, и он был верным.

— Господин Сэти, смотрите! — прогудел старший Механист, направив луч света под алтарь. Кровь вокруг него расходилась волнами, алый поток начинал закипать.

— Верно, Сэти? Ты ведь поэтому ушел в монастырь.

— Отец сам проклял тебя, Сарес! И мой сан не имеет к этому никакого отношения!

— Не обманывай меня, брат. Я знаю, ты тоже любил ее.

— Я НИКОГДА НЕ СОВРАТИЛ БЫ РОДНУЮ СЕСТРУ!

Комната разразилась жестоким смехом. Поток крови забурился под ногами солдат и

Архиепископа, багровые нити поползли по их ногам.

— Моя любовь к ней была искренней, Сэти. За это нельзя осуждать. Какому бы Богу ты не служил в своей жизни, ты не он. Людские дела решают только люди.

— ПОКАЖИСЬ, ТВАРЬ! — ревел Сэти, пытаясь смахнуть с себя кровавые корни. Механисты пластали жидкие пути своими клинками. Все бесполезно. — Я УБЬЮ ТЕБЯ! СТОЛЬКО РАЗ, СКОЛЬКО ПОНАДОБИТСЯ!

— Нет, Сэти. Ты был слишком горяч при жизни, и сейчас ты ничем не лучше голодного зверя. Умри, и да упокоит Бинасу душу твою.

Багровый океан закипел во всю мощь, красные волны отхлынули от пленников и захлестнули собой захватчиков. Они кричали, стонали, пытались вырваться из обвившей их кровавой пелены. По комнате разнесся запах паленой плоти и жженого металла, жертвы Сареса плавилась заживо в объятьях его крови.

Свора призраков ринулась было прочь из ослабшего тела Сэти, но красные пути схватили их бесплотные хвосты и затянули обратно, под кровавые коконы. Наконец, когда Архиепископ и Механисты растворились в потоках крови, крест вновь засиял. Багровые токи тянулись к телу Бральди, и он, словно марионетка, посмотрел на лежащих на полу пленников.

— Как давно я этого ждал, — вздохнул Сарес его голосом. — Рано или поздно это должно было случиться.

— Отец? — удивился Гаро, как только удалось избавиться от кляпа.

— Мне жаль, что тебе довелось все это услышать, сынок, — с грустью сказал мертвец. — Позже мы поговорим об этом. Твоя мать будет жутко недовольна.

— Но... Ты же мертв. Как мы?..

— Ошибаешься, сынок. Я жив, как никогда.

Кровавый поток схлынул с тела убитого Вампира. Нити жизни сплетались из бурного потока, образуя член за членом нового, мощного тела Сареса. Он стоял перед ними, обнаженный, печальный, но живой.

— Мне очень повезло, что Сэти пронзил вашего друга этим клинком, — сказал он Ангусу, Клариссе и Эльзе. — Без него я мог бы и не вернуться в этот мир.

— Как? — спросил раб Бральди. — Как Вы смогли это повернуть?!

— Долгая история, мой дорогой Барон. Пожалуй, я расскажу ее Вам, когда мы выберемся из этого места.

Сарес подошел к распятому телу. На его лице смешались ирония и сожаление.

— Прости меня, добрый гость, — сказал он, схватившись за рукоять кинжала. — Но брат все-таки ошибался, — клинок с шелестом вышел из плоти, — убить Вампира не так-то просто.

— Что Вы имеете в виду?

— Вам ни разу не доводилось получить серебряный кол в сердце? — усмехнулся хозяин дома. — Что ж, Вы многое потеряли. Стоило почаще выходить из Сладкой Башни.

Вампир ловким движением порвал непосильные для пленников цепи, сломал удерживающие Бральди кольца и уложил труп на пол.

— Мы отличаемся от других Восставших, — сказал он, освобождая Ангуса. — Если пронзить нам сердце или повредить череп, мы просто впадем в спячку. А дальше все по новой, потеря памяти и буйствующий голод.

— Значит, он опять... — сказала Кларисса.

— Не думаю, госпожа. Пожалуйста, не шевелитесь. Его сон длится лишь несколько минут. Сейчас мы это разрешим. Эльза, ты в порядке?

Вещунья смотрела на Бральди. Такую улыбку Сарес видел лишь в одном случае, но об этом решил умолчать. Она спокойно сидела, пока он освобождал ее, и когда вещунья смогла свободно двигаться, кинулась к телу Гостя, обняв его голову и что-то шепча ему на ухо.

— Кажется, он ей понравился, — сказал Сарес, освободив своего сына и взглянув на пришедшую в себя Клариссу. — Господин Зеин предвидел это, верно?

— Кто я такая, чтобы читать мысли Архимага, — сказала Кларисса. — Вы можете ему помочь?

— Конечно, госпожа, минутное дело. Эльза, будь добра, отпусти Бральди.

Пророчица даже не повернулась к нему. Лишь напевала что-то бессвязное, а может, и на незнакомом языке, кто поймет этих провидцев. Кларисса подошла к ней и положила руку на плечо.

— Дорогая, отпусти его, — сказала она, — Барон Сарес хочет ему помочь.

— Я знаю, матушка, — ответила вещунья. — Просто ты не видишь его. Пока он спит, он не сопротивляется.

— Чему, Эльза?

— Он борется с Тьмой. Не сам, его толкают. Это *оно* не дает ему умереть. *Оно* хочет, чтобы он дошел до конца, вернул все на место. Как раньше.

— Дорогая, ты помнишь себя? При жизни?

— Нет, матушка. Не помню. Но Тьма показала мне. Там было красиво. Трава, феи, солнце...

— Не хочу прерывать вас, дамы, — сказал хозяин дома, склонившись над мумией Бральди, — но чем дольше он спит, тем меньше шансов будет его разбудить. Пожалуйста, предоставьте это мне.

С тоской в усталых глазах, Эльза отпустила голову Вампира. Ангус, слегка прихрамывая, проковылял к ним.

— Да, Барон Ангус, подойдите поближе, Вам будет, чему научиться. Гаро, ты тоже.

— Вы не говорили, что владеете Путем Крови, — сказал Ангус.

— И Вы никому об этом не расскажете. Поверьте, так будет лучше для всех. А теперь, начнем.

Бледные пальцы Сареса вонзились в рану Бральди. Его тело тут же затрясло, словно скрученное предсмертной судорогой. Хозяин дома продолжал погружать руку все глубже в плоть Вампира, кровавый пот выступил у него на лбу. Тем не менее, Бральди уже не выглядел так скверно. Кожа наливалась жизненными силами, волосы из тонких седых лохм превратились в густые черные пряди.

Бральди открыл глаза, и закричал от невыносимой боли. Вены его вздулись, на руках отросли когти.

— Потерпите немного, мой друг, — прошептал Сарес, — скоро все закончится. Боль пройдет, только держитесь.

Рев Бральди становился все надсаднее, и Ангус с ужасом отпрянул от него. Не осознавая себя, Гость превратился в Зверя, и лишь Сарес не шевельнулся. Маленький Гаро спрятался за спину своего отца, ощерив острые клыки. Он был явно не готов к тому, что произошло с ним за весь день.

Лапы зверя принялись со свистом рассекать воздух, не в силах задеть дрожащего от

напряжения Сареса. Огромная летучая мышь билась в припадке, заполняя оглушительным воплем все пространство святилища.

— Вот... и... все! — выдохнул Барон, оставив мученика в покое.

Бральди опал, вода затуманенным взором по столпившимся подле него сородичам.

— Теперь, он Ваш... — сказал Ангус.

— Нет, Барон, — ответил Сарес, смахнув наползающую на глаза багровую пелену. — Даже если бы захотел, не получилось бы. Вся его кровь внутри него. Через пару часов должен прийти в себя.

— Но как?!

— Он гораздо древнее, чем Вы думаете, мой дорогой Ангус. Архимаг Зеин возложил на него большие надежды. Думаю, он их оправдает. Уж простите, я не могу игнорировать послание Вашего дяди.

— Вы же сохраните это в тайне? — спросила Кларисса.

— Конечно, госпожа. Этот секрет умрет вместе со мной. Правда, это случится очень не скоро. А теперь, возьмите его на руки и идите за мной. Нам предстоит тяжелый путь. Гаро, ты готов к охоте?

— Да, отец, — разразился хриплым басом Баронет. Зверь овладел и им, и теперь в нем уже нельзя было узнать того мальчика, что кормил свою птицу и капризничал, не желая съесть поданного на обед змея.

— Возьми этот кинжал, он тебе еще пригодится. Когда наш гость очнется, мы вернем его в целостности и сохранности.

Сарес повернулся к двери. Зачарованное кровью дерево со свистом рассыпалось в труху. В тусклом свете фонарей блеснули глаза фигур в мантиях.

— Ну сколько можно! — зарычал Сарес.

— Стойте! — выкрикнула Кларисса. И очень вовремя. Силуэты вошли внутрь святилища Первого, и в тусклом свете звезды-креста Барон разглядел неожиданных гостей.

И коленопреклоненно опустился на землю.

— Похоже, мы немного опоздали, Молох, — сказала женщина в фарфоровой маске, выйдя из-за спины жуткого вида волшебника.

— Архимаг Молох, — сказал Сарес, — приветствую Вас в моем доме. И вас, господа чародеи. Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах.

Глава 18. Взывая к Богам

Бесконечность. Круговорот жизни и смерти. Падает желудь, ему негде прорости и окрепнуть. Но в этом нет ничего плохого — он станет пищей для будущих деревьев. Они пустят свои корни вглубь напитанной прахом земли, и их нежные стебли разрастутся до самых небес. Благо, не так до него и далеко. Только ветку протяни.

— Фалкор, ты как? — спросил Кин, впившись когтями в крону.

— Ты не представляешь, Кин, что такое — жить, — прогудел шаман.

Огромное дерево, перебирая мощными корнями, шагало через бескрайнюю пустошь. Рядом с ним шла ватага Фералов. Закутаные в шкуры, они держали свое оружие наготове. Их взгляд то и дело скользил на сплетение коры, разбитое трещиной на подобии человеческого рта.

— И на что же это похоже? — спросил огромный пес — смешной наездник на абсурдном скакуне.

— Это... Ты помнишь, как бьется сердце?

— Смутно.

— Представь, что весь мир — вся вселенная — это одно большое сердце. Оно сжимается и разжимается. Сжимается — и умирает. Разжимается — и оживает. И так все время, от начала и до конца.

— А у вселенной есть конец?

— Он есть у всего, Кин. Начинается одно, заканчивается другое. Может, это не то бессмертие, чем страдали мы, но такое... бесконечное. Как у Светлого Лика.

— Разве он может умереть? — усмехнулся оборотень, едва не свалившись, когда могучий корень запнулся об огромный валун. — Эй, по тише!

— Прости, я задумался, — прогудел дуб. Еще несколько желудей со звонким стуком скатились по стволу, впившись в серую плоть земли. Сколько их уже выросло на его голове — не сосчитать. Неужели Светлый Лик настолько напичкал его своей силой, что ростки могут плодоносить даже в таких негостеприимных краях? — Знаешь, ведь Светлый Лик явился нам не просто так.

— Прости, Фалкор, но это и хобу понятно, — сказал Кин. — Одного я не пойму, куда мы идем теперь?

— На север, Кин.

— На север? Это же так далеко от Роши.

— Верно. Но Светлый Лик ждет нас там. Я чувствую это.

— Что ж, раз он нас ждет, почему-бы и нет, — вздохнул оборотень. — Духи, направьте нас верным путем, хоть неисповедимы дороги ваши на Перекрестках.

— Хорошо сказал, Кин. Может, они услышат тебя.

— А ты их слышишь? Ну, как раньше, до Светлого Лика.

— Нет.

Изредка на пути дикарей появлялись серые высохшие стволы, в ветвях которых обрели свой дом черные птицы. Они встречали процессию молчаливым приветствием, переставая браниться, и выбивать друг у друга кусок добычи. Обильной добычи. Фалкор знал, что стая ворон, или даже один ястреб может заклевать волка или даже кабана, но чтобы темнокрылая орда заклевала тролля — такого он еще не видел.

— Ничего себе, — прошептал Кин, закрывшись буро-зелеными листьями. — А они на нас не нападут?

— Лучше беспокоиться о другом, Кин, — ответил шаман. — Если бы они хотели нас склевать, их бы не остановило даже мое колдовство.

— И о чем же мне волноваться?

— О троллях. В этом месте много пещер, где может спрятаться всякая злобная тварь. И тогда нам придется по-настоящему туго.

— Откуда ты это узнал?

— Раскрой глаза, Кин! Там под деревом валяется огромная туша, как ее не заметить?

— Я не о том. Как ты узнал про пещеры?

— Земля сказала.

— Да... Надо было остаться в Роше. Кони и Рута уже заждались меня. Как думаешь, как они там, без нас?

— Лучше, чем тебе кажется. Жизнь защитит их. Лишь бы туда не наведались железные люди с громовыми палками.

— Вот и я о том же.

Раскачиваясь на могучем неторопливом ходу, говорящий дуб щедро осыпал землю листьями и жесткими желудями. Черная стая взмыла в небо, и дикари с криком разбежались в стороны. Но вороны не стремились атаковать неожиданных гостей. Их привлекло новое, незнакомое лакомство. Кин глубже засел в ветви своего скакуна, ибо птицы залезли даже туда.

— Не шевелись, — сказал Фалкор, — они нам помогут.

— Как эти тупые птицы нам помогут?! — прорычал оборотень, смотря в глаза севшему напротив его носа ворона. Оценив противника, падальщик обиженно каркнул в морду Кину и присоединился к своим братьям, клевать желуди.

Прошло некоторое время, воины с недоверием подтянулись к дубу, наблюдая за этим безумным действием. Но Кину пришлось хуже всех. Столь близкий страх смерти пробрал его звериное сердце настолько, что он сам собой принял человеческий облик. Но тут он заметил странное. Все птицы, клевавшие орехи, в едином порыве разразились истошным карканьем. Сквозь перья и кожу пробивались те же ростки, что когда-то носил в себе Фалкор. Стебельки оплели их со всех сторон.

Крик смолк также быстро, как и начался.

— Поглоти их Бездна! — выругался оборотень. — Что ты с ними сделал, Фалкор?

— Принес им жизнь, Кин, — в гудении бродячего дерева было слышно удовлетворение. — Теперь они наши лучшие друзья в этих землях.

— Но ты же обходился без этого раньше!

— Все иначе, друг. Все иначе.

Черная с зеленым стая взмыла в серые небеса, рассыпавшись по окрестностям голосящим дождем. Больше Кин не задавал вопросов шаману, и другие воины не решались о чем-либо спросить его. Фалкор чувствовал их страх, но и надежда билась где-то на краю их душ. Жизнь не может лгать. Светлый Лик хочет вернуть Жизнь в этот мир, и да будет так.

Наконец-то подходящая заварушка! Молох не обманул, здесь будет, где разгуляться его топору. Правда, Вампир, которого так боялся Епископат, оказался всего лишь задохликом, даже женщины смогли тащить его побитое тельце.

Вальдран шел по коридорам во внутренний двор поместья Сареса, поигрывая зачарованным оружием. Молох, каким бы сухим прагматиком он не был, согласился помочь Барону отбить его земли, растерзанные заговором попов и машинопочклонников. Сарес вместе с сыном отправился спасать свою жену, пленники побежали восвояси, пытаясь найти укромное местечко и спасти их драгоценного «Бральди». Удачное имечко, ничего не скажешь. Лучше только Уберон, вот смеху было бы! А самое интересное, естественно, досталось Архимагам. Нефертари была жутко недовольна инициативой Молоха, но на чем ее легко подловить, так это на чувстве гордости. Какой-же длинный у нее нос, очень легко зацепить. А ведь когда-то она очень нравилась Вальдрану. Пока не стала законченной стервой.

Встреченные им выжившие стражники и Вампиры, отобрав у захватчиков их чудное оружие, приветствовали волшебника радостными криками. Одно присутствие прославленного в боях северянина поднимало на ноги их изувеченные, затекшие в страхе души. Кстати, о душе, самое время приложиться к заветной фляге. За тех, кто не с нами, и за упокой обнаглевших ублюдков!

Выйдя во двор, с целой ротой солдат за спиной, Вальдран застал отвратительную сцену.

Инквизиторы, размахивая огромными косами, резали беззащитных слуг и обезоруженных стражников, складывая их тела на импровизированный алтарь Бинасу, собакоголового стража мертвых. Снаружи гремели канонады выстрелов, лязг металла и крики умирающих жалкой смертью людей.

— Ну что, сукины дети, кто хочет кусочек мага?! — взревел волшебник и с ревом бросил рунный топор в ближайшего священника.

Описав кругую дугу, оружие, огибая колонны и статуи, отсекло медлительному жрецу голову, после чего скосило еще троих захватчиков, не успевших увернуться от атаки зачарованного топора.

Череп с гулким стуком свалились на землю, и балахоны убитых упали, присыпанные оставшейся от них горстью пыли. Оставшиеся пять жрецов не спеша срубили головы пленникам, после чего безучастно вскинули оружие навстречу Архимагу.

Вальдран поймал на лету замешкавшееся в своем смертельном полете оружие и закричал:

— В БОЙ!!!

Громовой бас поднял столп пыли, развеяв по ветру тела павших и едва не сбив с жрецов с ног, и выжившие бойцы с ревом бросились на захватчиков. Без единого выстрела, мощной волной посеребренной стали эти воины уничтожили священников, тщетно размахивавших косами, не в состоянии призвать подконтрольных духов.

— Вот это я понимаю — задор! — рассмеялся волшебник, глядя на пышущих яростью воинов. Стражники, Бароны, слуги с шпагами и мечами наперевес — все они были воинами. Кто скажет обратное — познает их месть. — Хотите покромсать еще десяток-другой этих гадов?

Стройный рев был ему ответом. Воины жаждали крови, как никогда раньше. Даже цвет их глаз, зеленый, как у большинства Восставших, налился рубиновой яростью.

— Тогда за мной! — выкрикнул Архимаг, и десятки клинков, поднятых к небу, приветствовали его.

Славная будет заварушка! Ах, тяпнем еще по одной!

Как он мог?! Как этот сучий сын посмел поднять на меня голос?! Будь ты проклят, трухлявый мешок с гноем!

Вся злость и обида на Молоха, накопленная Нефертари за это короткое время, громовыми раскатами выливалась на врагов. С забинтованных пальцев срывались жгучие нити, сверкая на кончиках золотых перстней, исполненных на манер когтей грифона. Нужно широкое пространство, думала волшебница, бросая быстрые взгляды на покореженную мебель и разорванные гобелены и ковры, сопровождающие ее и спутников всю дорогу. Один раз она даже чуть не запнулась об оброненный кем-то посеребренный изогнутый клинок, и разъяренно зашипев, расплавил благородное оружие в бесформенную лужу металла.

— Ну где же они?! — крикнула Нефертари через плечо.

Стефан и Вильям шаг в шаг маршировали позади нее, ведя за собой на склизких невидимых нитях роту разномастных пленников. Механисты, предатели-гвардейцы, посмеявшие поднять меч на Архимагов, дюжина Вампиров, пытавшихся унести ноги из пекла, прихватив по дороге все, что плохо лежит. Даже свора бойцовых псов, грызших трупы бывших хозяев, теперь все они были личной армией трех колдунов.

— Мертвы, сестра, — сказали «близнецы», глядя куда-то сквозь окружающую

реальность, и держа правые руки у виска. — Еще пять учеников прячутся или держат оборону на городских стенах.

— Пусть живо несут свои задницы сюда! — срывающимся голосом выпалила волшебница.

Еще один громовой змей пробежал по руке Нефертари, и пять закованных в сталь солдат развалились на части, едва успев наставить на колдунью ружья. Сейчас потребуются все доступные силы, чтобы отбить единственный городишко. Ученики Зеина расползлись по всем окрестным землям, когда потеряли связь со своим господином. Нефертари чувствовала, как за ней невидимым войском стоят ее подручные, держат ее на руках, питают ее своей силой. Стоит ей умереть, и все молодые волшебники, сколь бы талантливыми и могущественными они не были, разбегутся на все стороны света, не имея за собой ничего, кроме страха, одиночества и накопленных знаний. Психикам везет больше, они — единое сознание, а значит, потеря одной головы для гидры ничего не значит.

Коридоры, коридоры, кругом сплошные лабиринты! Ну кто строит такие дома? Архитектор явно не получал плетей с серебряными крючьями! Архимагам нужна ровная, чистая площадка. Пока Вальдран отвлекает на себя внимание, они займутся настоящим делом. И это безвольное стадо с пустыми коровьими глазами, что плетется за ними по пятам, весьма пригодится.

Где-то на другом конце города прогремел оглушительный взрыв. Стекла лопнули, осыпав процессию острыми осколками. Никто из рабов не обратил на впившиеся в тела и лица длинные осколки, а волшебникам было все равно. Магия надежно укроет их от любых угроз, хоть от клинка, хоть от пули.

— Брат разбушевался, — заметили Стефано и Вильям, глядя через разбитые окна на взвившийся к небу столп дыма.

— Пусть развлекается, — сказала Нефертари, смахнув с черно-зеленого платья цветное крошево. — Когда эти молокососы доберутся до нас?

— Скоро, сестра, им приходится нелегко... — «Близнецы» на мгновение замерли. — Есть подходящее место. Сад камней неподалеку.

— Ведите, вурдалаки! Я вся ваша!

Недостойно, подумала волшебница, сама у себя выскальзываешь из пальцев. Ей была не по нраву сама ситуация, и присутствие двух вечно отрешенных кукловодов не шло ей на пользу. Слишком давно она не выходила на поле боя. Иерофанты никогда не покидали своих храмов, золотых клеток с шелковыми подстилками, справляя свое волшебство в молельнях и заклинательных залах, среди идолов, тишины и священных книг. Но теперь, тысячи лет спустя, Нефертари не призывает с небес дожди, и не указывает Богам, кого защищать, а кого карать громом небесным. Реальный бой не для нее, слишком велика вероятность разбить маску. И тогда... они увидят. Увидят то, во что превратилась самая прекрасная женщина во всем царстве Копхэт.

«Близнецы» вывели волшебницу и свое войско в «Сад». Огромное, пустое пространство, окруженное резными колоннами. Посреди этого странного, невзрачного великолепия стояли огромные глыбы обсидиана. Тонкие, длинные полосы окружали их на песке, но встряска и ветер размазали этот шедевр, словно уставший от своего искусства художник.

— Подойдет? — сказали Стефано и Вильям.

— Лучше не бывает, — усмехнулась Нефертари.

Тонкие руки волшебницы взмыли в воздух, и свирепый вихрь взвыл посреди сада.

Песчаная буря подняла к небесам каменные глыбы. Собрав весь песок и обнажив каменное дно площадки, Нефертари небрежно взмахнула ладонью, и камни вылетели из поместья, разбив несколько остроконечных крыш, а песчаный вихрь, как заведенная игрушка, умчался куда-то восвояси, срывая черепицу подбрасывая попавших в его цепкие объятия неудачников.

Вспыхнули белые искры, и посреди двора появились ученики Архимага Зеина. Враги явно не щадили сил на то, чтобы уничтожить волшебников. От торжественных одежд остались жалкие лохмотья, шитые золотыми и серебряными нитями, талисманы свисали на рваных цепочках, а жезлы больше напоминали орудия пьяной драки в припортовой таверне, чем магический инструмент.

— Приветствуем, господа, — нестройным хором ответили молодые волшебники. Хотя, далеко не все из них годились в юноши. Среди шестерых колдунов был даже скорченный в три погибели старик, и больше походил на изрядно побитого Одрена, разве что сила его Воли не шла с ним ни в какое сравнение.

— Молодцы, ребята, быстро отозвались! — рывкнула Нефертари. Маги не отреагировали. Кольца-когти чертили в воздухе резкие, рваные узоры, и змейки молний бегали по земле, вычерчивая рисунок магического круга. Наконец, выжженный в камне узор завершился, и волшебница спросила подчиненных: — Знаете, что делать?

— Не извольте беспокоиться, — ответил статный колдун с короткой седой бородой. Его тело украшало множество порезов и колотых ран, но держался он столь невозмутимо и твердо, что казалось, словно он напился Эссенции. А может, так и было, нос мертвого волшебника плохо способен чувствовать запахи.

— Тогда, не будем медлить, — сказала волшебница. — Стефано, Вильям, тащите этих скотов сюда. У нас мало времени.

— Да, сестра.

Толпа марионеток столпилась в широком узоре магического круга, даже не подозревая, какая участь их ждет. Да это и не важно, они поймут это, когда станет уже слишком поздно.

Волшебники заняли позиции и замкнули круг. По линиям запульсировала энергия. Концентрация волшебников росла, их силы, разные по природе и могуществу, вливались в узор волшебной печати. Разумы колдунов слились в едином порыве, в одном мощном порыве, одном изъятии Воли.

Приди, Шесемун!

Приди, Пожиратель Душ!

Прими свою жестокую тризну!

Раздави головы наших врагов, сделай из мозга их вино нашей победы!

Славься, демон и Бог! Славься, дух подземелий и кладбищ!

Славься, Вечный Кутила!

Приди, Шесемун, и исполни нашу Волю!

Кларисса и Эльза несли на себе спящего Бральди. Ангус расвирепел и с былой удалью рассекал солдат Механистов, напрочь позабыв о том, что его положение Барона уже ничего не значит. Он утонул в шуме битвы, и теперь плыл в волнах кровавой ярости.

Архимаг Молох шел рядом, не особенно волнуясь о своей безопасности. Стоило кому-либо пробежать мимо разгоряченного Вампира, волшебник щелкал пальцем, прокручивая в левой руке яшмовые четки, и враг рассыпался в едком зеленом облаке, оставив лишь

смердную пыль в ржавых останках брони. Сарес указал им место второго святилища, куда не сможет пробраться ни один чужак. На одежде беглецов красовалась кровавая печать хозяина дома, позволявшая им пройти в убежище, не иссохнув при этом до основания. Довести их до безопасного места, и тогда Молох присоединится к своим братьям и сестрам. Хотя и не исключено, что он может опоздать. Не страшно. Нефертари, какой бы стервой она не была, выполнит свое обещание. О Вальдране и «близнецах» можно даже не думать — они стабильны и честны, как титановый клинок.

— Она близко, я чувствую! — прорычал Ангус. Из-за угла выскочил Механист и направил на него тяжелое ружье. Загрохотала бесконечно длинная очередь, и Вампир уже приготовился получить заряд свинца.

Грохот продолжался, но смерть все не настигала беглецов. Кларисса и Эльза взглянули на Архимага. Тот спокойно вертел на пальце яшму, а пули рассыпались алым песком, не долетая до цели. Пахло гарью и ржавым железом.

— Верно, — сказал он, зажав четки в костлявой ладони. Механист упал на пол кучей ржавчины вместе со своим странным, и слишком громким оружием. От грохота слабо звенело в ушах. Будь здесь хоть одно живое существо, наверняка лишилось бы слуха. — Кровавая магия охраняет погреб. Сарес очень поспешил, любой Лич учует ее, едва зайдя внутрь. — Волшебник повернулся к женщинам. — Как он?

— Бормочет без остановки, — сказала Кларисса, перехватив тело Гостя поудобнее. — Что-то про гуляку-кровопийцу.

— Вечного Кутилу, матушка, — добавила Эльза. — Я тоже вижу его. Он придет из мертвого сада и устроит свой пир. Справедливость ему не к лицу, но такова Воля.

— Эльза, ради Божьей милости, не сейчас!..

— Она права, — сказал Архимаг. — Нефертари начала призыв. Нам стоит поторопиться. Шесемун не разбирает своих и чужих.

— Это что еще за дерьмо? — выпалил Ангус.

— Шевели задницей, Барон, если хочешь жить.

Слишком медленно реагируют, подумал Молох, глядя в серое небо сквозь разбитые окна. Машинопоклонники явно не рассчитывали, что в их дела вмешаются Архимаги. Иначе в ход уже пошли бы некромехи и дирижабли взмыли в воздух, сбрасывая со своих крошечных люлек бомбу за бомбой. Он уже один раз видел это. Самолично заплатил Механистам, чтобы выбить стаю ангелов, вырезавших целый город и развесив трупы на шпилях охранной стены. Самые подлые химеры, каких только мог породить этот мир, высотой с два человеческих роста, крылатые Пожиратели, разбрасывающие свои острые, словно кинжалы, «перья», заклинающие глупое зверье и ведущие его за собой. Такого светопреставления Архимаг не видел очень давно. Город уже нельзя было отстроить заново. Все, что осталось — выжженный пустырь, красующийся оспинами упавших бомб и разбитыми зубами чудом уцелевших строений.

В любом случае, стоит поторопиться. Не Епископат и Механисты, так Нефертари уничтожит этот город ко всем чертям.

За всю дорогу Гаро не произнес ни слова. Он смотрел вперед разноцветными глазами, сжимая и разжимая свои Истинные пальцы. Мальчик ушел. Его место заняло двухсотлетнее чудовище, забывшее о том, что когда-то это юное тело было всего лишь юношей, родившимся и умершим столь незавидно.

Отец и не пытался заговорить с ним. Слишком много дел им предстояло свершить. В конце концов, Гаро должен был когда-нибудь повзреть, не став полноценным мужчиной, но настоящим Зверем. Этот Путь давался ему лучше, чем какой-либо иной.

Адизель уходила все дальше от них. Сарес чувствовал ее боль. Чувствовал, как его вторая голова покоится у нее на руках, и как хлещут по белой спине жгучие плети. Мука и злоба слились в раскаленном котле, название которому — глава семьи. Ноги сами собой шагнули в беспросветные просторы Тьмы, и обнаженное тело Вампира растворилось. Гаро последовал за ним.

Отец и сын бежали среди серых невзрачных теней, сухих и безжизненных отражений реального мира. Черное море, окружавшее их, трепетало и вздрагивало от пронзающих мироздание потоков волшебства. Архимаги не жалели сил, чтобы стереть в пыль всех предателей, чего бы это не стоило этому проклятому городу. Сарес прибавил шагу, Адизель приближалась быстрее. Пожиратели там, за пределами Тьмы, плетутся, как черепахи, и с каждым мгновением к ним с тихим шорохом подбирались возмездие.

Неровной вереницей хозяйка дома и оставшаяся в живых свита плелись на длинном поводке за фигурами в черных рясах. Сзади их то и дело подгоняли солдаты, то и дело всаживая сбившимся с шага пленникам посеребрянный штык на стволе винтовки.

Адизель тоже не обделили вниманием, проткнув руку, держащую высохшую голову почившего супруга. Брызнула кровь, но Баронесса не издала ни звука. Алый поток попал в левую глазницу Сареса. Мутный глаз на секунду раскрылся и посмотрел в испуганное лицо женщины. Вампиресса вздрогнула, мучительно улыбнувшись своему мужу. Луч надежды засиял на горизонте.

И тут же затух. Рана на ее руке затянулась, последние капли крови впитались в голову Барона. На мгновение оживший глаз закатился, и теперь безучастно смотрел невидящим взором в измазанный алым и серыми внутренностями камень. На глазах Адизель наворачивались слезы. Где же Гаро? Куда они его увели? Изверги, твари! Никогда вас не прощу, будьте вы прокляты! За моего мужа, за моего сына, за все смерти и боль, что наполнили эти стены — во имя всех Богов — будьте вы прокляты!!!

— Шевелись! — прозвенел надсмотрщик, пырнув штыком споткнувшегося позади Адизель Вампира. Удар пришелся бедолаге в шею, и тот упал на четвереньки, с диким хрипом заглатывая выплескивающуюся наружу кровь. Вся колонна пленников остановилась, не в силах тащить на собственных шеях собрата по несчастью. — Вставай, знаю, ты не умрешь. Вставай!

Могучая рука подняла хрипящего Вампира, испачкавшись в багровых каплях.

— Шшевелись, — по-змеиному сказал монах, держащий освященную цепь. — Вы шше не хотите отправиться к Бинассу так быстро?

Все кончено. Ее принесут в жертву какому-то вшивому божку, и плевали они на ее происхождение. Архимаг не заступится за них. Он мертв. Все мертвы. Сарес, Гаро... Почему? За что?! Боги, какие еще могут смилостивиться над вампирессой, услышьте мольбу, покарайте проклятых извергов! Камэшу, Лохард, да хоть сам Первый — убейте этих ублюдков!

Раздался яростный хрип, и цепь выпала из руки священника. На его плечах сидела бесформенная тень, клацающая и лязгающая сотней острых зубов. Обезглавленное тело рухнуло на пол, рассыпавшись тучей серой пыли, и монстр исчез в завесе, оставив жрецов с недоуменными лицами.

Яростный скрежет раздался позади колонны. Вторая тень растянулась пеленой мрака, хватая и разрывая невесомыми щупальцами жалобно воющий металл. Загремели ружья и пистолы, дюжина пуль пронзила бесплотное чудище.

— Взять! — вскричали священники, и из под полов черных одежд навстречу тени с безумным, жаждущим воем ринулась свора призраков.

Умиравшие солдаты растворялись в бездонной, всепожирающей тени, ревя от гнева и отчаяния. Духи слились в единого монстра, и были готовы впиться в беснующуюся Тьму, но первая тень, что пожрала голову первого жреца, ринулась ему наперерез, отпихнув его, как надоедливую муху.

— Что происходит?! — закричал кто-то из пленных, и вся процессия рухнула на пол, увернувшись от протянувшегося сквозь пространство черного кнута. Оставшиеся священники погибли на месте, не выпустив из рук своего святого оружия.

Не сдерживаемые властью жрецов, духи с радостными воплями ринулись куда-то вверх, абсолютно позабыв о нанесенной неизвестным чудовищем обиде. Адизель подняла глаза на сгущающуюся тьму, обретающую столь знакомые очертания, что становилось больно. Этого не может быть! Боги... нет, не может быть! Никто на такое не способен...

— Любовь моя, — сказала тень, протянув к ней белую руку. Такую знакомую, ту, что ласкала ее ночи напролет, ту, что она целовала и держала в своих нежных объятьях. — Прости меня.

— Сарес? — выдохнула Адизель.

— Мы пришли, мама, — сказал Гаро, разрывая когтистыми пальцами ошейники, с наслаждением разрывая жгуций кожу металл.

— Барон! Вы живы! — заголосили пленники, освобождаясь от оков.

— Смерть интересней, чем вам кажется, — сказал хозяин дома, прижавшись к своей супруге. — Адизель, ты в порядке?

— Но... как?! — прошептала она, показывая Саресу его же отрубленную голову.

— Ах, это! — усмехнулся вампир. Коснувшись пальцем целой глазницы, Сарес втянул оставшуюся в черепе кровь и стряхнул с руки костную муку. — Я все объясню, любовь моя. Доверься мне. Нам нужно спешить. Архимаги выжгут город ко всем чертям.

— Архимаги?!

— Потом, Адизель, — отрезал Сарес. — Эй, все, живо за мной! Кто не поспеет за мной останется здесь подыхать. Ну, чего расселись? Поднимайте задницы и побежали!

Как же меня забавляют эти сукины дети! Стоило дать им достойный пример и взорвать таверну, как они сломя голову понеслись на врага. Эх, за это определенно надо выпить!

На дне фляги еще плескалось дурманящее варево Архимага, и Вальдран с радостью пригубил остатки алхимического пойла. Руки мага не дрожали, и топор исправно кромсал недругов, испепеляя и высасывая души из павших противников. Обжора, вот имя его оружия. И Обжора хотел все больше и больше! Рукоять раскалилась, а Вальдран лишь ухмылялся, чувствуя жар в крепкой ладони.

Вся рыночная площадь перед помещьем Барона была разобрана по кирпичику, монахи и машинопоклонники не скупались на хороший погром. Кое где еще висели туши зверей на продажу, на уцелевших витринах лежало оружие, скомканными тряпками валялись дорогие искусственные шелка. Вдалеке, возле бухты и воздушного порта Механистов гремела жаркая битва, и северянин желал пропускать ее. Солдаты окружили его плотной стаей, готовая

броситься на врага по первому приказу вожака. Вальдран чувствовал силу их Воли, неразвитую, но настолько мощную, что разношерстная орда Пожирателей, не жалея себя, победит любую тварь, посмевавшую встать на пути у воинства берсерков.

Спускаясь все ниже по горящим улицам, воинство Архимага наткнулось на заставу Механистов. Щелкнули затворы. Свинцовый дождь сразил первые ряды, и дальше в ход пошло волшебство. Разъяренная толпа, прикрываемая завесой зеленого пламени, побежала напролом, снося набросанные на скорую руку баррикады.

Пламя с нарастающим гулом собралось в тугой шар и устремилось навстречу стрелкам. Земля дрогнула, всех осыпало пылью и каменной крошкой. И толпа принялась кромсать. Не ведая усталости, они разбивали закаленную сталь тел Механистов, клинками, топорами, подручной утварью, а то и голыми руками срывая металл с механических членов, и на ходу пожирая павших противников. Просто праздник какой-то!

Но фляга уже пуста, а значит пришло время для Нефертари и «близнецов». Что-то они изрядно замешкались, паразиты! Черт, Обжора, куда ты опять упорхнул?

Оружие вернулось к хозяину, едва не сжегши его руку. Наелся, ублюдок? Не бурчи, придется тебе поделиться своей силой.

Обхватив рукоять обеими руками, Вальдран возвел топор к серому небу. Огненный вихрь разогнал наступающий мрак, озарив рынок зарей мертвого пламени. Со стартовой площадки на горе лениво взлетали дирижабли, отстреливая из маленьких люлек наступающих защитников города.

— Удрать вздумали, сучки? — взревел Вальдран. — Как бы ни так. Подавитесь, мрази!

Зеленый шторм взметнулся ревущей змеей, и разбившись на сотни огненных стрел, устремился навстречу удирающим Механистам. Всего несколько мгновений, и транспорт механистов взорвался ярким фонарем под дружный крик толпы.

— Да, Архимаг, давай еще! — по-свойски твердили они.

— Соберитесь, красавцы, вы что, хотите жить вечно? — рассмеялся волшебник. — А ну живо похватали вещички и на передовую, громить ублюдков!

— ДААААААААА!!!

Натужно загудел пароход, отплывая от берега. Вальдран был счастлив. Обжора был счастлив. Еще несколько сотен бесхозных, сытных душ! Но сперва придется потрудиться.

Волшебник начал раскручивать свое оружие. Лезвие шелестело все громче и громче, впитывая эфирные нити, вливающие колдовскую силу в мурчащий, словно лев, топор. Воздух свистел под зачарованным лезвием. Зеваки-крестьяне, выглянув из-за обломков своего дома, с ужасом глазели на Архимага. Безумная улыбка расчертила его лицо, и с каждым мгновением он больше походил на разъяренного волка, чем на могущественного волшебника.

— Давайте, плывите, плывите, я дам вам фору, — голос северянина гремел, трещал и звенел одновременно, тело его наливалось колдовским сиянием, режущим глаз неподготовленным зрителям. — Еще чуть-чуть, еще чуть-чуть...

Выпустив облако дыма, пароход развернулся и поплыл в сторону морских ворот. Они были распахнуты, Механисты были готовы ко многим вещам. Единственное, чего они не ожидали, того, что захмелевший Вальдран — не Архимаг. Демон в людском обличье.

— Получи! — выдохнул он, запустив Обжору далеко над уцелевшими крышами домов. Зеленая молния рассекла воздух.

Секундное затишье, и пароход разорвало на куски, повредив обрушив огромную

стальную решетку, служившую водными воротами в город, отрезал врагам последний путь к отступлению.

— Да! Да! Вот как надо воевать! — разразился громовым смехом северянин. — Ну, чего смотрите? Улепетывайте, пока целы!

Зеваки резко кивнули, собрав лежащие у ног тюки и побежав меж заваленных переулков. Наверняка еще найдется, кому перерезать им глотку ради их скудного скарба, подумал волшебник. Но это их проблемы. Это война, суки!

Это — война!

Обжора, черный от сажи и копоти, вернулся к своему хозяину. Тот смахнул с рунного узора грязь и сказал:

— Хорошие времена наступают, дружок. Сколько лет мы с тобой так не воевали? Ты счастлив?

Топор хитро блеснул в отблеске пламени разбитого фонаря.

— Да, маленький ублюдок, ты счастлив, — рассмеялся волшебник.

Новое зарево поднялось над городом, Вальдран обернулся. Из глубины поместья Барона в небо тянулись нити золотого и багрового света.

— Твою мать, — прорычал Вальдран. — Нефертари, толстозадая тварь, чего же так долго?!

Силуэт Шесемуна наливался силой, обретая видимые черты. Рык льва прокатился по разбитым улицам, и древний Бог, а может демон, обвел кошачьим взглядом семенящих по венам-дорогам людей. Растянувшись зловещей, но прекрасной могучей фигурой, Вечный Кутила выпустил могущие когти, разорвав на мгновение темный саван небес.

— Твою мать! — вскричал Архимаг, как можно быстрее выставив над головой зачарованное оружие.

Первый удар кровожадного Бога пришелся возле ног Архимага. Переливающиеся клинки на лапах Шесемуна вспороли землю, развеяв по ветру то, что не успели взорвать машинопоклонники и не смогли разрушить попы.

— Нефертари, разуй глаза! — рявкнул Вальдран вслед улетающей лапе демона. — Стерва.

Что ж, теперь самое время улепетывать. Битва окончилась, так толком и не начавшись. Разве что Нефертари опять умудрится сломать коготь и с дуру разорвет магический круг. Тогда всем придется худо. Черт, и почему фляга пустеет так не вовремя? Хотя... стоп, где-то же... Ах, вот она, спасительница! На один глоток, но и на том спасибо!

Шесемут был счастлив, как никогда. Столько душ, столько боли он не впитывал в свое ненасытное брюхо уже давно. Пусть Бог и вышел в этот мир через маленькую дверь, что пробили в плоти бытия мертвые волшебники, земля мелких, снующих далеко внизу муравьев пришла к нему по вкусу.

Десятки стонущих, стегаемых невидимыми кнутами людей подогревали взмывшего в небеса монстра своей жгучей, сладкой мукой. Колдуны указывали ему, кого карать, а кого миловать, но смотрели они лишь в полглаза, чем демон и с радостью пользовался. Живое пламя лилось из лвиной пасти, сжигая всех без разбору в считанные мгновения. Огромные лапы рвали камень, как ветхий пергамент, оставляя в истерзанной плоти земли глубокие оплавленные раны.

Тысячи мошек кусали золотое с багряным тело чудовища, все больше раззадоривая

заскучавшего Старого Бога. Кое-кто из муравьишек приветствовал его, размахивал соломинками-руками, указывая на других, гремящих огненными палками. В жесткой скорлупе. Монстр всегда любил похрустеть, не важно, черепами или стальными панцирями. Все порождения этого мира были для него на ползуба.

Сверкая жаркими искрами, титаническая рука Бога упала на землю, прихлопнув целую ораву хрустящих людишек. Осколки панцирей впились в прозрачную плоть. Из глотки Шесемута вырвался победоносный клич — дальше его ждали новые игрушки! Слизав огненным языком минутную добычу, чудовище двинулось вперед, к заводи, где толпились в визгливой потасовке маленькие люди.

Где-то неподалеку Бог учуял настоящее угощение, и замер, прислушиваясь к своим ощущениям. Его морда повернулась в другую сторону. На широком холме стоял пышный храм. Шесемун понял, там кроются сотни душ! Демон устремился к добыче, вспарывая землю клинками пламени, не разбирая своих и чужих. И тут невидимый поводок натянулся, отводя жаждущего добычи льва подальше от сытного ужина. Бог воспротивился, ударив своей Волей по эфирной нити, тянущейся от него к Архимагам. Контроль тут же ослаб, молодые волшебники рухнули внутрь круга, не выдержав удара оголодавшего Бога.

Жадно усмехнувшись, Вечный Кутила одним ударом сорвал крышу храма, устремившись внутрь огромной мордой, как пес в наполненную до краев миску. И как всякий наглый питомец, получил мощный удар по носу.

Жрецы Бинасу прибегли к последнему средству. Отбросив оглушенного неожиданным отпором монстра, над разбитым храмом поднялся вихрь. Тысячи призраков завывали, взмыли в небеса, затягивая в ураган бушующих душ все, от песка до человеческих тел и разбитых демоном валунов.

Оставшиеся в живых Епископы, оставшись без своего главы, решили не мелочиться и призвали на землю не Божью благодать, а Бинасу собственной персоной. Огромный черный пес, клацающая каменными и костяными зубами, рос и крепчал, глядя горящим взором на разъяренного неожиданным отпором врага.

Неужели вы настолько отчаялись, шалуны? — подумала Нефертари, смотря на растущего Бога глазами призванного демона. Что же, остается только наблюдать, чья Воля окажется сильнее: трех Архимагов, или одного местного божка. Как бы ни был талантлив Зеин, его ученики явно ленились, за что и поплатились своими душами, впитавшись в бесконечную ярость львиноголового демона. Мы выстоим, обязательно. Если только Молох наконец выбросит свою чертову трубку и наконец притащит сюда свои пыльные кости!

Черный пес Бинасу, вихрь праха и смерти, обрел окончательную форму и с пронзительным воем бросился на Шесемуна. Земля гремела от ударов человекоподобных монстров, когти и зубы высекали искры из божественных тел, случайные удары сносили дома, кромсали и давили людей, не успевших оправиться от горячки боя и сбежать куда подальше, хоть в сами пустоши. То, что предстало перед их глазами, невозможно было описать словами. Тела Богов-демонов искрились и сверкали, распадалась и вновь обретала форму, чиня такие разрушения, что не снились стае троллей, ангелов и даже драконов.

Бинасу наступал, уворачиваясь от ударов Вечного Кутилы, тянущегося к его длинной черной шее. Черные зубы вцепились в золотую руку, багровый свет ударил из пасти стража мертвых. Шесемун взревел, огненные когти били и рвали тело черного пса. Бинасу рычал и хрипел, куски камня выпадали из его ран.

Особо крупный валун от очередного удара демона полетел в сторону поместья Барона.

Камень смял ворота и разрушил парадный вход, рассеяв по всей усадьбе тучу пыли.

— О Боги, что там происходит? — сказала Адизель.

Молох с треском захлопнул дверь убежища и удалился прочь. В этой комнате не было светильников и ламп, и всю роскошь золотых и серебряных подсвечников, книжных шкафов и дорогих диванов можно было разглядеть лишь на ощупь. Каким-то странным образом все это великолепие оставалось на месте, лишь слегка вздрогнув от оглушительного удара на поверхности.

— Не важно, любовь моя, — сказал Сарес. Укрывшись красным пледом, хозяин дома сидел со своей женой, ни на секунду не выпуская ее из объятий. Гаро все время сидел на полу, перелистывая какую-то книжку с картинками.

Темнота совсем не беспокоило его. Как и его родители. Он молчал всю дорогу до убежища, после чего забился в кресло возле огромного книжного шкафа и ни разу не поднял взгляд на собравшихся.

— Кларисса, как там Бральди? — спросил хозяин дома, не переставая поглаживать голову своей возлюбленной.

Воительница сидела подле разлегшегося на одном из диванов Гостя. Он был жив, и даже в сознании. Но среди беспорядочных бормотаний и несвязных восклицаний нельзя было разобрать ни слова.

— Ему все хуже, — сказала она, шлепнув по руке Эльзу, настырно пытавшуюся коснуться головы вампира. — У него ломка.

— Да, тяжело, — усмехнулся Ангус, открывая один шкаф за другим, пытаясь найти хоть что-то, кроме бутылочек зачарованного стекла и фальшивого вина, которое когда-то изготавливали для Баронов Механисты за очень большие деньги. Теперь этот напиток был не в почете, ибо вино не пьянило, вкус был обманчиво сильным, а мертвые тела отказывались выпить больше нескольких бокалов, выплескивая содержимое атрофированного желудка наружу. — Ему еще повезло, что он недолго накачивался этой дрянью. Может, в мумию он не превратится, но ближайšie пару дней ему придется тяжело. Барон Сарес, а Вы не могли бы почистить кровь нашему другу? Уверен, он был бы Вам бесконечно благодарен.

— Вижу, к Вам вернулось чувство юмора, мой дорогой друг, — сказал Сарес, не взглянув на Ангуса. — Нет, к сожалению, на такую тонкую работу я не способен. И можете оставить запасы в покое, Лунной Пыли здесь нет.

Барон с силой захлопнул дверцу. На пол посыпалось стекло.

— Да пропади все пропадом! — прошипел он. — Как думаете, что сейчас творится снаружи?

— Думаю, нам лучше не знать, Ангус. У чародеев свои методы, и я им доверяю.

— Не верить магам! — вскрикнул Бральди, вскинув руки к потолку.

— Хоть одна трезвая мысль, — оскалился Ангус. — И все же мне кажется, после трудов господина Молоха Вы перестанете быть Бароном, Сарес. Насколько хорошо я знал дядюшку, его было крайне тяжело разозлить.

Новый удар сотряс землю, осколки стекла зазвенели на холодном полу.

— Но если умудриться это сделать, его уже было не остановить. Он собственноручно освежевал нескольких Баронов, пойманных на казнокрадстве. Расставил колбы с их внутренностями по всей лаборатории, чтобы неповадно было гостям воровать его серебро.

— И все же, Ангус, если бы Архимаги не прибыли сюда, нас бы уже принесли в жертву

Бинасу. Или вытянули души. Как мне кажется, одно другого не слаще.

— И что планируете делать, когда все закончится?

— Не знаю. Черный совет — не волшебники, но они не бросят бывших Баронов в беде. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Так Вы... — запнулся Ангус. — Да, это многое объясняет.

Больше никто не произнес ни слова. Дрожащую тишину нарушал лишь бред не различающего грезы и явь Бральди, да удары, доносящиеся откуда-то сверху. Сарес был прав. Никто из укрывшихся в убежище не знал, что будет дальше. Может быть, стоило спросить у Эльзы, в голове Ангуса промелькнула такая мысль, но он отбросил ее, как бесполезную, продолжив поиски хоть какого-нибудь дурмана, кроме Эссенции. Что могла сказать безумная пророчица в своем раболепии к взявшимся из ниоткуда Гостю?

Она просто сидела рядом с ним, одними губами шепча свою колыбельную, пытаясь коснуться его исходящего кровавым потом лба. Ее собственные раны абсолютно не заботили вещь, как будто нет ничего на свете, кроме нее и провидения. Кларисса пыталась что-то сделать, чтобы Эльза хоть немного отдохнула и дала ей осмотреть раны. Но огневолосая провидица лишь тихо смеялась, смахивая с лица засохшую кровь. Она не владела Путиями, как большинство вампиров, не ставших Баронами, и раны ее затягивались медленно, словно нехотя. По какой причине бедной девочке достался столь мучительный дар, как провиденье, не знал даже Архимаг Зеин, а он очень любил разгадывать подобные случаи, коллекционируя людей с несвойственными их роду способностями.

Кларисса тоже не выделялась ничем, и потому большую часть своей сознательной нежизни провела в Сладкой Башне, ублажая и обслуживая сородичей, сумевших раскрыть в себе силы Путей. Единственное, что она знала о себе, то, что когда-то она прекрасно владела мечом. Убивала за деньги, и шла туда, куда велел ей новый хозяин. И в последнем походе она погибла, оставив того, кого искала всю свою жизнь на суд бездушных чудовищ. Аннукар...

Она посмотрела на Бральди. Он успокоился и теперь лишь слабо вздрагивал при новых толчках земли. Откуда он знает это имя? Какое ему до всего этого дело? Может быть потом, когда память крови проснется в нем до конца, он поймет, что имел ввиду. Неизвестный упырь с фальшивым именем, непонятно за какие заслуги облаканный Зеином. Что же такого в нем увидел Архимаг? И зачем приставил ее к Эльзе? Что вообще происходило в голове старого колдуна? В какое будущее он заглянул, что узрел там такую несвязную и бессмысленную картину? Ну ничего, как сказал Ангус, чтоб ему пусто было, от них теперь ничего не зависит. Все идет так, как задумали волшебники. И им теперь остается только ждать. Ждать, под покровом кровавой магии, впитавшейся в камень этой комнаты.

Боги, будьте к нам милостивы.

— Черт побери, кретины! Где вас носило?!

Что бы ни говорила Нефертари про Вальдрана и Молоха, она была несказанно рада их видеть. Молодые волшебники лежали на своих местах горками серого пепла, только потому круг еще и не был разорван. Кутила выходил из под контроля, и похоже, епископы с их сучьим Богом одерживают верх. Сколько бы Шесемун не колотил и не отрывал уши Бинасу, черный пес раз за разом впивался в него своими могучими челюстями, отрывая вновь и вновь отрастающие куски божественной плоти.

— Быстрее, братья, демон слабеет, — как всегда ровно сказали Стефано и Вильям, хотя

волшебники видели, как одновременно колышутся в потоках эфирной силы их тела.

Сбросив останки своих временных заместителей, Молох и Вальдран вступили в круг, сливаясь с общим течением Воли и увидев схватку Богов глазами Шесемуна. Демон действительно чах с каждой секундой. Багряные просветы в золотой шкуре затухали, когти Бога укорачивались, каждый удар давался ему все с большим усилием.

Чего нельзя было сказать о страже мертвых. Черный пес питался силой святого места, на котором стоял храм, и постоянный приток замученных душ притекал к нему ревушим потоком мощи.

— Просыпайся, скотина! — рявкнул Вальдран, впустив в тело Вечного Кутилы всю силу, скопившуюся в Обжоре. — Время убивать!

Поток мертвого пламени взмыл в воздух, словно бичом хлестнув львиноголового Бога по спине, и впился в эфирное тело Шесемуна. Демон взревел, стиснув окрепшими пальцами голову Бинасу. Золотые когти пронзили морду стража мертвых, черный пес разразился пронзительным воплем, никак не сходим с его звериным обликом. Раненый Бог бился и рвался прочь от Вечного Кутилы, но тот почувствовал в себе новую Волю, и теперь с яростным безумием швырял и вбивал в землю воющего от боли Бинасу.

— Хорошо, братья, мы выстоим! — прошипел Молох. Ему надоело спасать маленьких людей, не способных позаботиться о себе. Настоящая битва — это странная вещь, захватывающая, как трансмутация нескольких элементов в новое соединение. Сера, Соль и Ртуть сливаются вместе, выбрасывая в окружающее пространство энергию, преобразовывая старые первоосновы в новое, могущественное вещество!

Боги рвали и терзали друг друга, уже не разбирая, куда падают их удары и что останется от маленького города под их призрачными стопами. Удача улыбнулась Шесемуну и теперь он, заливаясь громогласным смехом, впился зубами в глотку черного пса. Бинасу кричал и извивался в могучей пасти золотого Бога, пытаясь выцарапать свою фальшивую жизнь из лап Вечного Кутилы.

Силуэт черного пса бледнел и рассыпался градом камней и мертвых человеческих тел. Волшебники почувствовали, как Шесемун наслаждается болью своего павшего противника, как пожирает его заживо, набираясь сил. И как сильно натянулись невидимые поводья в их руках.

— Что происходит?! — взвизгнула Нефертари, сгорбившись, словно под тяжестью нескольких корзин. — Почему он не слушается?!

— Он набрался смелости, — проскрипели «близнецы». Им тоже приходилось несладко. Их пальцы настолько сильно давили на виски, что казалось, древние черепа проломаются под натиском их Воли. — Надо провести изгнание, быстро!

— Не сейчас! — вмешался Молох. — Пусть добьет эту тварь!

— Молох, это того не стоит! — закричал Вальдран, оскалив зубы. — Прогоним его обратно в преисподнюю, а эту псину добьем сами!

— Не говори ерунды, Вальдран! — прошипел Архимаг. — Терпение. Осталось совсем немного.

Магические пути трещали в руках волшебников. Шесемун с громом разорвал тело стража мертвых, и весь мусор, составлявший тело черного пса, обрушился на землю. Вечный Кутила плясал и кричал, знаменуя о своей победе. Тысячи лет он не знал такой сладостной битвы. И как всякий кутила, Шесемун захотел большего. Больше битвы! Больше душ! Вина из мозга поверженных врагов!

— Черт бы тебя побрал, зверюга! — зарычал Молох. — Братья, отзывайте его!

Столп Воли, призвавший в этот мир божественного гостя, сменил направление, и перестал питать Бога, затягивая его обратно в магический узор. Зверь встрепенулся, потянулся назад, но остановился, вцепившись золотыми членами в истерзанную землю.

— Ну давай же! Давай! — скрипел Вальдран. — Возвращайся обратно, сучий ты сын!

Нефертари шептала заклинания, подчиняя духов преисподней, дабы те затянули рвущегося на свободу зверя. Десятки, сотни демонов сплелись в мощные цепи, обхватив зарвавшегося Бога. Шесемун взревел, испуская живое пламя на разрушенный город.

— А, Господи! — закричал Молох. — Именем Иеха единого, наполняющим все сущее, повелеваю тебе, Шесемун, вернись обратно в свои чертоги! Силой Соли, Серы и Ртути Великого, именами всех Сфер и ангелов, управляющих небесным сводом, повелеваю тебе — **ИЗЫДИ!**

— Оставь это, Молох! — крикнула Нефертари, пытаясь перебить шум беснующегося эфира. — Мы справимся сами!

— Именем того, что построил небо и землю из вечного хаоса, именем Высшего Господа, — не обращая внимания продолжал алхимик, — что правит Волей своей во вселенной, повелеваю тебе, Шесемун — **ИЗЫДИ!**

В поток духов вмешалась сила, превосходящая всех демонов в своей старине и мощи. Иех, Бог, светлый и темный по Воле своей, не запрещенный Епископатом, но обожаемый всеми народами Белендара, обрушился с серых небес на голову Вечного Кутилы, захватив его в свои невидимые, могучие объятья.

— Продолжай, брат! — застонали Стефано и Вильям, все ниже и ниже склоняясь к земле. Их Воля слабела с каждым мгновением.

— Славой того, что держит в руках своих все воды земные, в чьих глазах сияют солнца небесные, чья Воля простирается дальше звезд, повелеваю тебе, Шесемун — **ИЗЫДИ!!!**

Могучие путы тянули кричащего Бога назад, в бездну, с каждой секундой вытягивая из него силы. Шесемун рвал и метал, помимо своей воли приближаясь к вечной темнице, где ему предстоит провести целую вечность без еды и развлечений. Золотое облако сжалось, засасываемое водоворотом эфира, все сильнее вливаясь в первоначальное Полотно. Вечный Кутила усыхал, пронзая пламенным взглядом призвавших, а теперь прогоняющих его Архимагов. Невидимая рука заталкивала его в дыру, на другого Бога ему уже не хватит сил.

— Именем Иеха, — голос Молоха отражался в окружающем камне, словно рев тысячи труб, — повелеваю тебе, Шесемун — **ИЗЫДИ!!!**

Искрящийся Бог издал свой последний крик, выпустив к небу столп ослепительного пламени.

Магический круг успокоился. Эфирные нити, связующие Архимагов, растаяли, и волшебники рухнули на землю, словно марионетки, лишившиеся кукловода. Все было кончено. Все было кончено.

— Знаешь, брат, — прошептала Нефертари, сняв с лица фарфоровую маску. Она никогда не появлялась без нее на людях, но теперь братья-волшебники увидели ее настоящую. Она почти не изменилась после смерти. Черт, подумал Вальдран, глядя на нее, да любая вампирша убила бы за то, чтобы так выглядеть в этих древних, ссохшихся бинтах! — а я даже... на секунду поверила. В Иеха. И вообще... в Богов. Прямо как раньше.

— Это... приходит само, сестра, — сказал Молох, доставая свою трубку и дрожащими пальцами засыпая в нее Лунную Пыль. — Когда-нибудь... Черт, как давно мы не призывали

демонов. Теряем хватку. — Вспыхнул зеленый огонек, и Архимаг выдохнул струю смрадного дыма. — Кто-нибудь хочет? У меня на всех хватит.

Глава 19. Нити

— Занятно, — сказали «близнецы», отойдя от нервно скалящегося Бральди.

Гостя и его спутников Архимаг Молох принял в своем замке, Примаматер. Барон Сарес со своей семьей поспешил покинуть гостеприимный дом волшебника и отправился в тайное убежище Черного совета. Никто его не задерживал, но Молох провел несколько часов, беседуя с вампиром. После разговора Сарес стал холодным и сосредоточенным, а былая торжественная многословность словно улетучилась в никуда.

Стефан и Вильям просматривали сознание Бральди всего несколько мгновений, но ему пришлось сдерживать себя, чтобы не убить лезущих скользкими щупальцами в его душу колдунов.

— Что такое, братья? — сказал Молох, перебирая четки.

После спасения этого вампира у него появилась странная привычка — выкуривать трубку всякий раз, когда предстояло обдумать какой-либо важный момент. Он перебирал яшму, «записывая» мысли и образы на камнях, после чего просматривал их вновь и вновь, пока решение не приходило само собой. А может Лунная Пыль окончательно пропитала его мозг, и старик просто не мог соображать без дозы любимого дурмана.

— Этот парень гораздо сложнее, чем кажется, — сказали «близнецы», прохаживаясь по гостевой зале. Облысевший ковер шуршал под их ногами, а свечи из кабаньего жира вздрагивали при каждом синхронном повороте волшебников-Психиков. — Зеин действительно не шутил, говоря о переменах. Этот вампир старше всех нас вместе взятых.

— Что? — усмехнулась Нефертари. Маска с ее лица перекочевала в тонкие руки, волшебница обмахивалась ей, словно веером, хотя ни жара, ни холода практически не чувствовала. — Братья, вам пора включить хоть одну голову. Старая нежить не возвращается к жизни, это всем известно.

— Не веришь, сестра? Посмотри сама.

Маги взмахнули руками, и хрустальный шар, стоящий в центре круглого стола посреди комнаты, вспыхнул мутной радугой. Нехотя, словно из тягучей смолы, над кристаллом всплывали воспоминания Бральди, рисуя перед зрителями широкую, обрывистую, но насыщенную панораму жизни недавно проснувшегося вампира. Вот Зверь вырывается из скальной породы, летит в город... сражается с Ангусом и побеждает его. На этом месте бывший Барон отвернулся, оскалив зубы. Все эпизоды, что пронеслись перед глазами Бральди, наяву, в бреду, божественном озарении и смерти — все раскрылось перед волшебниками, исказив их усталые, безразличные ко всему лица.

— Верно, братья, весьма занятно, — сказал Молох, выпустив кольцо дыма. Воспоминания Гостя облачились в круг дурмана и мгновенно потухли. — Значит, Зеину попался новый необъяснимый талант. И он согласился вам помочь. — Взгляд Архимага скользнул по Ангусу, Клариссе и Эльзе. — И вы согласились на эту авантюру? Терпеть не могу, когда храмовники оказываются правы. Бральди, Вы не просто носитель Ереси, из-за Вас наступают Прорывы Света. Что же Вы собираетесь делать в Белендаре с такими талантами? Можно наплевать на то, что член Черного совета назначил за Вашу голову награду, но теперь всякий смерд сдаст Вас Инквизиции, лишь заметит на улице.

— Мне кажется, или я везде слышу один и тот же вопрос? — проворчал Бральди, пытаясь восстановить равновесие.

— Тем не менее, вопрос весьма интересный, красавчик, — сказала Нефертари. — Знаешь, если рассудить здраво о сложившейся ситуации, нам следовало бы испепелить тебя на месте. Но...

— ... после того, что мы сделали, — продолжил Молох, — мы не можем позволить себе такой роскоши. Как бы ни были преданны нам служители некоторых культов, Епископат, я не сомневаюсь, прекрасно осведомлен о том, что мы сделали, чтобы вытащить вас из сложившейся... ситуации.

— Не говоря уже о доверии Зеина, — вставили «близнецы», не отрывая взгляда от вампира.

— И что же будет дальше, господа Архимаги? — спросил Ангус. Его лицо словно маска, не выражала никаких эмоций — Молох подсыпал в его трубку слишком крепкий дурман.

Хозяин дома на секунду замер, перестав вращать четки. Странный огонек блеснул в его глазах, распаяясь и затухая. Вряд ли кто-то мог понять, что сейчас происходит в голове Архимага. Сухие пальцы медленно зашевелились, раскручивая яшмовые бусины в обратном направлении. Зеленое пламя нарастало, готовое вырваться за пределы сознания Молоха. Яшма наращивала темп.

Нефертари с интересом наблюдала за умственными потугами своего названного брата, то надевая, то вновь сбрасывая фарфоровое лицо. Ее явно забавляла сама ситуация, чем бы она ей не грозила. Хитрые, жадные глаза пронзали всех собравшихся насквозь, от чего Эльза плотнее сжимала руку Клариссы, пытаясь отвернуться и от хищного взгляда волшебницы. Даже Барон Ангус, невозмутимый в своем опьянении, прятал помутившийся взор куда-то за пределы реальности, изредка ухмыляясь и морщась от посещавших его видений. И лишь Бральди, многострадальный кровосос, внезапная проблема всех окрестных владений, невозмутимо, как загнанный зверь, смотрел на нее в упор.

За что же он так не любит магов? — подумала Нефертари. Мягкая, почти заботливая улыбка промелькнула на ее лице, но Бральди словно этого не заметил. Его звериный взгляд продолжал давить на нее, и на какую-то секунду волшебнице стало не по себе. Смешанные чувства. Жуть, интерес и... симпатия? Что же такого могло вздрогнуть в мертвом теле Нефертари? Теплая волна пронзила ее, слабая, как все чувства мертвых волшебников, но такая... теплая. Она не могла подобрать других слов. Слишком много значений имеют эти непонятные цепочки звуков и черточек, и большая их часть потеряла для нее всякий смысл. Может, стоит вспомнить, что значили эти странные слова?

Кларисса уловила этот странный взгляд колдуньи. Придерживая руками голову Эльзы, вампиресса наблюдала, как сражаются без единого выпада ее сородич и одно из самых опасных существ в Белендаре. Странные искры пробегали между Нефертари и Бральди, а может это были настоящие искры, волшебники — странные... люди. Вампир давил на колдунью, пытаясь заставить ее отвернуться, признать поражение, но Нефертари это лишь забавляло. Забинтованные пальцы медленно ползли по подлокотникам украшенного алхимическим золотом стула, словно лаская любимого питомца. И от того Клариссе становилось жутко. Что задумала эта проклятая чародейка?

Абсолютно посторонними, на первый взгляд, в сложившейся ситуации смотрелись Стефано и Вильям, перемещавшиеся по комнате словно в танце, то и дело кивая и подмигивая в два лица уткнувшейся в черное платье своей защитницы Эльзе. Делали она это столь искусно и ловко, что никто другой не смог бы заметить этого немого общения двуликого существа и юной предсказательницы. Ну, разве что Ангус, случайно скользнув

несобранным взглядом по этой на удивление тихой картине.

— Черт, как нескладно все получается, — произнес Молох и выпустил густое облако дыма. — Слишком быстро разворачиваются события.

— О чем ты, брат? — спросила Нефертари.

— Мы слишком поторопились объявить о наших планах совету. Теперь все Архимаги знают, что мы замешаны во всей этой кутерьме. И сдается мне, не стоило так сильно доверять нашим братьям и сестрам.

— Я что-то пропустил?

Хлопнув дверью, в комнату вошел Вальдран, звеня и бреча флягами с хмельным зельем. Он радостно чесал бороду, глубоко прикладываясь к своему сосуду и сладостно вздыхая после каждого глотка.

— Нет, брат. Присаживайся, — сказал Молох, неопределенно махнув рукой в сторону стульев. — Если выразаться твоим лаконичным языком — мы в полной заднице.

— Ну, велика тайна! — усмехнулся северянин, грузно опустившись в кресло. Старая мебель едва не треснула под весом могучего воина. — Скажи, чего вы тут надумали... Хотя, стой! Дай угадаю.

— Не гадай, у тебя плохо получается, — усмехнулась Нефертари. — Лучше взгляни, что выудили из этого парня Стефано и Вильям.

Вальдран всмотрелся в хрустальный шар, и с каждой секундой его густые брови вздымались все выше.

— М-да-а-а, дела, — сказал он, сделав глубокий глоток. — Если об этом прознает Сэй Фа или еще кто...

— В этом и есть вся проблема, брат, — сказал Молох. — Теперь все до последней дворняги знают, что мы открыто противостояли Епископату и Механистам. Самое страшное, что можно ожидать от машинопоклонников — расторжение контрактов и возмещение ущерба. Когда звенит серебро, они становятся весьма небидчивыми. Но с духовенством все не так, черт их побери! Теперь Архиепископ Веве, где бы он ни прятался, возьмется за нас с полной силой. Стефано, Вильям, вы так и не нашли, где прячется этот выродок?

— Нет, брат, — ответили «близнецы», перестав кружить по комнате. — Какого бы Бога он ни призвал себе в помощь, его невозможно найти.

— Ситуация выходит из под контроля, брат, — сказала Нефертари. — Вальдран, будь добр, угости прекрасную даму своим чудесным напитком.

Архимаг, не говоря ни слова, зашвырнул в волшебницу самой большой флягой. Нефертари словно ждала этого щедрого жеста и не меняя выражения лица поймала сосуд возле своего носа. Учтиво кивнула северянину, тот улыбнулся в ответ.

— Что же, тебе повезло, красавчик, — сказала волшебница, повернувшись к Бральди, — у нас, как и у тебя, совершенно нет выбора. — Скрутив металлическую крышку, волшебница приложила губы к горлышку и сделала глоток. Вальдран замер, ожидая ее реакции. Нефертари продолжала пить, как ни в чем не бывало. — Редкостная дрянь, Вальдран. Из чего ты ее гонишь?

— Секрет мастера. — Волшебник не скрывал своего разочарования и просто продолжил свое нехитрое занятие.

— Если я правильно поняла нашего уважаемого Молоха, — продолжила колдунья, — у нас есть одна дорога — каким-то образом протащить тебя в Ашеран и ждать, пока случится чудо.

— А это так трудно? — усмехнулся Бральди. Ангус неодобрительно посмотрел на своего хозяина, но сразу поник под властью кровавых пут.

— Труднее, чем кажется, — сказал Молох. — Дикие земли — сами по себе не хороши для жизни, но таких мест, как Ашеран, можно перечесть, практически, по пальцам. Напряжение Полотна в этих местах столь сильно, что любой акт Воли, произведенный там, может дать тысячи побочных эффектов.

— Например?

— Самое простое — разорвать тебя в клочья.

Бральди нечем было удивить. Если колдуны не способны колдовать, это их проблемы. Но зачем тогда нужна помощь магов, не способных ни на что?

— Но это не самое страшное, Бральди, — продолжил хозяин дома. — Кроме неподконтрольной магии в этих землях таятся опасности гораздо страшнее привидений, химер и беспокойных духов. Мы огородили их круглосуточным дозором и стенами, но стоит хотя бы крысе прорваться наружу, и в пустоши хлынут болезни. От простых плотожоров до Могильной чумы.

— Ты говоришь, что не можете доставить меня туда, — начал вампир, — и если я туда пойду, то обязательно сгнию за стеной, либо меня застрелят с ближайшей дозорной башни. Я верно тебя понимаю, колдун?

— К сожалению, — согласился Молох. — Если вы решитесь пройти за стену, никто из нас не будет в силах вам помочь. И никто не может обещать вам безопасной дороги назад. Но есть один факт, который не стоит упускать из виду.

— Какой?

— Зеин никогда не ошибался.

Вампир лишь усмехнулся, достав из ножен серебряный кинжал. Гаро все же вернул его назад. Бральди посмотрел на блестящее лезвие и непринужденно принялся вычищать грязь из-под ногтей.

— Бральди, отнеситесь к этому серьезно, — заговорили «близнецы», глядя на него с двух сторон. — Если все идет в точности с планом, который предвидел Зеин, Вам ничего не грозит.

— Говорите по одному, черт вас дери! — прошипел вампир. — От этой многоголосицы начинает болеть голова.

— Уж прости их, красавчик, — сказала Нефертари, — но они по-другому не умеют. Синхронное сознание.

— Мне плевать. Если я так важен для вас, будьте добры, хотя бы говорить со мной по-человечески. Терпеть не могу колдовские выходки.

Стефано и Вильям впервые за многие годы посмотрели друг другу в глаза. Они ни разу не замечали, что можно жить иначе, чем единым существом во множестве лиц, и возвращаться к прежней разобщенности им явно не хотелось.

— Знаете, Бральди, для человека, которого без сознания вытащили с поля битвы, — сказал Молох, — вы слишком неблагодарны. Я чту волю своего почившего в Вечности брата, но я не знаю, что Вы такое, и почему Зеин так тепло принял Вас в своем доме. А посему — ведите себя подобающе.

— Прошу прощения, колдун. При всем уважении к твоей щедрости, мне не по душе быть птицей в золотой клетке. Особенно, когда меня тянут туда, где моей шкуре угрожает неминуемая гибель.

— Милый мой, ты меня вообще слушаешь? — рассмеялась Нефертари. Зелье северянина уже дало ей в голову, и ее лицо исказилось в нарочито счастливой улыбке. — У тебя нет выбора! Может, когда-нибудь, где-то там ты мог бы просто очнуться, перебить кучу народу и занять пост при щедром Архимаге, или сбежать в пустоши, куда тебя все время так тянет. Но ты проснулся в весьма непростое время. И оно противно не только тебе! Думаешь, это приятно, когда ни с того, ни с сего в твоих землях объявляется неведомая тварь, вызывающая Прорывы, за которой гоняется вся Инквизиция Белендара? Когда твой замок разрушают чертовы драконы? Когда ты отдаешь свою жизнь навстречу переменам, просто потому, что у тебя нет иного выбора?

— Нефри, тебе уже хватит, — сказал Вальдран.

Волшебник поднял руку и фляга, расплескав содержимое на платье колдуньи, полетела к северянину. Но Нефертари не обратила внимания на испорченное одеяние, зато с яростью пумы вырвала из-под власти мага хмельной сосуд.

— Не смей отбирать у меня хмель, свинорылый ублюдок! — вскрикнула она. — И ты не смей меня затыкать, Молох! Пусть этот гад услышит правду! Пусть поймет, что не на нем одном Боги отыгрались!

Опорожнив флягу и кинув ей в Вальдрана, Нефертари бросилась к Бральди, вцепившись перстнями-когтями в подлокотники его кресла.

— Послушай, ты, кровосос! — словно кошка зашипела она. — Мы все все понимаем, ты стар и могуч, может быть, ты даже сосал в переулке кровь еще наших прабабок, но это не дает тебе право строить из себя черт знает что! Ты даже не знаешь, что ты есть! Тебя таскают по миру, как зверька на поводке, и ты ничего с этим не сможешь поделать. Ты не свободен. Ты раб! Ты раб, как все мы! Но, черт бы тебя побрал, это не дает тебе права ставить нам свои условия! Ты меня слышишь?! Я С ТОБОЙ РАЗГОВАРИВАЮ!

Вампир отложил кинжал в ножны и посмотрел на волшебницу в упор. Тьма потянулась через его душу к сознанию Нефертари, едва заметно просачиваясь в воспоминания и чувства древней колдуньи. Высочайшая посвященная, женщина, от чьих чар содрогаются мужчины и обрушиваются небеса. Всего лишь рабыня своего сана. Она говорила правду, ей никогда не давали выбора. Среди золота и славы сидело маленькое живое божество, навечно заточенное своим могуществом в стенах неприступного храма. Нефертари-девушка, Нефертари-наложница, Нефертари-жрица — все ипостаси женщины Копхэта проносились перед глазами вампира.

Он не произнес ни слова. Лишь с треском вытянул свои черные щупальца из памяти волшебницы, так, чтобы она почувствовала это. Нефертари осознала, что проделал с ней Бральди и на мгновение опешила. Вампир не упустил этого времени.

— У всех бывают неудачи, Нефертари, — сказал он, протянув руку к ее лицу. Волшебница пыталась отойти от забытого годы назад чувства. Беспомощности. — Ни ты, ни я не избежим своей судьбы. И если так надо, я пойду на убой, лишь бы сдохнуть со спокойным сердцем, не по чьей-то указке. Мне не нужны твои упреки. Сейчас я как никто другой похож на тебя, но я — не ты. Хочешь верить в свою немощь — пожалуйста, никто не убедит тебя в обратном. Но не смей говорить так обо мне. Да, я не помню, кем я был, и не понимаю, почему Зеин и эти двухголовые считают меня таким исключительным. Но это временно. И если верить их словам, я всех вас пережил, и как мне подсказывает Тьма, и больше переживу. Пошла вон.

Нефертари молча отошла от него. Несколько тяжелых секунд ее сверлили взгляды

гостей замка, и волшебница все больше сжималась, уходила внутрь себя. Никто не мог так ее оскорбить. У всех есть чувство такта. Им есть что терять. Им, но не этому монстру. Он ни к чему не привязан. Он ничего не ценит. И даже собственная шкура ему не так дорога, как он говорит.

Это поражение.

Позор. Позор!

Сноп искр озарил комнату и волшебница исчезла, оставив гостей в полной темноте.

Молох сделал очень глубокий вдох и хлопнул в ладоши. Комната вновь наполнилось тусклым светом свечей.

— Вампир, — сказал Вальдран.

Бральди посмотрел на северянина. На его грубом, мужественном лице сплелись все чувства, на которые способен прошедший сотни битв человек.

— У тебя стальные яйца, — сказал он и рассмеялся.

Не смеялся, ржал. Столь раскатисто и мощно, с надрывом, что даже онемевшему от дурмана Ангусу стало как-то не по себе. Прошло несколько минут, а волшебник все смеялся и смеялся, не в силах сдержать нахлынувшей радости. Никто не пытался его остановить, хотя никто и не поддерживал Вальдрана в его веселье.

Наконец, когда волшебник успокоился и приложился к новой фляге, еще подрагивая от бывшего задора, Молох сказал:

— Поздравляю, Бральди. Вы совершили еще одно невозможное дело. Вы довели ледяную королеву до слез.

— И потеряли одного потенциального друга, — добавили «близнецы».

— Это уже не важно. Я решил. Завтра вы отправитесь в Ашеран. Моя кладовая и оружейная в вашем распоряжении, берите, что посчитаете нужным. А теперь, прошу прощения, у меня есть неотложные дела. Я итак порядком подзадержался. До скорого свидания.

— Ты совсем из ума выжил?! — прошептал Ангус, схватив своего хозяина за рукав.

Архимаги покинули комнату, и гости разбрелись по гостевым комнатам. Все, кроме Бральди и Ангуса. Вампир думал направиться к себе, но раб опередил его.

— Кто тебя учил так разговаривать с магами?!

— Никогда не доверяй магам, раб, — сказал Бральди. — Что бы они из себя ни строили, они тоже когда-то были людьми. А люди совершают подлости и ошибки.

— Что ты имеешь ввиду? — не унимался бывший Барон. — Тебе настолько противна дорога, данная дядей, что ты готов сдохнуть от руки первого попавшегося волшебника? Бральди, пойми наконец — ты не бессмертен!

— Ошибаешься, щенок. — Бральди вырвался из хватки Ангуса. — Сколько раз я должен умереть, чтобы ты это понял? Ты видел своими глазами, как меня сжигали и закалывали, словно свинью. Что за дрянь не возвращала меня с того света, она явно не успокоится, пока я не дойду до конца. Вещунья только об этом и твердит.

— Это не отменяет здравого смысла, идиот! Ты везучий сукин сын, я за тебя рад, но тебе же не может везти вечно!

— Хочешь проверить? Давай, у нас впереди вся долбаная вечность! Пока Белендар не рассыплется в пыль.

— Ну что за придурок! — выдохнул Ангус и ушел восвояси.

Бральди даже не оглянулся ему во след. Только сейчас, спустя столько времени, он начал понимать, что с ним происходит. Может, и стоило столько раз умереть, чтобы осознать, что все, что ему приписывал Зеин — не пустые догадки свихнувшегося чародея. Сам Свет покрывает его, но почему? Даже видения, выуженные из его сознания магами-«близнецами» не дали ему ответа. Слишком лихо, если верить волшебникам. Слишком неопределенно складывается картина мира.

— Кого я вижу? — вырвал его из раздумий задорный рычащий вопль.

Навстречу ему, словно старому другу, приближался Башет. Весь покрытый уродливыми шрамами, но столь же веселый и невозмутимый вампир набросился на Бральди, едва не сломав ему кости могучими объятиями.

— Какими судьбами? — спросил он, перестав душить сородича.

— И тебе здравствовать, Башет, — усмехнулся вампир. — Вижу, фералы еще сожрали тебя на закуску.

— Пытались, брат, пытались. Да подавились ненароком! — рассмеялся воин. — Слушай, пошли со мной! В гостевых комнатах есть замечательная питейная. Опрокинем пару драконьих душ за встречу, а?

— Почему бы и нет? — сказал Бральди. — У нас впереди весь вечер.

— Вот всем бы такую хватку! Давай за мной.

Башет как заведенный говорил обо всем. Как его латали сородичи, переливая кровь из тела в тело, как пытались отбить замок Флаур, но ничего не вышло. В подземельях Лантела его едва не сжег Прорыв, но, как видно, обошлось. Он удивлялся, радовался, смеялся, хрипел, пару раз прикрикнул на слуг, мешающихся под ногами и снующих туда-сюда, словно мыши, и все говорил и говорил. Бральди даже не мог представить, насколько болтливым может быть этот вампир.

Наконец они вошли в просторную, но на удивлению пустую питейную. В свете тусклого пламени свечей да сумеречного света из окна стояло множество столов и стульев, недалеко от входа располагались огромные бочки с питьем и множество тихо стонущих, воющих и скрипящих бутылок. Все шкафы были открыты и никто не контролировал гостей в умеренности их appetитов.

— Присаживайся. Вот, я помню, где-то тут была...

Бральди сел за столик, наблюдая, как таят свечи в стальном подсвечнике. Башет наконец достал две сияющие бутылки и уселся рядом с ним.

— Вот такие дела, брат, — сказал он. — Теперь служу господину Молоху, да продлят Боги его время.

— Воистину, — сказал Бральди.

— Слушай, ты чего такой мрачный? В такой заварушке побывать, да еще унести ноги в целостности и сохранности — тут со счастья упиться можно вусмерть, а ты сидишь, как гнилой крови нахлебался! Давай, рассказывай, что там у тебя не заладилось?

— Не могу рассказать, уж прости. — Гость открыл сверкающее фиолетовыми искрами стекло и вдохнул щепоть рвущейся наружу души. Она была на удивление сладкой, но не утоляла голод. Скорее раззадоривала аппетит.

— Да ладно тебе! — удивился Башет. — Здесь же нет никого. А я — могила. Что ни расскажешь — все в землю уйдет, клянусь Кровью!

— Если только вкратце.

— Что, Архимаг запретил? Ну ладно, я не обидчивый, просто до баек охочий. Давай

вкратце.

Воин вынул стеклянную пробку из своей бутылки и с жадностью принялся вытягивать вязкое содержимое.

— Молох посылает меня в Ашеран.

Вампир удивленно замер с раскрытым ртом. Секунды замешательства вполне хватило, чтобы душа с тихим шипением растворилась в воздухе.

— Ашеран? — словно не веря спросил он. — Это же умереть, как далеко! Да еще и за Стенами. Что старик там забыл?

— Прости, Башет...

— Знаю-знаю, не можешь сказать, — вздохнул Башет. — Черт, теперь новую брать придется... Эх, в мире творится черт пойми что! Инквизиция буйнит, Некроманты какую-то смуту меж собой сеют, пустоши словно с цепи сорвались, а Молох посылает такого бойца за стены! Чего-то я в этой жизни явно не понимаю.

— Поверь, меньше знаешь — крепче спишь.

— Наоборот, брат: больше знаешь — дольше спишь! Или на костре жарись, тут вариантов много. Слушай, вам умелые бойцы в группу нужны? Явно же Архимаг не в одиночку тебя туда засылает. В тех местах, знаешь ли, даже маги стараются по одному не ходить. Да и вообще сторонятся они этих мест, что наш брат серебряного кола в задницу.

Ну вот, подумал Бральди, еще один смертник затесался в нашу дружную компанию. Спасибо тебе, «брат», что откинешь копыта, черт знает за что. Но спасибо тебе. Хоть кто-то в этом проклятом мире рад меня видеть и не втягивает в авантюры. Ты всего лишь цепной пес, но преданный, а других слуг колдунам и не нужно.

— Не знаю, Башет. Молох сам решает этот вопрос. Но если так тянет на подвиги, поговори с ним. Выдвигаемся завтра.

— Как? Уже завтра? — усмехнулся воин, присаживаясь с новой бутылкой и стаканом какой-то дурно пахнущей сивухи. — Черт, могу и не успеть. Но, думаю, не откажет, благо я не Барон, и не начальник стражи.

— А кто тогда?

— Личный телохранитель Архимага! — Гордость пронзала Башета насквозь. — Не сейчас, правда, моя смена только через три дня.

— По-моему, у тебя что-то не в ладах с приоритетами, — усмехнулся Бральди.

— Может быть. Оттого, видать, господин Зеин, да будет легка его доля, и не давал мне титул Барона. Говорил, что это слишком грязная должность для такого светлого человека. Представляешь? Меня — светлого! Как будто месить мечами дерьмо — благородное дело!

— Зато не всякому Барону это по силам.

— И то верно, — вздохнул Башет. — Ладно, брат, за нас с тобой, и тех, кто не с нами. Чтобы они не скучали.

Звякнуло стекло, опорожнились бутылки. Воин морщась от удовольствия вдогонку залил в себя кружку пенной жижи, закричал и глупо захихикал.

— Эх, хорошая штука, из чего бы ее ни гнали. Будешь? Нет? Ну и ладно, поверь, здоровее будешь. Забавно сказал... Кстати, важный вопрос внезапно попросился наружу! — Тяжелая рука упала на плечо Бральди. — Ты же так и не вспомнил свое имя? Как тебе новое? Я ж, практически, отец твой названный!

— Имя как имя — не больше и не краше других, — сказал вампир. — Но некоторым не по нраву твой подарок. Все норовят всадить кол, куда не следует.

— Кто такой осмелевший? — ословело удивился Башет. — Ну-ка скажи имя этого ублюдка, я его лично разделаю на филе!

— Ты слегка замешкался, «отец». — По лицу Бральди расплзлась кислая улыбка. — Ублюдок уже предан пустоши по кусочкам, спасибо Барону Саресу.

— Саресу? — удивился воин. — Это тот, что сестру свою... Да-а-а, брат, везет тебе на хорошие знакомства. Послушай мудрый совет, я тебе это как опытный вампир говорю: держись поближе к таким сородичам, как Сарес. Плевать, что Барон и прочее-прочее к нему прилегающее. В отличии от других кровопийц, этот — держит свое слово! Господин Зеин любил редкие таланты, может за это так и уважал его. К тому же, если верить слухам, Барон связан с Черным советом, что бы это ни значило. Ты вообще слышал о Черном совете?

— Не больше других, — ответил гость, перебирая в голове кусочки мозаики под названием «Жизнь и приключения достопочтенного Барона Ангуса». — Это что-то вроде секты, верно?

— Почти, — зловещим шепотом произнес Башет. — Знаешь, сородичи редко поклоняются Богам, если вообще во что-то верят. Большинство из наших верят в Первого, Дахаку. Слышал? Молодец, слушай дальше. Так вот, эти упыри не просто молятся ему и жертвуют собственную кровь ради каких-то там милостей и благ — дороговато выходит, не находишь? Ладно, отвлекся. Черный совет не поклоняется Дахаке, а подражает ему. Усиливают свою кровь, развивают Пути, которые раньше были им недоступны, в общем, наращивают свое могущество. Есть мнение в «неких кругах», что эти ребята настолько сильны, что могут при желании пособачиться с Архимагами. Чушь, скорее всего, но, знаешь ли, хочется поверить хотя бы в одну добрую сказку. В наших краях таких не сочиняют. Так, к чему я веду — держись поближе к таким, как Сарес. Для Черного совета не важен титул и возраст, им нужна лишь сила, а я видел, на что ты способен, они тебя с руками оторвут! Как шелка в базарный день.

— Заманчиво сети плетешь, шестилапый ты мухоед, — сказал Бральди. — Не знал я ничего про этот совет, и знать больше не желаю. Есть в этом мире дела и поважнее каких-то тайных кровопийц.

— Ну как хочешь, брат, — улыбнулся Башет. — Ладно, давай последний раз подкрепимся и в бой. Смена моя не началась, а дел уже по самые бубенцы. За твою непробиваемость, чтобы она всегда такой и оставалась. И за твой поход. Чтобы Боги позволили вернуться обратно.

Дело шло к вечеру, и делать было нечего. Решительно нечего. Потому воспользовавшись прощальным советом Башета я направился в оружейную. Вряд ли что-то могло мне пригодиться из железок Архимага, но мой «названный отец» решительно настоял, чтобы я как следует осмотрел арсенал. И черт с ним.

По стенам на меня смотрят портреты каких-то людей, наверняка других волшебников, посещавших владения Молоха. Но по большей части меня встречали лица самого Молоха. Молох на фоне своего замка, Молох на коне с пылающим мечом, Молох во время колдовского обряда. Зеин до такого не опускался до такого самолюбования, но не в этом суть. Волшебники всегда дурачатся тоньше, изящнее чем короли и князья. Видимо, не в этот раз.

Оружейная же ничем меня не удивила. Склонившись в подобострастном поклоне меня встретил интендант, едва не упирающийся в потолок лысой головой воин, таскающий в

широких ладонях маленькую книжицу и непрестанно что-то записывая в желтые страницы. Ничего не объясняя, он обвел рукой свое смертоносное богатство и пожелал приятного вечера, что бы это ни значило, и оставил меня одного, продолжив что-то бубнить себе под нос и чиркать стальным пером.

Сотни клинков, топоров, копий и прочего вооружения проплывали мимо меня, сверкая гранями и отшлифованными до блеска камнями. Все как один бесполезные, красивые игрушки офицеров и Баронов. Даже доспехи, явно изготовленные мастерами своего дела, с золотыми узорами, сплетавшимися в герб Архимага — дымящийся зеленый череп над ретортой — или сказочные сюжеты были всего лишь красивой скорлупой, едва ли способной защитить своих хозяев от тяжелой арбалетной стрелы. Черт, мои кости удержат любой снаряд лучше, чем эти парадные побрякушки!

За углом с диким лязгом грохнулся манекен, и я быстро вышел из раздумий. Неужели так трудно найти работников с нормальными руками? Так недолго и поцарапать все это великолепие, небось, горы серебра за эти шедевры были плачены.

— О Боги, о Боги! — забормотал на удивление знакомый голос.

— Хелмадра?

Старик шарил по полу своей тростью, пытаясь отыскать отлетевшие элементы доспеха, чей грузный силуэт покоился на боку.

— Да-да, господин?.. — замешкался старик-вестиарий, посмотрев на меня слепым взором. — О... А, господин, здравствуйте! — Хелмадра был по-детски рад меня видеть. Запинаясь о разбросанную броню, он подошел ко мне и принялся пожимать руку. — Как же давно мы с Вами не виделись! Господин Башет так за Вас переживал, думал, что Вы уже погибли...

— Он слишком щедр на чужие смерти, Хелмадра. Как ты здесь оказался?

— Ну, скорее всего, так же, как Вы — по приглашению господина Молоха. — Вестиарий смущенно замялся, отпустив, наконец, мою руку. — Эмм... Так, чего же Вы пожелаете, господин... Бральди, верно? При всем уважении к господину Башету, его чувство юмора явно оставляет желать лучшего. Просто подождите немного, и Вы сможете сами выбрать себе имя. Да, и еще, Вам пригодились мои подарки?

— По-своему, — сказал Бральди.

— Хелмадра! — рявкнул интендант за стеной. — Еще раз что-нибудь уронишь, клянусь Иехом, я посажу тебя на кол!

— Да-да, господин.

— Черт, угораздило же взять слепого...

— Не обращайтесь внимания, господин, — улыбаясь сказал старик, — интендант Зигефт всегда немного ворчлив. Ну так, чем могу помочь?

— Башет сказал, что я должен спуститься сюда и все осмотреть. Полагаю, он имел ввиду тебя.

— Эх, господин Башет, да исцелят Боги Ваш скудной ум... Но если подумать, для Вас наверняка что-нибудь найдется, господин Бральди. Может, захотите побаловать себя какой-нибудь обновкой?

— С радостью, если ты мне объяснишь, как избавиться от старья, — сказал вампир, оттянув ворот своего кафтана.

Вестиарий протянул руки и принялся ощупывать ткань, словно пытаясь найти в ней дыру или секретный крючок, но лишь разочарованно пожал плечами.

— Прошу прощения, господин, но его никак не снять. Это волшебная вещь, она так просто с Вами не расстанется.

— И что же мне прикажешь делать?

— Следуйте за мной, господин. И возьмите светильник, Вам может быть неудобно гулять в темноте.

Похоже, в голове у Хелмадры крутилась какая-то странная мысль, от чего ссохшееся лицо вестиария то и дело растягивалось в улыбке. Он вел меня все дальше и дальше, а стоек с оружием и доспехами становилось все меньше и меньше.

— Уверю, Вы останетесь довольны, — сказал он, подойдя к неприметной, почти неотличимой от стены двери.

Перебирая массивную связку ключей, бывший вестиарий бормотал под нос какую-то веселую песню, но слов ее я различить не смог. Выбрав длинный медный ключ, Хелмадра наощупь нашел замочную скважину. Раздался тяжелый щелчок, и дверь со скрипом отворилась.

Разного размера ниши усеивали стены комнаты, где под защитой стекла и огромного слоя пыли тускло светились зачарованные предметы.

— Что это? — спросил я.

— Кладовая для личных нужд господина Молоха, — ответил Хелмадра, проводя рукой над грязным стеклом. — О Боги, сюда давненько никто не заглядывал! Ох уж эти волшебники, вся мудрость вселенной в головах, а в кладовке — бардак! Как дети малые, честное слово.

Старик медленно, не торопясь обошел все шкафы, словно из всего колдовского богатства ему требовалась лишь мелкая запонка.

— Ах, вот он, родимый, — усмехнулся Хелмадра. — Подождите секундочку, я сейчас.

Вновь зазвенели ключи, заскрежетали замки и покрытая серыми лохмотьями крышка отворилась. В пламени светильника блеснул длинный изогнутый клинок.

— Да, я не ошибся, — сказал старик. — Знаете, а ведь господин Зеин и господин Молох удивительно похожи. Вам так не кажется?

— В каком смысле?

— В самом общем. Нравы, интересы, да все что угодно. Честно говоря, я и не думал, что мне найдется хоть какая-то работа после гибели господина Зеина, но Боги миловали, и послали меня к господину Молоху. Я быстро тут обустроился. Вот, попробуйте этот клинок.

Старик протянул мне матовую рукоять клинка. Она вошла в руку, словно влитая, и сам меч оказался легок, словно игрушка. Воздух свистел под лезвием клинка, и обращаться с ним было столь легко, что показалось, будто он сам подстраивается под мою руку, абсолютно не заботясь о моем навыке фехтования.

— Да, прекрасный клинок, — с теплотой в голосе сказал Хелмадра. — А в единении с Вашим кинжалом он будет просто великолепен.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Душегуб и Кровопийца. Они всегда шли рука об руку, господин. Как и Ваш замечательный кафтан. Они принадлежали одному очень известному вампиру, Спартезу Освободителю. Не помню точно, за что он получил такое прозвище, но он сразил многих врагов этим замечательным оружием.

— И что же с ним произошло, если эти клинки так хороши?

— Погиб в благородной дуэли, господин. Спартез был весьма крутого нрава и вызывал

на поединок всякого, кто косо глядел на него. Один чародей-отшельник, Синезий, разбил его череп своим жезлом, не дав сделать ни единого удара. Но почему-то мне кажется, Вам эти клинки пригодятся больше, чем ему.

— Ты что-то недоговариваешь, старик.

Хелмадра на секунду смутился, словно действительно пытался что-то скрыть.

— У каждой вещи своя история, господин, — тихо сказал он, — и эта история тянется не только из прошлого в настоящее, но и в далекое будущее. Господин Зеин говорил, что я вижу истинную суть вещей, но я так и не понял, что он имел в виду. Но он мне доверял. Так же, как и Вам.

— В последнее время я только и слышу, что о доверии и Зеине, — сказал я, принимая из рук старика ножны. Попытался пристроить их к поясу. — Неужели он был настолько мудр, что никто о нем дурного слова не скажет?

— Воистину так, господин Бральди! Господин Зеин практически руководил советом Архимагов, когда большинство волшебников погрязли в своих распрях. И поверьте, добрейшего и мудрейшего чародея этот мир не видел и вряд ли встретит вновь!

Ножны без проблем приладились к поясу. Судя по ухмылке Хелмадры, он считал мой образ окончательно завершенным. Все-таки он что-то недоговаривает. Все недоговаривают. У всех свои планы, даже у такого маленького человека, как бывший вестиарий.

— Прекрасные линии, господин Бральди, — сказал он, захлопнув стеклянную крышку хранилища. — Что ж, надеюсь, Вы примените эти дары с пользой для себя. А сейчас мне пора, господин Зигефт не любит проволочек. Хотя, казалось бы, куда тут спешить... Ой, простите, я опять задумался! До скорой встречи! Да хранят Вас Боги.

— До встречи, Хелмадра.

Я пожал на прощание его немощную руку.

— Господин Бральди! — окликнул он меня, едва я отошел. — Кажется, Вам стоит посетить свои покои.

— С чего ты взял, старик? — спросил я.

— Нити тянутся, господин. Идите, Вас ждут важные дела.

— Хорошо.

Ничего хорошего. Старик водит меня за нос, но какая ему с этого польза? Молох его послал? Ну конечно же Молох, кто бы еще позволил красть из своих запасов заколдованные клинки! Но какая ему польза? Он все равно знает больше, чем я могу ему дать. Не верить чародеям! Но, черт побери, как же без них?!

Кукольник-Кукольник, куда же ты тянешь свои нити?

Дернув ручку входной двери, я точно не ожидал увидеть там то, что увидел.

— Эльза, что ты здесь делаешь?

Пророчица сидела на моей кровати, вода туманным, но почему-то счастливым взглядом по комнате, переводя взгляд с комода на умывальник и похоже, ей это нисколько не надоедало.

— Эльза, — сказал я, приблизившись к ней, — иди к себе, Кларисса наверняка уже вне себя от страха.

Девушка не ответила. О Боги, и что имел в виду Кукольник, направляя меня сюда? Что мне теперь с ней делать? Если Кларисса найдет ее здесь, наверняка схватится за меч. Тяжело вздохнув, я сел на край матово черного одеяла.

— Она не забыла Аннукара, — прошептала пророчица, устремившись взглядом куда-то сквозь входную дверь.

— И что с того?

— Матушка не рада этому имени. Но она все время молчит о нем, я слышу. Аннукар пожирает ее сердце даже сейчас.

— Кем он был, Эльза?

— Он снился тебе, Барон, ты должен его помнить. Но не помнишь. Время еще не пришло. Но матушка знала его не так, как ты. Аннукар был для нее тем, ради чего она когда-то жила. В ней молчит обида. И любовь. Они перебивают друг друга, кричат, но никто не слышит. И она постоянно молчит о тебе, Барон.

Хороший сюрприз, девочка. Пожалуй, даже хорошо, что тебе взбрело в голову сказать это мне, здесь, наедине. Но теперь мне точно грозит кинжал в спину от этой вспыльчивой дамочки.

— Она ничего тебе не сделает, — сказала вещунья, словно читая мои мысли. А может, так и было. — Ты напоминаешь ей о том, ради чего ей теперь стоит жить. Скоро закончится твое пробуждение и начнется истинная свобода.

— Эльза, — сказал я, пытаюсь не смотреть на нее. За растрепанной волной рыжих волос крылся монстр, серьезный и неотвратимый, как сама смерть. И попадаться ему на глаза будет не лучшим моим решением, — возвращайся к Клариссе, я не в настроении слушать пророчества.

— Ты отрицаешь свой путь, но при этом подчиняешься ему, — с явной усмешкой протянула она. — Ты странное существо. Может, ты даже достоин чей-то любви.

— Дай повод, умоляю, и вылетишь отсюда стрелой.

— Не гони меня, Барон.

Она положила свою руку мне на плечо. Вещунья провоцирует меня, хочет, чтобы я вновь заглянул в ту тьму, что морем безумия плещется в ее сознании. Нет, на такую глупость я больше не куплюсь, и не надеюсь.

— Не бойся того, что ты видишь, — сказала она звенящим сталью голосом. — Ты не захотел испытать истины через кровь, так загляни в бездну через глаза.

— Уходи, — прорычал я.

— Ты все равно встретишься с правдой, Барон.

— Прекрати меня так называть.

— Загляни в бездну, вампир.

Это была не Эльза. Не рыжая девчонка, бормочущая бессвязные пророчества. Через нее говорила сила. Та, что сводила ее с ума. Та, что остановила Свет, когда он ворвался в эти земли. И теперь она хочет, чтобы я принял ее в себя. Отказался от того, что я есть, чтобы узнать будущее.

Эти мысли я вижу в ее черных, бездонных глазах. Тьма, мать всех вампиров, больше не желает принимать меня свое заботливое лоно. Она хочет уничтожить меня. Чтобы безымянный вампир умер, ушел прочь, оставив вместо себя прозревшее существо. И она не отступит от своего.

— Загляни в бездну, — шепчет Тьма.

Можно ли сопротивляться тому, что старо, как все сущее? Это не под силу даже магам. Огненная заря тает, и черная пелена проскальзывает в мою душу. Она берedit раны, скрытые под саваном неведения, рушит стены, созданные лживой жизнью. Но боли нет.

Впервые, спустя столько смертей, я не чувствую боли.

Я спокоен. В моей душе тихо, как никогда. Мне не видны картины прошлого, а будущее размыто настолько, что кажется всего лишь миражом, сплетенным неведомым ярморочной гадалкой. Я забыл, что это значит. Но я чувствую, что все идет так, как идет. Все в этом умершем мире правильно, и жизнь и смерть — всего лишь краски на полотне, созданным бытием. Я погружаюсь в темноту.

Вот она — бездна.

Тишина и покой.

— Засыпай, вампир, — шелестит бескрайняя Тьма. — Прими мудрость, пока еще есть время. Твой путь только начинается. Спи, Старый Барон, и будь спокоен. Ты не один. Ты — дальше.

Глава 20. Изгнанники

Следующим утром Молох перенес гостей своим колдовством к самой стене запретных земель. Стража нисколько не удивилась просьбе волшебника пропустить за ворота нескольких вампиров. Бароны веселятся, а маги ждут своей выгоды, им не впервой.

За высокой стеной, упирающейся дозорными башнями в небо, крылась отравленная земля. Даже вода, текущая через едва заметную решетку в стене, сливалась в искусственный пруд в ближайшем овраге. Даже деревья, мертвые, как и везде, не стояли ссохшимися памятниками былым временам, а скручивались и переплетались серыми ветками, словно еще до Катаклизма это место жило под чьим-то проклятьем.

— Вот, господа, самые лучше наши скакуны, — скучающим тоном произнес конюх, подкидывая куски вепрятины в жадные пасти жутких коней. — Должен предупредить, животные строптивые, что моя мамаша, но коль достучитесь до них, лучших друзей в этих краях не сыщите.

— А что это у вас там, в клетке? — спросил Башет. Среди просторной конюшни, словно в насмешку, стояла огромная клеть, в которой рычал и скребся неведомый зверь. На всякий случай воин даже потянул руку к своему верному клеймору.

— О, не советую, господин, — сказал конюх, едва заметно вздрогнув. — Эту зверюгу не смог оседлать никто, кроме нашего старшины, да смилостивятся над ним Боги.

Ангус, отойдя от своего хозяина, заглянул в темный угол клетки. Раздался оглушительный рев, и в стальные прутья уперлась оскаленная морда огромного пса.

— Это что, варг? — удивилась Кларисса, поглядев на конюха. — Какой безумец может оседлать варга?

— Самый отпетый, госпожа, — нервно усмехнулся тот. — Мы его не выпускаем уже несколько месяцев, пока не найдется опытный человек, так что он злющий, как скотина. Но в наши края ссылают вовсе не по таланту, уж простите за откровенность.

Бральди, вынырнув, словно из неоткуда, отстранил конюха и наклонился к зажатому в тесноте зверю. Варг смотрел на него, и в глазах его не было страха. Вольный зверь, последовавший за двуногим вожаком, и оставленный сам по себе, он был готов проглотить любого, кто посмеет к нему прикоснуться.

Вампир протянул руку к оскаленной морде, пес недовольно заворчал. Острый ноготь пронзил ладонь, и капля тягучей крови поползла вниз. Зверь принялся к терпкому запаху добычи, подошел ближе. Алая струйка все тянулась и тянулась, не желая касаться земли.

— Что он делает... — спросил конюх.

— Не мешай, — сказал Ангус, закрыв лицо рукой. Так расточительно использовать

собственную жизнь — просто верх идиотизма! В этом весь его новый хозяин...

Варг вытащил длинный серый язык и лизнул тягучую алую нить. С каждым глотком живительной влаги пес становился все спокойнее, пока поток крови не прекратился и зверь не склонился перед вампиром, словно дворовая шавка.

— Будешь моим другом, пес? — спросил Бральди.

Варг тихо заскулил, но тут же вспрыгнул, издав радостный лай и виляя облезлым хвостом.

— Хороший друг.

Вампир протянул руку сквозь толстые прутья и потрепал зверя по черно-бурой гриве.

— М-да, брат, — усмехнулся Башет, — ты умеешь заводить «друзей». И что теперь будешь с ним делать?

— Путешествовать, — ответил вампир. — Как его зовут?

— Фрегри, господин, — сказал конюх. — Что ж, хотя бы не сгниет здесь в клетке. Берите, он Вам явно пригодится.

Снарядив скакунов, группа встала перед воротами. С чудовищным скрежетом распахнулась стальная пасть, открыв путникам все мрачное великолепие запретных земель. Похоже, раньше здесь был лес, но большая его часть была выжжена стражниками, чтобы ни одна тварь не могла спрятаться под покровом мертвых деревьев. И словно маяк на высоком холме виднелся замок Ашеран, черными копиями разрушенных башен вонзаясь в небеса.

— Призраки ждут веселых гостей, — сказала Эльза, закутавшись в плащ и прижавшись к спине Клариссы. Вещунья наотрез отказывалась ехать на отдельном коне.

— Не накликайте беды, госпожа! — сказал седой стражник, осенив исцарапанный шлем святым знаменем. — Удачи вам. Да хранят вас Боги!

За спинами путников захлопнулись ворота, давая понять, что они, скорее всего, не вернуться назад.

— Ну что, братья-сестры, в добрый путь! — засмеялся Башет и прищпорил коня.

Долгое время они шли молча, сопровождаемые лишь черными стволами древесных старцев. Кони то и дело сходили с дороги, не желая соседствовать рядом с огромным скакуном Бральди. Потому он ехал впереди, возвышаясь над спутниками на спине счастливого Фрегри.

— Ангус, ты ничего не заметил? — спросил Башет, подъехав поближе к Барону.

— Например? — ответил он.

— Этот парень с самого утра какой-то пришибленный ходит. — Взгляд вампира скользнул по спине Бральди. — И зверя связал узами на раз-два. Странновато, не находишь?

— Тебе какое дело? — сказал Ангус, желая спрятать взору куда угодно, хоть в драную крупу коня. — Этот тип вообще не от мира сего. Поверь, со временем привыкнешь.

— Ну, знаешь, я всякое на свете видал, но чтобы человек так изменился за одну ночь? Он словно... собрался, что ли, подтянулся как-то. Ты, случаем, ничем дурманящим его не угощал?

— Оставьте его в покое, — сказала Кларисса, оправив белые локоны. — Ему есть над чем подумать.

Вампиресса немного ошиблась в своем суждении. Бральди не думал. Ни о чем. Он шел по пути, проложенным ему другими, но теперь он шел без страсти, не упирался руками и ногами в дикую неизвестность, зовущуюся свободой. Вампир видел свое предназначение, кем бы оно ни было задумано. Под тяжелым седлом тихо урчал Фрегри, принюхиваясь и

вода острой мордой посторонам. Голос пса, шелест ветра в серых ветвях, столбики пепла, поднимающиеся над землей. Он видел гармонию и спокойствие этого мира.

— Странное место, все-таки, — вздохнул Башет. — И зверья не видать. Слишком тихо. Чую, будет буря.

— Дождь, — отозвался Бральди. — Ближе к вечеру. Ливень.

— Да, неспроста все это. Бывало, дождь раз в полгода шел, а тут, погляди, через месяц пошел.

— Нужно где-то укрыться, — сказал Ангус. — Тут где-нибудь есть заброшенная деревня или что-то в этом духе?

— Сейчас посмотрю.

Башет достал из сумки свиток, широкий, что еле помещался в его руках. Воин долго всматривался в замысловатые узоры карты, шипя и ругаясь, переворачивая ее вверх ногами вновь и вновь, пока озарение не достигло его.

— Ах, да! — рассмеялся вампир. — Вот, в двух милях по дороге есть деревня, Немые Холмы.

— Ободряющее название, — усмехнулся Ангус, заглянув в карту. — Черт, да тут петлять и петлять по тропам. Кто вообще писал эту карту?

— Меркарий Дзуликий, — прочитал в углу пергамента Башет. — Что ж, и на том ему спасибо. Хоть не придется мочить задницы. Но я бы не рассчитывал на теплый прием. Наверняка там нет ни одной целой крыши.

— Зато наверняка есть землянки, — сказала Кларисса. — Кажется, это все же лучше, чем ничего.

— Твоя правда, — согласился вампир.

Ехали долго, не торопясь. Скакуны все сильнее дрожали и не желали пробираться вглубь мертвой чащи, словно видели там то, что недоступно их седокам. Даже варг Бральди, прежде спокойный и равнодушный, приник к земле, царапая растрескавшуюся землю толстыми когтями.

Раздался громкий треск, и перед Бральди шлепнулось маленькое тельце. Оно барахталось и визжало, пытаясь встать на кривые лапки, и в конце концов поднялось и уставилось желтыми глазами в морду Фрегри.

Дриада, подумал вампир. Создание леса оправило копну бурых волос, и протянуло длинную ручку к псу. Варг обнюхал маленького лесного жителя. В желтых глазах дриады замер неподдельный ужас, но любопытство, похоже, пересилило его в маленьком зверьке.

— Что там? — крикнул Ангус.

Дриада тут же пришла в себя и серой молнией ринулась обратно в лес. Фрегри кинулся за ней, щелкая мощными челюстями и едва не скинув наездника на землю. Пес почти догнал добычу, но зверек уже забрался в нору меж корнями старых дубов, и варг никак не мог его выкопать оттуда.

— Тише, тише! — скомандовал Бральди. Фрегри недовольно зарычал, но все же забросил свое занятие, закидав дыру горстью земли. — Всего лишь дриада, ничего серьезного.

— Дриады? — удивился Башет, приблизившись к месту раскопок. — Я думал они не Пробуждаются. Какой смысл в древесных духах в мертвом лесу?

— Это не духи, уважаемый Башет, — скривился Ангус, — а обычный зверь, как хоб или русалки. Нам жутко повезло, что это не саламандры, но я бы посоветовал всем быть

настороже. Они никогда не ходят поодиночке. Так говорилось в дядиных книгах.

— Значит, эти твари прямо сейчас сидят где-то над нашими головами и ждут удобного момента? — Меч Башета с лязгом покинул ножны. — Ну держитесь, сучьи дети! Я вам так просто не дамся!

— Стойте!

Группа обернулась на хриплый голос. Из сумерек леса навстречу путникам вышел мужчина в рубахе и звериных шкур. Он, прихрамывая, семенил к ним, опираясь на длинную палку.

— Стойте, добрые путники! — выдохнул он, припав к дереву. Фрегри залаял на него, но не бросался. — Пожалуйста, не трогайте их. В них нет греха, коль не мешать им жить.

— Ты кто такой? — спросил Бральди, положив правую руку на рукоять меча.

— Я Бартак, из Немых Холмов, — сказал мужчина. — Что вы здесь забыли, добрые путники? Стража же всех гонит от стен, да и лес недавно уже жгли.

— Не твое дело, смерд, — рявкнул Башет, подскочив к селянину. Тяжелое лезвие метило ему в грудь. — Как ты нас нашел?

— Я смотрящий у нашего старости, — ответил Бартак, пытаясь не задеть тяжелым подбородком клинок. — Логова чудищ ищу.

— И много ты наищешь с такой ногой?

— Немного, но лучше все равно никого не найти. Мы тут, за стеной, несладко живем. Добрый господин, пожалуйста, уберите меч. Я не причиню Вам вреда.

— Значит, там еще кто-то живет? — Воин убрал оружие.

— А как же ж не жить-то? — На лице Бартака проскользнуло облегчение. — Как чародеи прознали про это место, так оградили нас от миру. Мол, зараза всякая отсюда лезет. Может оно и так, но ведь не по-людски так от нас отгораживаться!

— Мил человек, не найдется ли у вас в деревне свободного двора, переждать непогоду? — спросила Кларисса. — Скоро дождь, и ночевать под открытым небом...

— Конечно найдется, госпожа, — закивал селянин. — Да и опасно это. Как норы дриадские затопит, они все наружу да и вылазят, звереют, бросаются на всех подряд. Да и другие мерзости наверх лезут, что и подумать страшно!

— Веди нас, Бартак, — сказал Бральди, хлопнув по спине потянувшегося к селянину Фрегри. — Тучи сгущаются.

— Конечно, добрый господин, следуйте за мной.

Дорога все петляла, словно это была звериная тропа. Бартак шел рядом, поскрипывая нехитрым посохом по придорожным камням. Несколько раз над головами путников пролетали странные фигуры, но селянин уверял, что тут не о чем беспокоиться. Твари просто ищут убежища, как все остальные.

Спустя несколько минут деревья начали редеть, то тут, то там встречались иссохшие пни. Они были близко. Через два поворота тропы их встретил массивный частокол. Часовые уже вскинули луки, но Бартак успел выкрикнуть тайное слово. Крестьяне кисло покосились на путников, им явно не хотелось пускать в свой дом чужаков.

Тяжелые ворота открылись. Дюжина покосившихся изб из камня и бревен смотрелись жалко, но лучшего в этих местах ожидать было невозможно. Среди света факелов виднелись кислые рожи крестьян, искалеченных и озлобленных.

— Гостеприимное местечко, ничего не скажешь, — пробормотал Ангус. — Думаете, здесь безопаснее, чем в лесу?

— Выбор не велик, Барон, — сказал Башет, так, чтобы селяне не слышали его. — Здесь не найти шелков и щедрого ужина, но хотя бы переждем дождь в сухости и без химер за спиной.

— Есть создания в этом мире опасней химер, Башет.

— Например?

— Люди.

Навстречу путникам вышел статного вида мужчина, в высокой меховой шапке и изогнутым мечом у пояса. Взгляд его хоть и выглядел заискивающим, но реакция селян не могла отместить чувства, что приедем здесь не место.

— Доброго вечера, гости дорогие, — сказал он, приветственно вскинув руки. — С какими делами в наши края пожаловали?

— Ищем ночлега, добрый человек, — сказала Кларисса. Никто ей не препятствовал, даже Башет понял, что женской хваткой можно добиться большего, чем ударом меча. — Мы не задержимся в вашем селе, даем слово.

— Да не спешите Вы так, госпожа, — рассмеялся староста, — в наших краях принято сперва представиться и сесть за стол. Звать меня Морамир, а вас как, господа?

— Башет Тавирн, — нехотя признался вампир.

— Бральди, — сказал наездник варга.

— Кларисса Ван Даррен.

— Ангус Нарсед. — Барон тоже был не в восторге от таких пируэтов местного гостеприимства.

— Эльза, — сказала пророчица, выглянув из-за спины своей хранительницы.

— Ну вот и славненько! Ну я, сталбыть, Морамир, уже знаете. Прихожусь здесь старостой. — Руки старосты нервно теребили длинные седые усы. — И, сталбыть, я буду принимать вас в своем доме. Слезайте с коней и пройдемте в хату. Может, у нас небогато, но добрым гостям всегда найдется и кров и обедня. Давай-давайте, не стесняйтесь!

Несколько крестьян подбежали к коням и взяли их за поводья. Фрегри поводка не имел, и сильно брыкался, не даваясь в руки запуганному странному зверю поводырю.

— Не бойся, друг, — прошептал ему на ухо Бральди, погладив по мохнатой морде. Пес прискорбно заскулил и лизнул лицо хозяина шершавым языком. — Мы расстаемся ненадолго. Если случится беда, ты узнаешь, где меня найти. Будь к ним добрее.

Скакунов увели в дальний сарай, и староста повел путников в высокую двухэтажную избу.

— Ненастное времечко вы выбрали, добрые господа, — сказал он, открывая дверь. Обстановка не блистала роскошью, на стенах тускло коптели лучины, а из всех украшений гостей встречали лишь покореженные в схватках клинки. — Обычно ваши никогда в непогоду сюда не забредают, ученые уже. Чудища словно с цепи срываются, и на весь окрестный лес убежища не найти. Проходите, присаживайтесь.

Гости уселись за широкий стол из шершавых досок, и хлипкие скамьи жалобно скрипнули под тяжестью вооруженных людей.

— Ну-с, — сказал Морамир, присаживаясь во главе стола на стул, сплетенный из позвончиков и ребер зверей, — с чем пожаловали, гости дорогие? Или сначала посидим, как считаете?

— О еде не беспокойтесь, мы сами об этом позаботимся, — улыбнулась Кларисса.

— Ох, спасибо, госпожа. А то у нас с душами для вашего брата негусто, разве что

кабанов на привязи могут притащить. Не хотите?

— Благодарю, мы сыты.

— Ну, тогда к делу. Уж не в замок вы направляетесь?

— С чего ты взял? — спросил Бральди.

— Ну, так, добрый господин, богатств здесь не ахти, да и на живность охотиться опасно. Укусит тебя какая местная сволочь, и все — хоть в костер прыгай! Они ж почти все заразу на себе разносят такую, что не забалуешь. С одними плотоядами сколько мучаемся! Сталбыть, не ради забавы пришли, а без забав у нас одно место обходится — Ашеран, чтоб его Боги разнесли к чертям собачьим!

Грянул гром, и тысячи небесных хлябей разверзлись над лесом.

— Тьфу, ты! — сплюнул староста. — Вот так всегда, чуть что не по нраву, начинает буянить!

— Кто? — спросил Башет.

— Да погода, будь она неладна! И хорошо, если просто дождь, здесь порой такая чертовщина творится, хоть на свет не рождайся. То гром среди ясного неба, то град здоровенный пойдет, потом крышу не залатаешь, а порой и эти, как их, фералы проснутся где-нибудь неподалеку из кургана какого, так и за шашку взяться приходится. А курганов этих тут просто поле непаханое. Говорят, раньше в замке колдун какой-то жил, ну, тогда, еще до всего этого, и жертв своих обрядов здесь закапывал. Вот и встают, нечистые, мстить, значит, за обиду. Но вернемся к нашим баранам. В Ашеран вам нужно.

— А в чем проблема? — спросил Бральди.

— Да, по сути, проблемы нет, — вздохнул Морамир, — разве что зазря там поляжете. Дорога туда ведет старая, так что пешком туда идти не придется. Но вот со зверьми там сладу нет никакого. Так что, возвращайтесь, послушайте добрый совет.

— Мы не можем вернуться, пока не попадем внутрь.

— Ну, воля ваша... Да, негоже гостей так долго держать. Мила!

Со второго этажа спустилась худая, измученная женщина в рваной одежде.

— А, у нас гости, — отрешенно сказала она. — Добрых дней вам, путники.

— Мила, родная, постели господам в свободных комнатах, они переночуют у нас.

Женщина вяло кивнула, и словно призрак улетела прочь.

— Ну, сталбыть, отдохайте, — сказал староста. — Коль что понадобится — обращайтесь к Милке или ко мне, все раздобудем. А проголодаетесь — прошу, не трогайте людей. Они итак за каждого чужака готовы с меня шкуру спустить.

— Благодарим, добрый человек, — сказала Кларисса, улыбнувшись как можно более дружелюбно.

Староста в ответ оскалил неровный ряд зубов и вышел из избы.

— Ну, вы как хотите, — сказал Ангус, — а я на улицу.

Башет и женщины принялись располагаться за столом, очищая сумки от припасов. Бральди не знал, чем заняться. Есть не хотелось, говорить больше не о чем, и он решил пойти вслед за своим рабом, осмотреться.

Скрипнула дверь, и сразу за навесом над входом полупрозрачным занавесом стояла вода.

— Что, тоже не по себе? — спросил Ангус.

Барон стоял, прислонившись спиной к серой стене, и курил свою трубку. Дым дурмана лениво поднимался вверх, исчезая за пеленой воды.

— Негостеприимное место, — ответил Бральди. Факелы погасли, и над землей стелилась непроглядная тьма. Лишь огонек в трубке Ангуса раскалялся и затухал. — Ты готов к этому походу?

— Как будто у меня есть выбор! — огрызнулся Барон и на секунду застыл. — М-да, как-то банально звучит. Нет, не готов. Ты ничего не слышишь?

— Дождь, собаки, гроза...

— Нет, что-то другое. Будто... шепот, только идет словно отовсюду разом.

— Это все дурман, — усмехнулся вампир. — И что же говорит этот шепот?

— Не пойму, — сказал Ангус. — Как будто... одновременно зовет и прогоняет. Уж не призраки это?

— Все может быть.

— Кстати, все тянет кое-что спросить. Ты чего такой спокойный? Что такого сделала эта сумасшедшая девка, что ты стал прямо умиротворенным?

— Это не важно. Придет время, и сам все поймешь.

— Если бы.

Вампиры молча смотрели на дождь, слушая его быструю, непрекращающуюся песнь. Стихия бушевала, и явно не собиралась утихнуть в ближайшие часы. Слабый тычок в плечо вывел Бральди из тихого созерцания. Барон протянул ему свою трубку.

Вампир вспомнил, как он чувствовал себя, когда по его жилам текла Эссенция и на какое-то время задумался. Но трубку принял.

— Вот. — Барон протянул ему черный металлический брусочек. — Зажигалка. Когда-то они были в моде.

Бральди улыбнулся, обхватил зубами мундштук и нажал украшенную изумрудом кнопку. Струйка пламени вырвалась наружу. Вампир поджег горстку Лунной Пыли и вдохнул терпкий дым. Бесконечное спокойствие быстро перетекло в расслабленность, а расслабленность — в вялость.

— Ну как? — усмехнулся Барон. — Пробрало?

— Трудно... сосредоточиться, — протянул Бральди.

— Да и не надо. Вдыхай поглубже и лови мелодию.

— Мелодию?

— Ну или волну, кому как кажется. У Архимага Молоха прекрасные поставщики. Для Баронов механисты такой чистой дряни не делают.

Время тянулось и тянулось, не спеша, как старый питон прокладывает себе дорогу сквозь жаркие джунгли. Мысли сами собой проносились в голове вампира и исчезали, едва он успевал их заметить. Все-таки, это волна, подумал он, чувствуя, как по телу разливается тяжелая дрема.

— Все-все, тебе хватит, — засмеялся Ангус, отобрал у него трубку и тут же затаившись. — С дурманом шутить не стоит. Слушай, мне кажется, или по крышам кто-то бегаёт?

— Где? — заторможено спросил Бральди.

— Вон там.

Вампир посмотрел туда, куда указывал палец его раба. На мгновение ему показалось, что это всего лишь тени Лунной Пыли скачут туда-сюда, последствия дурмана и не более. Но через какое-то время, приглядевшись, он увидел широкие силуэты, медленно выбиравшиеся из мертвого леса и широкими прыжками забиравшие на крыши домов.

— Вот черт... — выдохнул Барон.

— ТРЕВОГА!!! ТРЕВОГА!!! — закричали где-то в стороне и звук рога пронесся на деревней.

Тени вздрогнули, и одна из них с ревом пронеслась возле вампиров. Гул рога сменился испуганным криком. Раскат молнии заглушил крик умирающего.

— К оружию! — закричал Барон.

Узорная трубка упала в липкую грязь, и Ангус кровавой стрелой бросился навстречу врагу. Бральди замешкался. Дурман в одно мгновение покинул его разум, и выхватив подаренное стариком-вестиарием оружие, вампир погрузился во Тьму.

Укрывшиеся в домах селяне медленно выбирались из своих убежищ, размахивая клинками и палицами. Бральди заметил, с кем ведет бой кровавый водоворот когтей и зубов. Тощие крылатые создания хватали длинными пальцами испуганных жителей, откусывая им головы и отрывая конечности. Их лица...

Это были вампиры. Дикие, раз и навсегда забывшие о своей человечности и поглощенные неутолимым голодом настолько, что не могли вытянуть из врага душу. Они пожирали добычу целиком, как грязные звери.

Выпрыгнув на ближайшей крыше, Бральди взмахом Душегуба снес голову одной твари. Ее тело распалось горстью сырого пепла, и изогнутое лезвие загудело, засияло зеленым светом, впитывая душу соперника.

— Сзади! — крикнул кто-то снизу.

Вампир не глядя нанес удар кинжалом. Тонкое лезвие с противным шлепком вонзилось в длинное тело упыря. Монстр удивленно посмотрел в глаза своему убийце и в тот же миг высох, наполняя багровой жидкостью лезвие ножа.

Душегуб и Кровопийца, пронеслось в голове Бральди.

Он хотел увидеть своего спасителя, но того уже рвали на части другие кровососы. Спрыгнув на головы врагов, вампир разрубил одного дикаря. Двое оставшихся набросились на него, пытаясь утопить в грязи. Небесный водопад застилал глаза, и Бральди не успел отвести удар упыря и четыре кровавых полосы украсили его лицо.

Запах собственной крови привел его в бешенство. Отбросив врагов, словно жалких щенков, вампир пронзил обоих клинками. Всюду сновали крестьяне, наугад рассекая воздух и падая на землю.

— Ух я вас, суки! — раздался крик старосты.

Со сноровкой бывалого воина Морамир выбежал из избы, размахивая саблей. Двое упырей сразу отпрянули от него, держась за рассеченные ребра. Следом за старостой выбежал Башет. Он не глядя размахивал могучим клеймором, словно смертоносная мельница.

— Не подпускайте их к домам! — крикнул Морамир, защищая порог своей избы.

На землю хлынула волна крови, оросив голову Бральди. Ангус сражался с дикарями их же оружием, испарывая сосуды алыми когтями и ломая кости фальшивыми крыльями.

— В лесу! — крикнул он. — Их там целая куча!

Бральди перехватил поудобнее свое оружие, чувствуя, как закипает ярость в зачарованной стали. Бледнолицая волна хлынула из леса, ломая ветви и круша хлипкие хижины.

Раздался оглушительный вой, и из высокого сарая, распугивая жеребцов, выбежал Фрегги. Рыча во всю глотку, варг разомкнул мощную пасть, перекусив неосторожного упыря

надвое.

— Сюда, друг! — скомандовал Бральди.

Подняв окровавленную морду, пес, грузно стуча лапами по вязкой земле, побежал спасать своего хозяина, разбрасывая в стороны куски вампирской плоти. Варг длинным прыжком добрался до хозяина, придавив когтистыми лапами тело безумного кровососа.

Стая упырей взмыла в воздух, неся в цепких руках кричащих селянок. Со свистом пролетело несколько стрел. Кровопийцы лишь недовольно закричали, но добычи своей не выбросили.

— Держите их, держите! — кричал Морамир, но было поздно.

Вампирский выводок отсупал, унося с собой половину жителей деревни.

— СУКИ! ТВАРИ! — кричал староста, пиная тяжелыми сапогами и вспарывая саблей тела изувеченных, но еще пытающихся спастись кровососов. — УБЛЮДКИ! ДА КАК ВЕ ПОСМЕЛИ?!

Оставшиеся в живых селяне последовали примеру своего предводителя. Под плачущим небом обезумевшие от крови и горя монстры разрывали голыми руками тела упырей, не давая им умереть быстрой смертью. Гнилая кровь смешивалась с грязью, многие крестьяне падали и вязли в воняющей железом и гнилью земле, но с неистовством сумасшедших поднимались и продолжали терзать бьющихся в агонии вампиров, пока не затихли их вопли, и последняя капля жизни не покинула их тела.

— Твари! Твари! — ревели люди, поднимаясь с колен.

Их души были полны ненависти, которую они не могли излить на врага. Жизнь была слишком зла к ним, и они жаждали мщения. Когда человек мстит, он забывает, почему и зачем он это делает. И эти крестьяне не оказались исключением.

— Вы! — выкрикнул староста, направив на гостей изогнутое лезвие. — Это вы привели их! Чужаки всегда не к добру!

— Эй, Морамир, очнись! — прогремел Башет. — Как мы могли это сделать?

— Это вы растормошили нечисть! — Староста кипел от злости, его пальцы все сильнее впивались в рукоять сабли. — Вы оставили нас здесь умирать!

— Очнись, старик! Мы невиновны!

— Построили стену, спалили лес, а теперь натравили на нас своих выродков!

Свора хищников смотрела на чужаков, скаля изукрашенные вампирской кровью рты. Медленно и неотвратно, они плотной стеной двинулись на них. Почуввав угрозу, волнами хлещущую от селян, Фрегри прижался к земле, готовясь разорвать любого, кто посмеет тронуть его друзей.

— Люди, очнитесь! — крикнул Ангус, вздымая алые крылья. — Подумайте головой!

Толпа обезумела. Она молча надвигалась на мнимых обидчиков. Близость смерти пьянила их, им нечего было терять. Последний бросок умирающего зверя, жест отчаяния, нежелание уходить на тот свет, не отомстив.

— Тогда пеняйте на себя, — сказал Бральди.

Гнилые тела мерцали в отблесках грома. Вокруг вампиров плясали сталь и руки сумасшедших. Летели конечности, древние внутренности втапывались в землю. Раскалывались черепа, рассекались не знающие страха тела и падали под ноги обороняющихся вампиров.

Толпа редела, но никто и не думал заканчивать бессмысленную схватку. Крестьяне лезли под зачарованную сталь и кровавые когти, словно бездумный скот. Сколько

продолжалась эта отчаянная резня, никто не знал.

Шум прекратился. Земля была усеяна трупами. От вампиров несло смертью, и даже непрекращающийся ливень мог смыть с их рук всю ту гниль, что осела на них за время битвы. Убрав оружие, путники двинулись к дому старосты.

Дверь открыла жена Морамира. Ни о чем не подозревая, женщина вышла на порог, чтобы тут же оказаться в объятиях Ангуса. Она не успела ничего почувствовать. Вампир был достаточно голоден, чтобы сделать это быстро.

Кларисса смотрела на вошедших сородичей, как на чудовищ, но не произнесла ни слова. Лишь Эльза стыдливо улыбалась позади своей защитницы, прикрывшись рыжими локонами. Она видела в том, что произошло, нечто совсем иное. Что именно — никто не знал, и знать не хотел. Злость и усталость накатились на вампиров с такой силой, что ноги подкашивались сами собой. Размазывая по дощатому полу кровавое месиво, они прошагали к столу, жадно вытягивая из запасов бутылки с заточенными душами и опорожняя их одним яростным глотком.

Что бы ни произошло там, за порогом, это умерло под тихий шелест дождя. Переждать ливень и двигаться дальше. А пока — отдыхать.

Это был отвратительный день.

Глава 21. Хозяин могилы

— И вы отправили его туда?! — возмутился Сей Фа. — Вы разрушили целый город, чтобы спасти его шкуру, вместо того, чтобы просто убить?! Да вы хоть понимаете, чем это грозит?!

Никто еще не видел дитя востока таким возбужденным. Его народу было свойственно меланхоличное спокойствие в любой ситуации, но теперь Сэй Фа словно подменили. Он рвал и метал, сотрясая широкими рукавами своего халата. Даже зал совета возмущенно дрожал при каждой реплике волшебника.

— Что тебе не по нраву, брат? — спросил Молох. — Мы предоставили совету доказательства, и я считаю наш выбор целесообразным.

— Доказательства?! О чем ты говоришь, Молох?! Братья и сестры! Это преднамеренная провокация и подстрекательство к открытой войне!

— Успокойся, Сэй Фа, — сказала Нефертари, водя пальцем по узору на каменном столе. Ей была безразлична судьба этого вампира, но в глубине души она была рада, что это чудовище сложит голову на дороге в Ашеран. — Ты прекрасно знаешь, что за пределами изолирующих стен мы бессильны.

— Не принижай наши возможности, сестра. — Праведный гнев восточного колдуна поутих, в его глазах плескалась холодная ярость. — Предположим, все видения этого вампира истинны, но что будет, если он доберется до Ашерана? Он связан со Светом!

— Прости, брат, но это понятно и ежу, — добавил Вальдран. Северянин видел, как смотрят на них члены совета. Если вовремя не осадить самых крикливых (Сей Фа — кто бы мог подумать!), вся многолетняя совместная работа волшебников, и без того разобщенных, пойдет прахом. — Смотри на это иначе. Возможности, брат, возможности.

— О чем ты говоришь? — недоуменно спросил Сэй Фа.

— Я поясню, — сказал Молох, посмотрев на северянина. Тот одобрительно кивнул, позволив ему продолжать. — Скажите, братья и сестры, сколько лет Белендар беснуется в своей бесконечной агонии? Три тысячи лет? Может, больше?

Волшебники молчали. Кто-то недовольно ухмылялся, некоторые с интересом слушали

Молоха.

— И какой смысл в этом бесконечном гниении? Ни одно проклятие, даже подаренное Катаклизмом, не может длиться вечно. В конце концов, Белендар очистится от него самостоятельно, и тогда никто, даже Боги не смогут удержать тучи над нашими головами.

— Подожди, Молох, я тебя правильно понимаю? — прохрипел Одрен, скривившись в напряженном мышлении. — Ты предлагаешь нам попустительствовать Свету и добровольно отдать свои души на всеожжение? Если это так, то Лунная Пыль окончательно разжижила твой мозг. Это неприкрытое самоубийство.

— Вот именно, брат! — воскликнул Сэй Фа. — Братья, сестры, послушайте! Последовав совету Молоха, вы не только самостоятельно погибнете, но и отдадите на заклятие тех людей, за которых в ответе!

— Не играй в благородство, Сей Фа, — сказал Молох. — Мне самому тошно от того, что пытался донести до нас Зеин, но он пожертвовал собой, чтобы спасти этого вампира и помочь ему в этом походе. За ним стоит сила, с которой не справится вся наша магия. Так что, брат Одрен, ты понял меня несколько превратно, но верно. Мы должны следить за Бральди и ждать результата.

— Результата чего? — спросил Одрен.

— Понятия не имею.

Собрание превращалось в цирк. Чародеи галдели и рукоплескали, словно базарные бабы. Кто выдвигал свой товар красочнее, называл свою цену, грубой бранью сбивал конкурентов. Хотя товар, по сути, один. Судьба золота, серебра и власти. Но кто захочет расстаться с нажитым за сотни лет богатством ради шанса умереть от рук Врага?

Сейчас перед ним не было членов совета, Архимагов, властителей мертвого мира. Шлюхи, торгаши, богобоязненные суеверы, тираны, жадные до могущества — все многообразие людских душ раскрылось перед Молохом. И не понятно, каким образом они достигли той силы Воли, что имели сейчас. Они недалеко ушли от своих прародителей. Все еще люди, скованные цепями идеалов и целей, неизменных из года в год. И все их оправдания про войну, церковников и Механистов, лишь пустые слова. Пугало, спасающее их поля от жадных ворон критики.

— Орден Психиков, — начали Стефано и Вильям. Толпа орущих скотов мгновенно затихла, — поддерживает Архимага Молоха в его решении и будет осуществлять всяческую поддержку.

Несколько волшебников, беспечно молчавших все собрание, согласно кивнули своим собратьям по ордену. Что ж, подумал Молох, уже неплохо. Почти треть чародеев Белендара теперь на его стороне. И можно было несколько не сомневаться в их преданности, среди них нет дезертиров и предателей. Единый разум выносит общее решение, и каждый колдун, выражающий мнение Ордена — лишь глас этого единого существа.

Другое дело, что такое соседство отпугнет других магов. Психиков недолюбливали во все времена не меньше, чем некромантов. Настоящих некромантов.

— Я не выражаю мнения большинства членов моего Ордена Элементалистов, — добавила Нефертари, — но я тоже отдаю свой голос за Архимага Молоха.

— Орден Алхимиков не поддержит тебя, Молох! — сказал Сей Фа. — Я против!

— Оставь свое мнение при себе, брат, — усмехнулся Вальдран. — Пусть каждый решает за себя. И я, например, вынес свое решение. Я поддерживаю решение Молоха. Остальное за вами, братья и сестры.

Волшебники молчали. Обмениваясь незаметными взглядами и кивками, они наконец серьезно задумались над своим решением. И робко, словно дети, принялись излагать его под строгими взглядами собратьев.

Один за другим сыпались голоса за и против старшего Архимага, мелькали вопрошающие взоры, обращенные к другим магам. Их слишком мало, чтобы вынести справедливый вердикт. Но уже около сотни голосов Молоху обеспечили Психики, приличная фора. И, к сожалению, голоса против решения алхимика росли гораздо быстрее.

Под конец собрания решение Архимага поддержало, с перевесом всего лишь в дюжину голосов, большинство членов совета. Сей Фа окончательно потерял над собой контроль, выдохнув в лицо Молоху поток ржавого тумана. Будь это кто-то иной, он бы уже распался на составляющие. Архимаг лишь отмахнулся от кислого дыхания бывшего собрата по Ордену и совету, пронзая его взглядом.

— Это безумие! — прошипел чародей востока. — Хотите покинуть этот мир — пожалуйста! Но не тяните здравомыслящих людей за собой. Я покидаю совет. Больше вы меня не увидите. Счастливой вам кончины, «братья»!

Маг встал со своего места и растворился в пустоте. Узор на столе, выбитый в камне там, где сидел Сэй Фа, поблек и через несколько мгновений исчез. Стол собраний поглотил его. Теперь волшебнику навсегда закрыт путь обратно. Часть магов последовала за ним, но Молох видел, с каким трудом им далось это решение. Исчезали созвездия, стол уменьшался.

Все противники покинули совет.

— Благодарю вас, братья и сестры, — сказал Архимаг. — Я ценю то, на что вы пошли ради меня и нашего будущего. Надеюсь, все из вас поняли, на какой путь мы вступили. Это война. Открытая и безжалостная. Нам будут противостоять все, кто на это способен, даже наши собственные братья. Не надейтесь на легкий исход этого дела, никто не укроется от ответственности, что сегодня возложил каждый из вас на свои плечи. Готовьтесь дать отпор всему миру. Если на вашей стороне есть хоть один союзник, берегите его, как зеницу ока, не отворачивайтесь и не рубите с плеча. Каждый, к кому вы повернулись спиной — новый нож в сердце нашего плана. Да благословят нас Боги, если хоть кто-то из них на нашей стороне. И удачи всем нам.

Лужи хлюпали под ногами путников. Все кони разбежались, едва заметив беду, настигшую их прошлой ночью, и теперь вся сохранившаяся поклажа взвалилась на могучую спину Фрегри.

Десятки глаз наблюдали за вампирами из сумрака густых ветвей. Но никто не смел притронуться к ним. Бральди понял, о чем говорил Ангус. Шепот, призывающий и прогоняющий, достиг его слуха, и чем ближе путники подходили к границам Ашерана, тем сильнее становился этот голос. Все ближе становились незапертые ворота, и все яснее виднелась главная башня, с вершины которой вещал всепроникающий шепот.

— Призраки шепчут вечную песнь, — сказала Эльза, неотрывно глядя на черный шпиль. — Они не знают, чего хотят. Они отвергают и притягивают, им одиноко и тесно. Хозяин не слышит их мольбы.

— Хозяин? — спросил Ангус. — Сонатер здесь?

— Человек, и нелюдь, — продолжила вещунья. — Мертвый и живой. Бесплотный, как дух, но кровь его течет в камне этого замка.

— Это что еще за хрен? — спросил Башет.

— Волшебник, хозяин Ашерана, — сказал Барон.

— Хозяин? Кем ему тут командовать? Не слишком многолюдно в обители достопочтенного чародея. Или я не прав?

— Молчите, — сказал Бральди. — Мертвые любят тишину.

— Я бы так не сказал, — усмехнулся воин.

Путники достигли дозорной стены. Черный камень давил своей неестественной тишиной, а входные ворота были заперты.

— Ну, что дальше? — спросил Ангус.

— Можно поискать дыру в стене или решетку канализации, — сказала Кларисса, поигрывая пальцами на эфесе меча.

— Что ж, госпожа, Вы не перестаете меня радовать, — сказал Башет. — Столь безмерная неприхотливость в пути в наше время — на сто пудов серебра ценится.

— А если серьезно? Как нам открыть эти чертовы ворота?

— Не нужно ничего делать, — сказала Эльза.

Все взгляды путников обратились к вещунье. Она все еще смотрела на центральную башню, словно общаясь с кем-то невидимым, сидящим на самом острие гигантского шпиля.

— Хозяин дома смотрит на своих гостей, — сказала она. — Он решает, достоин ли Новый Барон войти в его владения.

— А как насчет нас? — спросил Ангус.

— Других он не ждет.

Шепот призраков нарастал пуще прежнего. Десятки голосов, наперебой твердящих несвязные речи, превращался в нестерпимый гул. На ровном месте поднялся жуткий ветер, бьющий со всех сторон ледяными плетями.

Не зная, куда деваться, варг Бральди прижался к сырой земле, затыкая уши огромными лапами. Вампиры стояли, не шелохнувшись, ожидая решения неведомого хозяина. А гул все крепчал и крепчал, пока страшный, резкий вопль не вырвался из массивных ворот, распахнув металлические створки и чуть не сбив с ног незваных гостей.

— Хозяин сделал свой выбор, — сказала пророчица, когда ветер стих.

— Ну что ж, вперед, — сказал Ангус. На секунду его лицо исказил неподдельный ужас, но Барон быстро взял себя в руки. Хоть и едва заметно дрожали руки и ноги.

На входе путников встретила странная картина. Древние дома, от которых остались лишь осыпавшиеся каменные стены, поросли крепкими, но нынче мертвыми деревьями. Следы бушующей природы были повсюду. Былое великолепие замка поразила беспощадная дикость. От выложенных камнем дорог остались лишь трещины, пронизанные могучими сухими корнями, старые ограды усадеб изъела ржавчина, оставив лишь жалкие рыжие прутья, увитые останками мощного плюща.

— Черт, — прошептал Башет, услышав, как под ногами хрустнул щебень. — Неужели мы действительно притащились сюда?

— Мы пришли за ответами, Башет, — сказал Бральди. Он был по-прежнему невозмутим и спокоен, но воин видел, как напряглась спина сородича. — Идемте, нельзя заставлять хозяина ждать.

— Фалкор, нам туда нельзя! — канючил оборотень, дергая своего «скакуна» за цветущие ветви. — Мы не пройдет через стену, нас расстреляют еще на подходе!

— Не беспокойся об этом, Кин.

— Что с тобой происходит, Фалкор?! Даже хобу не прошмыгнуть мимо дозорных!

— Сиди спокойно и смотри вперед.

Следопыты тоже не верили ходячему дубу, но не могли воспротивиться его воле. На пути им встречалось много зверья, и стоило стае волков или медведю приблизиться к ним хоть на шаг, он тут же попадал под чары шамана. Один желудь оплетал тело зверя, и он, как ручной, уходил своей дорогой или шел рядом с воинами.

С силой десяти племен Фалкор шел навстречу Светлому Лику, желая наконец понять его великий замысел. Они могли обходить поселения Непомнящих, и всякий случайный наблюдатель не успевал сообщить об увиденном своим соплеменникам. Воины Фалкора быстро нагоняли бедолагу и закалывали его, складывая куски тел в мешки с едой.

Теперь перед ними встала непреодолимая преграда. Шаман никому не раскрыл свой замысел и просто выжидал удачного момента.

Наконец, когда они приблизились к стене достаточно близко, чтобы стража заметила шагающее среди мертвых собратьев дерево, до дикарей донесся звук тревожного рога.

— В бой, братья! — заревел дуб, взмахнув могучей ветвью.

Воины на мгновение опешили, но их сомнения тут же развеялись. Услышав зов шамана, все птицы и звери, что встречались им по пути, выпрыгнули, словно из пустоты, и помчались вперед, навстречу врагам.

Влившись в стаю, воины оборотились волками и побежали вслед за текущей непрерывным потоком звериной орды.

— Вперед! — ревел могучий дуб, принимая невесомые для такого существа удары арбалетных стрел.

Кин спрыгнул с головы шамана и побежал догонять свое племя. Поравнявшись с воинами, он завыл во весь голос. Волчье бешенство охватило его, и стража на стенах вздрогнула.

Птицы клевали стрелков, не давая им прицелиться и сделать по-настоящему смертельный выстрел, звери всей массой навалились на защитников стены, умирая один за другим, но не отступая ни на шаг.

— Бомбы! — выкрикнул стражник, и Кин повалил его на землю.

Хлипкий доспех раскололся за два удара когтистых лап. Боец попытался пырнуть оборотня кинжалом, но лишился руки, а через мгновение — и головы.

Грохнул взрыв и Кина отбросила тугая волна горячего воздуха. Куски опаленной плоти разлетелись вокруг, дразня жаждущее добычи зверье. Придя в себя и сбив назойливое пламя с шерсти, оборотень задрал морду кверху. Стража стены все еще пыталась отбиваться от назойливых птиц, но потеряв глаза и сломав оружие они не могли дать достойный отпор нападавшим. Вместо этого они наугад бросали с высоты склянки с взрывной смесью.

Кин издал призывающий крик и указал длинным когтем наверх. Соплеменники мгновенно полезли вверх по отвесной стене, впиваясь лапами в камень. Оборотень запрыгнул наверх, и откусил замершему с поднятой склянкой солдату руку. Перехватив шипящую, с каждой секундой раскаляющуюся взрывчатку, Кин бросил ее в соседнюю башню. Засевшие в ней воины явно не ожидали такой прыти от дикарей.

Волна щебня, плоти и стальных осколков разлетелась вокруг. Кин, разрываемый воинственной радостью, бросился вырвать у солдат их последнее оружие. Ни мечи, ни копья, ни стрелы не уносили столько жизней, сколько эти маленькие гремящие шарики.

Волчьи лапы вырывали из рук воинов бомбы, и оружие воинов оборачивалось против

них. Оборотни быстро последовали примеру своего собрата. Трое чудовищ исчезли в огненных шарах, оставив серые пятна на камне. Это лишь раззадорило их, и теперь взрывные снаряды летели с обеих сторон.

Кин ликовал. Его радости не было предела. О такой битве сложат множество песен!

Далекое эхо взрывов донеслось до вампиров. Огненные всполохи мерцали в далеком сумраке. Путники видели, как рассыпаются сторожевые башни под натиском неведомой силы.

— Черт, теперь нам точно конец! — рявкнул Башет, выхватив меч. — Идемте дальше. Пора уже с этим покончить.

Вампиры шли по негостеприимным улицам замка, огибая провалы и выбоины. Их не покидало ощущение, что мертвые корни тянутся к ним, пытаясь сбить с ног, но ничто не говорило об этом. Лишь тихие стоны, доносившиеся из развалин, да быстрые шаги перебегающих дорогу невидимых существ заставляли их не на шутку встревожиться.

— Тише, друг, тише, — говорил Бральди, пытаясь успокоить рычащего Фрегги. Пес то и дело бросался на неясные тени, но каждый раз лишь наводил шум и утыкался носом в пустоту.

— Как думаете, что это может быть? — сказала Кларисса, кивнув в сторону далекой битвы.

— Не все ли равно? — ответил Башет. — У нас и своих проблем хватает. Ух, мать твою!..

Путники выхватили оружие и посмотрели туда, куда указывал меч воина. Серый призрак стоял перед ними, глядя на них с немым укором в пустых глазницах.

— Черт... черт... — рычал Башет, но он так и не решился подойти ближе к туманному силуэту.

Призрак мужчины, одетого в рваный костюм лакея, величаво поклонился гостям, указав бледной рукой на внутренние ворота замка. Он стоял так очень долго, застыв, словно немой вестник грядущей гибели. Его не волновали доносящиеся издали шум и взрывы. Он принимал гостей своего господина, и не было у него иной доли.

— Господин Сонатер ожидает вас, — прошелестел он, видя, что путники не решаются подойти к нему ближе. — Он всегда рад новым гостям. В последнее время так мало путников посещает нас.

— Как тебя зовут, добрый человек? — спросил Бральди, отодвинув клинок Башета.

— Как меня зовут? — тягуче спросил призрак. Его взгляд упал в землю и копна длинных седых волос закрыло его лицо. — Я... не помню. Это было так давно, господин. Простите меня, это так невежливо...

— В том не твоей вины, добрый человек. Проводи нас к своему хозяину.

— С радостью, — с виноватой улыбкой прошептал призрак. — Следуйте за мной.

Тихо шелестя невесомыми ногами, призрак поплыл в сторону замка. Вампиры не спешили убирать оружие, но последовали за своим провожатым. С каждым шагом навстречу к нему число призраков, гуляющих по останкам некогда величественного города, резко росло. Бесплотные странники катили по улочкам призрачные телеги, женщины несли на руках кричащих младенцев. Один нищий просил милостыню у входа в замок, но его тут же прогнала стража, пнув под зад прозрачным сапогом.

Невесомая толпа окружила путников. Привидения сновали туда-сюда, подражая тому,

что делали в своей далекой жизни. Пьяницы хлестали несуществующее вино, священники бранили их и трясли святыми оберегами, призывая Старых Богов открыть глаза заблудшим людям.

— Черт! — вскрикнул Башет, обмахивая себя руками.

Через мгновение из-за спины его вышел призрак в длинном черном платье с непрозрачной вуалью на лице. Скорбящая вдова, а может, мать, не заметила в своем нескончаемом горе случайного прохожего и коснулась его могильным холодом.

— Скажи, добрый человек, — начал Бральди, повернувшись к призраку лакея, — почему ты встречаешь нас так далеко от дома? Разве ему не нужна твердая рука?

— Нет, господин, — ответил призрак, — хозяин самолично следит за состоянием дома, так что у меня много свободного времени. Но он был так рад вашему приходу, что попросил меня проводить вас от самых ворот. И показать наш чудесный город. Прекрасное место, не правда ли?

— Довольно тихий городок. Успокаивает.

— Да, господин, здесь всегда было не слишком шумно, тем мне и нравился Ашеран. Вот только покоя здесь нет ни мгновения, хотя личного времени у каждого столько, сколько потребуется.

Призрачная стража кивнула лакею, в пояс поклонилась гостям. Вновь подул ветер, слабый, тихий — шепот умирающей красоты. Бральди вспомнил ту девушку, что он похитил и убил в заброшенном доме в замке Флаур. Впервые ему стало... стыдно. За то, что он убил ни в чем не повинное создание. Скорбь не закралась к нему в сердце, ибо он знал, что будет дальше. И погибшая красота будет не последней на его руках.

Ворота с тихим скрипом раскрылись, впуская гостей во внутренний двор. Здесь тоже кипела «жизнь». Солдаты бранились, конюха получали копытом в лоб от призрачных лошадей, благородные дамы и кавалеры не спеша прогуливались по двору, сидели у высохшего фонтана и играли нежными руками с несуществующими рыбками.

— Как же... — запнулся Ангус. Его взгляд бежал меж призраками минувших лет, наблюдая там что-то свое, понятное лишь ему одному. — Это не сказки! Господа, вы видите то же, что и я?

— Долго же до тебя доходит, Барон, — нервно огрызнулся Башет. — Мы тащимся в самое логово сумасшедшей мертвечины, а ты только сейчас это заметил?

— Пожалуйста, не шумите, — попросил лакей, прижав руки к несуществующим ушам. — Хозяин любит тишину.

Фрегри не отставал от своего хозяина. Он едва помещался в ветреной толпе мертвецов, то и дело поскуливая, когда его случайно задевал чей-нибудь рукав. Один раз к нему с сдавленным криком «Собачка!» подбежал на маленьких ножках призрак девочки в платье. На ее головке красовалась диадема, усеянная драгоценными камнями, теперь неразличимыми между собой.

Она без страха вцепилась в переднюю лапу варга, прижавшись к нему ледяным телом. Пес застыл, боясь пошевелиться и тихо скулил, с мольбой глядя на своего хозяина. Через пару мгновений к девочке подбежала мать, придерживая подол платья израненными руками.

— Морриган, дорогая! Отпусти собачку! — потребовала она хриплым шепотом.

Девочка начала было плакать и плотнее впиваться в мокрую шерсть Фрегри, но мать быстро оторвала свою дочь от варга и виновато улыбнулась гостям.

— Прошу прощения, господа, — сказала она, держа за руку всхлипывающую девочку. —

Маленькая еще — любопытна сверх всякой меры!

— Ничего страшного, госпожа, — сказала Эльза. Пророчица погладила по загривку испуганного зверя и повела его за собой. — Держись поближе, Фрегри. Это место не для тебя. Но не пугайся, скоро все закончится. Вот, покушай.

Вещунья полезла в свою сумку и достала оттуда большой кусок мяса, завернутый в окровавленную тряпку. Кларисса с ужасом посмотрела на свою подопечную, но Эльзе было все равно. Фрегри с радостью принял угощение, проглотив мясо вместе с оберткой.

— Господин лакей, Фрегри может пойти с нами? Он будет хорошим и не станет ничего пачкать.

— Конечно, госпожа, — не обернувшись, сказал призрак. — Господин Сонатер любит животных. Когда-то у него был целый вольер с диковинными зверями.

— И что с ними стало?

— Чума, госпожа. Никто не укрылся от нее.

Гости подошли к дверям замка. Двое стражников освободили им дорогу. Двери были открыты нараспашку.

— Заходите, добрые господа, — сказал лакей. — Чувствуйте себя, как дома.

Произнеся последние слова, призрак слуги вернулся в пустоту. Все умертвия растворились в воздухе, оставив гостей в тягучей тишине. Слабый сумеречный свет не доходил до внутреннего зала, встав у порога бледной стеной, отгородив внешний мир от вечной спячки замка.

— Ну-с, кто первый? — сказал Ангус. Его глаза переходили от одного спутника к другому. Никто не хотел ворваться в вязкую тьму, что таилась за гостеприимно распахнутыми дверями.

Бральди не оглядываясь переступил порог липкой тьмы. Остальные последовали за ним, даже Фрегри, скуля и лая, призывая своих новых друзей не идти на верную смерть, в конце концов сдался и ступил нетвердыми шагами.

Двери захлопнулись за спиной путников.

Наступила тьма.

Глава 22. Последний рубеж

Я вступил в неизвестность. Бесконечная тень обволакивала меня со всех сторон, она была моим небом, на ней я стоял, как на твердой земле. Мои спутники пропали, едва до меня донесся звук захлопнувшегося засова. Сонатер показывал свою мощь, не являя себя гостям. Похваляется, кичится своей властью в зачарованных стенах, как всякий волшебник.

— Кто пожаловал в мои владения? — прошептала вездесущая ночь. — Хм, один беспамятный сородич и его свита? Что привело тебя сюда, друг?

Ты называешь меня другом, чародей? Что ж, как тебе будет угодно.

— Мы пришли к тебе, Сонатер, как к доброму хозяину и мудрому волшебнику... — начал было я.

— Оставь это! — злобно прошипел голос пустоты. — Это все ложь. Лесть, подхалимство, похвальба — все ложь! Можешь даже не говорить своего имени. Оно также лживо, как весь этот проклятый мирок. Зеин прислал тебя сюда.

— Если ты знаешь Архимага, — сказал я, — то ты понимаешь, зачем я к тебе явился.

— Да-а-а, понимаю. Старый друг все никак не успокоится. Он заботится обо мне, отговаривает от опытов, пытается наставить на путь истинный... НАДОЕЛО!

Невидимый пол рухнул у меня под ногами. Я падал из небытия в пустоту, долгое,

бесконечно долгое время, и эхо вопля невидимого чародея резало мне слух. У чародеев свои капризы, подумал я отстраненно, настолько наскучило мне бесконечное падение в никуда.

Стоило лишь подумать об этом, и я упал на что-то твердое. Кровь брызнула из затылка, перед глазами поплыли звезды. Неизвестно откуда появился свет. Неясный силуэт в черном балахоне нес в руке факел. Он подошел ко мне.

Я был прикован к деревянному ложу. Тугие веревки, прошитые серебряной проволокой, впились в руки и ноги, оставив меня неподвижным перед взглядом из пустоты.

— Мне надоели люди, — сказал человек в черном. К ложу, скрипя колесиками, подъехал столик с инструментами. Ножницы, щипцы, ножи и сверла всех мастей тускло отсвечивали ржавыми боками в свете факела. — Все они, от чародеев до портовой шлюхи — все на одно лицо! Меня больше интересует наука.

— Где мои друзья? — спросил я.

— В замке, друг мой, — усмехнулся чародей. Можно было не сомневаться. Сонатер стоял, склонившись надо мной, но его лица я так и не разглядел. — Почетные гости должны пребывать в равных условиях, не правда ли?

— Что ты несешь, колдун?

— Смерть, мой друг. — Факел завис в пустоте, освещая алым сиянием тусклое дерево и камень пола. Стен, как и потолка, нигде не было. — И вечную жизнь. Скажи мне, вампир, как человек может достичь вечности, при этом не потеряв себя? Молчишь? Мудрое решение. «Я чашу знаний изопью до дна, сколь бед и горя не была полна»... Гораций Песнопевец, «Страдания Марлина, дьяволом порожденного». Да, конечно же, ты не читал. Никто сейчас не читает хороших книг. Очень полезных книг.

Волшебник перебирал инструмент один за другим, примериваясь и смахивая с него рыжую пыль. Он явно забавлялся тем, что делает. Что ж, можно и подыграть.

— И знаешь, что я нашел в своей чаше? — тихим басом сказал Сонатер. — Как все святые, я нашел лишь кровь. Не вино, не эликсир вечной молодости, не бальзамирующий раствор — всего лишь кровь! «И видел то, что пили мертвецы, подобное тому, чем плачут Боги. Но радости веселые квасцы бродили мне отраду от тревоги». Может, я ошибся в переводе, но суть вполне ясна. Старик явно не был некромантом, но сколь глубоко его поэтический дар проник в самую суть! Чтобы стать бессмертным, надо стать неподвижным, как мертвец. Неподвластным течению времени. Но вот одна проблема — я не хочу лежать безмозглым трупом.

Длинное шило устремилось мне в глаз, но я ушел во Тьму. Даже эта вездесущая стихия была в замке колдуна незваной гостьей, сжимаясь, пытаясь двигаться туда, где есть хоть капля настоящей реальности. Не той фальшивой иллюзии, что плели для гостей чары мертвого волшебника.

— И однажды я решил: почему бы не спросить секрет у того, кто уже стал бессмертным?

Стуток Тьмы лопнул и выбросил меня в новой пыточной камере. К стене, закованная в цепях стояла Кларисса. Я было бросился вызволить ее, но перед моим носом с лязгом рухнула стена стальных прутьев. Они не гнулись, не поддавались силе Зверя. Это все колдовство. Сонатер просто играет со мной.

Чародей стоял, прислонив серебряный гвоздь к горлу воительницы. Она не сопротивлялась, словно одурманенная и смотрела на черный балахон с такой теплотой, будто сама желала смерти.

— Естественно, все ответы жизни прячутся в крови.

Блестящее острие пронзило гортань вампирессы. Она хрипела, вяло билась в приступе боли. Алая кровь стекала по ее груди, стекала с кольчуги желоб, по которому попадала в маленькую выемку в полу.

Волшебник ждал, пока багровый поток иссякнет, и когда последняя капля упала в темноту, Сонатер откинул крышку-воронку и достал из пола склянку, полную вампирской крови.

— Сотни иссохших кровососов пожертвовали собой не зря, — сказал он, глядя, как переливается в тусклом свете факелов багровая жидкость.

— Прекрати пугать меня своим мороком, Сонатер, — сказал я.

— Морок? — рассмеялся чародей и в одно мгновение оказался у меня перед носом. Свет факелов погас, оставив меня наедине с сумасшедшим колдуном. — Друг мой, вся вселенная — один сплошной морок! Не обязательно быть чародеем или призраком, чтобы понять это! Знаешь, что кричал на площади блаженного города Саффар пророк Дехадэш? «Мертвецы умирают! Мертвецы умирают!» Забавно, не правда ли? Этот пораженный безумием и чумой доходяга был чертовски прав! Даже мертвецы умирают.

Решетки пропали. Обстановка в ложном мире Сонатера менялась столь быстро и незаметно, что я не сомневался — это всего лишь морок. Столь сильный, что даже мудрость Тьмы не может прорвать завесу волшебства. Скорее всего, мы все стоим еще на пороге этого проклятого замка, и все эти сказки шепчут нам на ухо подручные призраки чародея.

Волшебник стоял за рабочим столом. Кипели реторты, реагенты смердели так, что хотелось зажать нос. Сонатер абсолютно не боялся стоять ко мне спиной. Он спокойно, сосредоточенно регулировал пламя и следил за показаниями приборов.

— Мертвецы умирают, — повторил он, — но не все так просто. Любой чародей, каким бы слабым и никчемным он ни казался, на самом деле частица Божества. Того самого, что создало все сущее, и волей своей движет мироздание. А вкупе с небольшой помощью земных сил, волшебник может достичь вечности.

Сонатер повернулся ко мне и скинул глубокий капюшон. Он был уродлив. В нем уже едва угадывались черты человека. Его череп вытянулся, из пасти торчали длинные вампирские клыки. Зверь, скрещенный с магом, породил чудовище.

— Да, воистину, мне была подана не та чаша, — сказал он, сложив руки на груди. — Никто из моих коллег не был рад моим результатам, сколь велики ни были возможности, что они давали. Они называли меня чудовищем, еретиком, сумасшедшим! Кем угодно, лишь бы оградить свое «доброе имя». От меня отвернулись все, даже мои ученики. И это был еще не конец. Мне стоило умереть всего один раз, чтобы понять, как я был неправ.

Исчезла лаборатория, улетучился смрадный запах реагентов. Я оказался в просторной спальне, усеянной дюжиной трупов. Они лежали на кровати, сидели за столами, смотрели в окна бездушными, пустыми глазами. Сонатер склонился над очередной своей жертвой, впившись зубами в белоснежную шею горничной. Она не сопротивлялась.

— Половину всей своей жизни я изучал твое племя, — сказал другой, настоящий Сонатер, стоящий у моей левой руки. — Но это не принесло мне ничего, кроме паршивого вечного голода. Я забросил исследования, и в конце концов поддался Зверю. Он исказил меня, и пока не стало слишком поздно, я взял себя в руки. Быть вампиром не значит быть бессмертным. Я устал от этого. И сделал то, что считал близким к своей цели.

Иллюзорная фигура волшебника рассыпалась.

— Развоплощение.

Пустота вновь охватила меня. Сонатер уже не пытался сокрушить мое воображение иллюзиями. Он просто исчез.

— И, увы, даже дух не бессмертен, — заговорила тьма. — Он тянется целую вечность, из века в век, по крупицам теряя себя. И вот, спустя тысячи лет, я остался один в этом чертовом замке, запертый в этих стенах, как псина в конуре. И жду, пока какой-нибудь увалень с божественной волей за плечами придет положить конец этому безумию. И как назло, именно Зеин присылает тебя сюда и просит О ПОМОЩИ!!!

Клыкастая тень бросилась ко мне.

— КАКОЕ ПРАВО ОН ИМЕЕТ О ЧЕМ-ТО ПРОСИТЬ?! — Его смрадное дыхание ударило мне в нос. — ТЫ ПРИШЕЛ СЮДА ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО ТЕБЕ ТАК СКАЗАЛИ. ТЫ — ТУПОЕ ЖИВОТНОЕ НА ПОВОДКЕ ГНИЮЩИХ АРХИМАГОВ!

— Ты прекрасно знаешь, что это не так, — ответил я.

— Я знаю, — прошипел он, — да знаю! Все прекрасно знаю! Я видел, ВИДЕЛ! И ты тоже.

— Так почему ты противишься мне?

— Потому что я не верю в фатализм. Не хочу верить. Не могу! Какого черта я должен бросать все, что нажил кровью и болью, ради чьей-то великонебесной прихоти? Скажи мне, вампир, почему?

— Ты видел конец, Сонатер.

— ДА, ЧЕРТ ПОБЕРИ! ВИДЕЛ! И что с того? Ты тоже видел всю ту чехарду, что затеяли Боги! Но кто же ты есть? Какое ТЕБЕ дело до того, что будет с этим миром? Какая тебе с того выгода?

— А какой тебе прок от твоих знаний, чародей? Кому нужна твоя мудрость в мире, где никто не может умереть своей смертью? Никто не нуждается в твоей вечности. Я принесу этому миру то, что ему необходимо. Очищение.

— Ты ничего не сможешь изменить в Белендаре, вампир, пока я тебе не позволю это сделать!

— Так чего же ты ждешь? К чему эта исповедь? Тебе настолько наскучило одиночество, что ты решил поведать о своей боли первому встречному?

— Хочешь играть по-настоящему? — усмехнулся чародей. — Что ж, будь по-твоему, вампир. Начнем.

Сонатер встал передо мной, прислонив к себе Эльзу. Пророчица стояла смиренно, покорно. Какая дешевая ложь. И все же...

— Давай, Еретик! — смеялся колдун. — Покончи с этим! Убей нас!

— Все еще показываешь фокусы, Сонатер?

— Хочешь проверить? Давай, Еретик, ты же знаешь, чем все закончится! Или ты боишься подлога? Попробуй спасти ее, ведь я уже убил ее хранительницу.

Убить, или нет? Слишком простой вопрос, но трудно вынести решение. Мудрость Тьмы говорит, чтобы я был спокоен и шел своей дорогой. Но я не могу просто так убить эту девочку. Пусть даже и иллюзорную.

— Что, все не решишься? — издевался волшебник.

Его тощие руки скользили по ее горлу, когти оставляли царапины на белой коже. Он всего лишь забавляется, шепчет Мудрость. Но я стою на месте, выжидаю. Поняв, что я не сделаю ни шага, чародей разочарованно улыбнулся и сказал:

— Ну как знаешь.

Длинные пальцы вонзились в шею, и алый фонтан ударил в меня. Невесомый, сухой, безвкусный. «Ловкость рук, и никакого мошенничества», вспомнилась древняя фраза. Кто бы ее впервые не произнес — огромная ему благодарность.

— Что ж, ты крепче, чем кажешься, Еретик, — прорычал маг. Тело Эльзы исчезло, не оставив после себя ни следа. — Тогда усложним игру. Ты разучился убивать беззащитных. Значит, я дам тебе его. Ребята!

Тени, словно из болота, вытянулись Ангус и Башет. Пошатываясь на непослушных ногах, марионетки Сонатера взяли за оружие.

— Убейте этого выскочку.

Широкое лезвие просвистело передо мной, я легко ушел от этого мощного, но неуклюжего выпада. Настоящий Башет дрался куда как яростней, чем эта подделка. Я выхватил Душегуба и нанес удар. Чучело воина успело поставить блок.

Словно дожидаясь этого момента, Ангус вознесся вверх и растопырив широкие алые клинки набросился сверху. Пришлось вновь уйти во Тьму, но иллюзия Сонатера все же успела задеть мое плечо. Кожу обожгло кипящей ядовитой кровью, кафтан яростно зашипел, но спустя мгновение рана затянулась.

Марионетки словно проснулись. Клинки свистели с обеих сторон, воины обходили меня по кругу, блокируя и отклоняя мои атаки, пытаясь выбить оружие из рук. Кровосос тоже пошел в дело, парируя выпады «Ангуса» и отводя клеймор «Башета». Все это время чародей молча наблюдал за схваткой, кривя лицо с каждым лязгом мечей.

Зачарованные клинки выли и стонали, все больше распаляясь и готовясь высвободить заключенную в них ярость. Кровосос ускорялся, нанося укол за уколом, обнимал сталь противника, подбираясь все ближе к плоти врага. Душегуб не уступал своему малому собрату. Изогнутое лезвие несколько раз полоснуло призрачных воинов по рукам. Иллюзия крови прыснула в пустоту.

Волна силы хлынула в мое тело. Одни выпад, и зачарованные клинки пробili оборону марионеток. Иллюзорная плоть напоролась на сталь и растаяла в воздухе.

Грозный рык донесся сзади, тяжелое тело прижало меня к матовой земле. Позабыв о нашей дружбе и узах крови, Фрегри раскрыл пасть, обнажив ряд желтых, острых зубов. Кровопийца взмыл наугад, всадив серебристое жало в глаз разъяренному варгу. Пес завертел мордой в приступе жгучей боли.

Я вскочил, ударив ногами в голову Фрегри, отбросив его на пару шагов от себя. Этой поблажки судьбы мне хватило. Душегуб просвистел отходную молитву, и изогнутое лезвие обрушилось на шею зверя. Он рубил кости и рвал древние мышцы, раз за разом впиваясь в плоть фальшивого друга, пока массивная голова варга с тяжелым шлепком не упала на невидимую землю.

— Это все, на что ты способен, чародей? — сказал я, глядя на него.

Его рожа скривилась в подлой ухмылке. Он показал мне не все свои трюки. Никогда не доверяй магам, даже своим мыслям о них.

Сонатер ушел в тень своего могущества, оставив меня одного в противоестественной пустоте. Я ждал ответа. Но волшебник то ли задумался, какое испытание подкинуть мне еще, то ли просто запер меня в темнице морока. Долго я ждал, пока чародей произнесет хоть слово, но Сонатер все молчал.

Тихая злость просачивалась в мою душу, все плотнее вплетая в нее свои жгучие нити.

Душегуб и Кровопийца смеялись, одобряя распалившийся дух своего хозяина. Они следили за окружающей тьмой, выискивая противника несуществующими очами.

— Ты, случаем, не уснул, Сонатер? — зарычал я. Нити гнева все сильнее стягивали мое нутро, пальцы играли на рукоятках клинков. — Хочешь продержаться меня здесь вечно? У тебя скудное воображение, «чародей»!

Сонатер не отвечал. Чем бы он ни был занят, ему уже было не до меня. Не позволю. Невежливо так обращаться с гостями. Ты получишь по заслугам, пожиратель мертвечины. За всех вампиров, что окончили свой путь в твоих пропахших гнилью чертогах, за моих друзей, не оставивших меня одного в трудный час. Да, они мои друзья, чародей! Я знаю, ты слышишь мои мысли, так слушай внимательнее. Сколь бы великой ни была твоя мнимая сила, ты все такой же человек, каким был тысячи лет назад. Ты не бессмертен, ты сам говорил мне об этом. А все, что боится дневного света, обязательно вернется во тьму. От нее ты не укроешься, жалкий призрак! Ты лишь тень собственного величия! Не хочешь помогать мне? Да будет так! Только знай — ты сам сделал свой выбор.

Прощай, ублюдок!

Черные плети потянулись в вязкую пустоту вокруг. Мое естество распадалось, расплывалось в первородной Тьме, позволяя ей достичь брэнного мира через дыру моей души.

Всепожирающая мать вбирала в себя чары мертвого волшебника, забирала их назад, к источнику всех вещей. Окружающая чернота зашипела, заискрилась разрываемыми нитями Эфира. Сквозь шрамы и царапины иллюзии пробивались окна в настоящий замок Сонатера. То тут, то там мелькали ржавые скорлупы доспехов, куски настоящего камня под ногами, огромная люстра, лишь чудом не рухнувшая со своего шаткого места... Лица моих спутников. Они лежали без сознания, свернувшись на холодном камне, словно в предсмертной судороге. Мудрость говорила, что они живы, кровь не покинула их тела, и словно подтверждая слова безликого шепота, они сжались в комок, пронзенные иглами колдовской боли. Фрегри тихо поскуливал, подгибая под себя грязные лапы, Башет и Ангус пытались открыть глаза, но лишь шарили непослушными пальцами по дрожащему полу. Лишь Эльза, обняв скорчившуюся в муках Клариссу, улыбалась. На ее лице сияла тихая радость.

Руки Тьмы тянулись все глубже, впиваясь черными зубами в жилы замка. Древний камень содрогался, изрыгая из нанесенных ран призраков погибших людей. Они боялись, кричали, благодарили и бранили меня, осыпали благословениями и проклятиями. Но каковы бы ни были их слова, они покидали свое ненавистное жилище, и Сонатер начал слабеть.

Его могучий крик доносился со всех сторон, призывая мертвых воинов на защиту своего господина. Эфирные клинки витали в пустоте, рубя и кромсая пути Тьмы, лезвия душ входили в мою распавшуюся плоть.

Бесполезно.

Тьма желала поглотить расплывшуюся мерзость, вернуть ее в бездну вечного забвения. И я, ее верный сын, слуга, проводник ее Воли, сотрясаю это место со всей силы. Призраки устремляются к моим друзьям, и эти попытки тоже не давали плодов. Бледные мечи и копья ломаются о нерушимый покров стихии, воины негодуют. Они в панике. Кнуты Сонатера погоняют их крушить защиту пришельца голыми руками, и они безоговорочно исполняют безумный приказ. Руки, зубы — все идет в ход. И все ломается о черную пелену, подвластную лишь мне одному.

— Ты не спрячешься от меня, Сонатер! — говорю я, и моим устам вторит сама Тьма. —

Где бы ты ни был, я разнесу это место на куски и выужу тебя из последнего камня! Почему ты молчишь, Сонатер? Отвечай! Выходи на честный бой или сдавайся! Ты не убежишь от своей судьбы!

Чародей кричал, рвался перехватить черные стебли, опутавшие его обиталище. Кровь, пропитавшая замок от фундамента до вершины главной башни, кипела, рвалась наружу. Я внутри самого Сонатера. Как паразит, пожирающий своего хозяина изнутри. Щупальца пробивают мебель и стены, впиваясь в текущие алые жилы и вытягивая жизнь волшебника.

— Тебе еще не надоело? — кричу я, не сдерживая бурлящей, жгучей ярости. — Подумай о своем наследии! Если так пойдет и дальше, ты умрешь вместе с ним, без славы и пользы! Ты этого хочешь? Противостоять року и погибнуть от его рук, лишь бы отстоять свою правоту? Одумайся, чародей!

— НИ ЗА ЧТО!!!

Рухнула древняя люстра, рассыпав хрусталь по истлевшему ковру. Шкафы и оружие, все, что висело на стенах, с грохотом сыпалось на землю. Стены между залами дрожали, осыпаясь и расходясь по все более заметным швам. Еще минутой, и Ашеран рухнет мне на голову.

Мудрость не бросает меня. Она подогревает ненависть, питается болью и страданиями мага, посмеявшегося бросить ей вызов. Сонатер строптив, и он платит кровью за свое упрямство. Так и должно быть. Все существующие страдания колдун переживает в эту самую минуту. Его пронзают тысячи игл, пламя собственной жизни сжигает его разум, и силы покидают его с каждой секундой. Он мучается, но стоит до конца. Сонатер не верит в фатализм, даже такой, что лично убивает его собственными руками, не чураясь причинять такую боль, что одно мгновение ее убило бы обычного человека.

— Сдавайся, Сонатер! — на два голоса кричим мы.

— НЕТ!!! НЕТ!!! — стонет распадающаяся на куски громада.

Потолок просел, рассыпаясь и вываливая огромные куски камня, верхние этажи готовы были развалиться под собственной тяжестью. Сонатер кричал и стонал, из последних сил сдерживая непреодолимую мощь Тьмы. Замок терял силу, которой сдерживался все годы до моего прихода. Сдавайся, колдун, будь благодарен!

— Ты не можешь терпеть это вечно. Одумайся. Ты знаешь, что произойдет дальше, прекрати сопротивляться.

Замок разрушался, где-то снаружи обвалилась одна из башен. Входная дверь треснула и разлетелась на куски, впустив внутрь слабые лучи сумеречного света.

— ХОРОШО!!! ХВАТИТ!!! — закричал колдун. — Я СДАЮСЬ!!! Только прекрати это!

Тьма прислушалась к словам Сонатера, проникла в его разум. Волшебник сдался, повинаясь неизбежному. Теперь ей здесь нечего делать. Она уходит обратно, вглубь моего сердца, оставляя меня и моих спутников наедине с поверженным монстром.

Первым очнулся Ангус, держась рукой за больную голову и оглядывая царящий вокруг беспорядок.

— Черт побери, что это было? — прошептал он.

— Вашу мать... моя голова!.. — прохрипел Башет, поднимаясь на ноги. — Что, это конец?

— Нет, брат, — сказал я, убирая оружие в ножны. — Это только начало. Верно, Эльза?

Пророчица, хитро улыбаясь, села на колени, похлопав еще не пришедшую в себя Клариссу по спине.

— Старый Барон в шаге от правды, — сказала вещунья. — Над его головою ждет прозрение. И он пойдет туда и принесет миру то, чего он заслуживает.

Фрегри поднялся на негнущихся лапах и посмотрел на своего лучшего друга. Он, медленно ступая по каменному крошеву, приблизился ко мне и лизнул меня в лицо.

— Ты тоже веришь в это, друг? — спросил я.

Пес тихо заскулил и завилал хвостом. Он вымотан, но пойдет до конца. Настоящий друг никогда не бросает в беде, даже перед лицом гибели.

— Спасибо, дорогая, я сама могу встать, — сказала Кларисса, пытаюсь встать, но все же обхватила рукой шею пророчицы. — Похоже, мы пришли?

— Почти, — сказал я.

Мимо нас проشمыгнула тонкая алая нить. Она тускло сияла в сумерках, вздымаясь вверх по разрушенной лестнице. Сонатер не говорил прощальных речей. У него не осталось на это сил. Последний жест мертвого мага, почти что сородича — указать дорогу к тому, что так жаждут его гости.

— Что ж, пошли?

Винтовая лестница была достаточно широкой, чтобы вместить всех. Даже Фрегри, зверь немалых размеров, аккуратно плелся позади нас, пытаюсь не упасть вниз. С каждой пройденной ступенькой мы взмывали в небеса, следуя за красной нитью. Неяркий свет из искалеченных окон отражался на броне и клинке Башета.

Где-то вдалеке уже окончилась битва. Защитники пали, в этом нет сомнений. Они боролись против иной силы, что своим напором просто смела отважных стражников. Огромные ворота были распахнуты, и бескрайнее черное море силуэтов медленно вливалось в границы стены.

Мы шли, не говоря ни слова. К чему это теперь. Каждый думал о своем. Лишь я и Эльза знали правду о том, что встретит нас наверху.

Пустая комната открылась нам. Одно окно, из которого тихо дул ветер высоты. И черная книга, покоящаяся на одиноком пьедестале.

— Книга крови! — усмехнулся Ангус, подойдя к ней. — Вот это удача, так удача!

— Книга? — сказал Башет. — Мы перлись сюда ради какой-то чертовой книжки?

— Замолчи, невежа, — огрызнулся Барон. — Такие же книги хранятся в библиотеках Черного совета. Это записи самых сильных вампиров о природе Путей. Если кто-то сможет прочесть такой фолиант, он обретет все знания, что вложил туда старейшина! Боги щедры к тебе, Бральди, что бы они ни замышляли!

Я взял в руки увесистый том, переплетенный черной кожей. Кожей сородичей. Внутри него пульсировала кровь, каждая страница этой книги была пропитана чей-то жизнью.

Черный переплет откинулся, и я увидел...

Пустые страницы.

Сотни пустых страниц, пропитанных кровью вампиров, загубленных, чтобы вписать туда тайны наших сил. Похоже, Сонатер оказался не так щедр, как мне привиделось. Книга надежно прятала свои секреты.

— И это все? — удивилась Кларисса, прошагав ко мне. Эльза помогла ей пройти, и вампиресса посмотрела в фолиант. — Не верю. К ней должен быть какой-то ключ. Не бывает загадок без ключа.

— Верно, — согласился Ангус. Фрегри едва поместился в тесной башне и теперь

утыкался носом в руку Барона. Тот лишь брезгливо одернулся и продолжил. — Книги крови требуют жертву за право прочитать их. Нужна связь. Их нельзя прочитать глазами, никто, кроме вампиров не может воспользоваться их мощью.

— И какова цена знаний?

— Капля крови.

— Всего-то? — удивился Башет. — Так в чем проблема? Давайте, вспарывайте мне руку, я готов!

— Оставь свою кровь при себе, Башет, — отмахнулся Ангус. — Если в ней заложен что-то, не предназначенное для неподготовленного разума, она убьет тебя раньше, чем ты успеешь пикнуть. Нужен подготовленный сородич. И среди нас такой сородич только один.

Все посмотрели на меня. Лавина чувств читалась в их тяжелых взглядах. Тревога Башета, нетерпение Ангуса, жалость Клариссы, молчаливое доверие Эльзы. Даже Фрегри чего-то ждал от меня, подняв острые уши. Все они отдали свою судьбу в мои руки. Ждали вердикта непрошеного судьи.

Последний шаг. Прочитать эту книгу. Пожертвовать часть себя, чтобы раскрыть то, что спит в глубинах крови. Страницы зовут меня, просят. Всего лишь каплю. Одну маленькую каплю за целый мир, что я открою в себе. Разве это так много? Одну каплю.

Мне не жаль и двух. Я пронзаю ладонь собственным ногтем и смотрю, как медленно скатывается по руке ключ к туманному будущему. Мудрость Тьмы велика, но она не делает меня всеведущим. Пророчица, или то, что стояло за ней, подарила мне осознание. Всего один неоспоримый факт. То, чего так и не смог принять Сонатер.

Все имеет конец. Не бывает вечных и нерушимых, бессмертных и прекраснейших. Жизнь утекает меж пальцев, гибель приходит к героям и беднякам одинаково, не спрашивая разрешения и ни с кем не советуясь. А красота увядает. Все в мире тленно. Все уходит туда, откуда появилось на свет. Чтобы бесследно исчезнуть в пустоте времен. А затем вернуться чем-то иным.

Стать иным.

Алая капля бросилась навстречу страницам. Она жадно тянулась к ним, все ближе и ближе, пока не коснулась их. Багровая клякса расплзлась по пергаменту, впитываясь в маленькие, едва заметные жилки. Я стану иным.

Отряд наемников во главе с Фабианом Черной Кровью пробрался в самое сердце проклятых земель. Некрополь оказался неприветливым, но на удивление тихим местом. Толпы древних мертвецов, населявших нерушимые стены города, были настолько погружены в свою вечную боль, что спрятаться от них не составляло труда. Выйти из тени, вонзить кинжал в истлевшую от времени голову, спрятать смердящее тело, и любая дорога была свободна для пришельцев.

Вечные тучи, затмевающие солнце, были только на руку Аннукару. Больше не приходилось мучиться и позволять чародею впитаться в его острыми иглами волшебства, чтобы спастись от губительного света. Корвус, Мани, Крепыш Барри — всем им не по нраву замысел Фабиана. Но они идут, чувствуя, что дорога назад им светит только тогда, когда колдун добьется своего. И лишь Кларисса глядит в бесконечные сумерки с надеждой. Вот она — цель, так близко, что стоит лишь руку протянуть. И тогда они будут вместе, уставшая от своего ремесла наемница и исцеленный от вечной жизни вампир. Аннукар не верил Фабиану до конца, но ради нее он был готов пойти на этот безумный шаг. Впервые за

свою долгую жизнь он делал что-то по-настоящему важное.

Прячась в тени, перебегая от одного каменного дома к другому, отряд пробирался к самому центру Некрополя. Как говорил Фабиан, история не сохранила имени этого вечного, нерушимого строения, и потому он называл его просто Храм.

Крепыш Барри рычит и стенает, еще неделю назад у него кончилось пиво. Могучие руки дрожали на рукояти кувалды, его ладони чесались от ожидания схватки, а голова раскалывалась так, что зелья и колдовство командира лишь на несколько часов облегчали страдания здоровяка. Ему не нравились прятки, он хотел драться! Но у Фабиана были другие планы.

Корвус делает почти всю работу в одиночку. Он крадетсЯ между черными, гладкими стенами домов, словно змея, медленно и неотвратно приближаясь к своим врагам. Один выпад копья — и мертвец с тихим вздохом улетает во тьму, где его уже поджидает нож в смуглой руке. Воин непрестанно молится духам, предкам и богам, чтобы они вступили в схватку на его стороне в час последней битвы. Странный все же народ. Единственной ценностью они считали достойно умереть в бою, а после смерти продолжать Вечную охоту. Что это такое, понимал лишь сам Корвус. Никто и не спрашивал.

Как и Барри, Мани оказался не у дел. Его самострелы, сколь полезны они ни были в открытом бою, для скрытного проникновения не годились. И как здоровяк, стрелок чесался и нервничал, поглаживая свое оружие, не зная, куда себя девать. Он еще слишком молод, и потому рвется в бой, но пока лишь отсиживается за спинами своих товарищей.

Кларисса прикрывает Фабиана. Его чары укрывали отряд от внимания мертвецов, но ему нельзя было терять концентрации. Этим и занималась беловолосая воительница, ограждая волшебника от нападения противников.

Лишь один из них не боялся ходить на виду плотоядных чудовищ. Аннукар плыл в сером небе невесомым облаком, высматривая удобную дорогу. Ему не были страшны удары и укусы мертвецов, он свободно парил над их головами, утоляя свой голод останками измученных душ. Они были слабы и не могли насытить его полностью, потому вампир убивал нескольких из них, затягивая во Тьму опустошенные останки. Мертвецы ничего не замечали, и путь был свободен. Остальное — дело Корвуса.

— Главная площадь кишит тварями, — сказал он, когда отряд подошел к подножию Храма.

Плотная толпа мертвецов окружала его кольцом гнили, застыв, словно памятники великому упадку некогда благословенных богами мест. Они устремили глаза к вершине пирамиды. Снопы искр и молний вырывались из нее, зелеными змеями впиваясь в серые облака.

— Здесь так просто не пройти, — сказал чародей, потирая виски. От напряжения его голова раскалывалась не хуже, чем с похмелья Крепыша Барри. — Аннукар, есть идеи?

Вампир влетел черным туманом в разбитое стекло. На его лице стояло такое недовольство, будто ему предложили съесть корзину лимонов за одну колбу крови. Неравный обмен.

— Других входов в Храм нет, — сказал он, — придется прорываться с боем.

— Но ведь это не выход, — сказала Кларисса. На ее мече засохла вонючая жижа, раздражая обоняние и нервируя соратников. Но если так рассудить, Некрополь, огромный могильник по природе своей, исходил миазмами смерти ничуть не хуже испачканного оружия и брони наемников. — Фабиан, всегда есть другой вход, ты сам все время это

твердишь!

— Да ну их к черту! — прокрипел Барри. — Пустите меня, я им всем бошки порасшибаю! Заодно и пробежите.

— Не спеши в страну Вечной охоты, друг, — сказал Корвус, — духи не любят спешки.

За гладкой, отполированной до блеска стеной шла мрачная процессия. Мертвецы ходили по кругу, словно вели дозор вокруг своего святилища. Одни стражники сменяли других и продолжали пялиться на искрящуюся пирамиду.

— Погодите, есть одна идея! — приглушенно воскликнул Мани, сунув руку под плащ. В его ладони были зажаты две жестяные колбы со взрывчаткой. — Берег на крайний случай. Если разбросать их в разные стороны, они сбегутся на грохот, как мотыльки на огонь. Они ведь достаточно тупы для этого, Фабиан?

— Остается надеяться, — сказал волшебник, взяв у него взрывчатку. — Надо подняться как можно выше и закинуть ее в разные концы города. Аннукар, сможешь?

Вампир недовольно ухмыльнулся. Быть ходячей бомбой — незавидная участь. В последнее время у рабовладельцев появилась прелестная привычка: если дела шли достаточно плохо, они бросали свои корабли, нацепив на «груз» перевезя с шипящими склянками. Аннукар прекрасно представлял себе, что с ним случится, если он сделает что-то не так. Тьма не спасет его от вспышки пламени, и никто не сможет сшить его по кускам. Не всякому некроманту такая работа по силам.

— Что с ним происходит? — спросила Кларисса, дотронувшись до неподвижного тела Бральди. Он был холоден, как лед, лишь вяло трепещущая нить крови, тянувшаяся от его ладони к загадочной книге, говорила о том, что пока ему ничего не грозит.

— Книга проверяет его, — сказал Ангус. — Если все пойдет как надо, скоро в нем начнет просыпаться сила.

— И что будет, когда она проснется? — Башет недоверчиво посмотрел на Барона.

— Зависит от него, — ответил вампир. — Что угодно, от спячки до безумия. По крайней мере, я так думаю. Черный совет не разбрасывается своими секретами, что бы там ни говорили всякие обкурившиеся кровососы.

— Барона не проверяют, — сказала Эльза. Кларисса недоуменно посмотрела на нее. — Он вспоминает прошлое. Не в крови его сила.

— Ох, не у добру это, — вздохнул Башет. — Что ж, может, присядем пока? Что-то есть захотелось, аж зубы сводит.

Вечная стража разбежалась, едва грохот взрыва разнесся по широтам Некрополя. Отряд сломя голову побежал по огромной лестнице в портал Храма. Статуи сфинксов и древних богов безучастно смотрели на них, не приглашая и не прогоняя гостей. Если им суждено было войти в эти чертоги, значит, так тому и быть.

Аннукар сорвался с высоты, подлетев к своим друзьям. Сапоги звонко стучали по гладкому полу Храма, непроглядная темень застилала глаза. И когда путники миновали главную арку, за их спинами рухнула черная стена, отрезав их от армии мертвецов. Но никто не был этому рад. Слишком мрачные тайны хранились в стенах этого здания, неизвестность и мрак давили сильнее, чем все орды ходячих мертвецов снаружи.

— И что дальше, колдун? — спросил Крепыш Барри, опустив кувалду на засыпанный пылью пол. Его грудь бешено вздымалась от непривычной для бойца пробежки. Без

«эликсира» Крепыш таял на глазах.

Не дожидаясь ответа Фабиана, стены храма озарил яркий голубой свет. Он полоснул беспощадным лезвием по глазам путников и через несколько мгновений притих, сделав картину более ясной.

В монолитном камне сияли изображения былых времен. Никто не мог расшифровать эти иероглифы, даже Фабиан смотрел на них с неподдельным удивлением. Он что-то бормотал про себя, проводя пальцами по гладкой стене.

— Ну что там, колдун? — нетерпеливо прорычал Барри.

— Ничего неожиданного, — ответил Фабиан. — Всякий, кто войдет в эти святые чертоги, познает кару стальных демонов. Лишь наследник Первого Бога воссядет на трон своего отца и познает тайны жизни и смерти.

— Ты уверен? — спросил Аннукар.

— Насколько позволяют мне знания.

— Тут, случаем, не сказано, сколько поворотов налево до ближайшего золотохранилища? — усмехнулся Мани. Никто не оценил его шутки. — Что? Мы же должны знать, куда идти дальше!

— Все коридоры храмов Шанура ведут в центральный зал. Если только этого места не коснулись веяния общей архитектуры.

— Какие веяния? — Барри непонимающе поднял массивные брови. Раздался гром, и до обоняния отряда донеслись ужасающие миазмы. — Простите, ребята, с солонины и беготни меня всегда так крючит.

— Черт, нашел время портки пачкать, жирдяй! — рывкнул Мани, зажимая нос. — Фабиан, веди уже куда-нибудь! Подыхать так с музыкой, а не газами этого толстозадого ублюдка!

— Ты кого ублюдком назвал, вошь нечесаная? — зарычал здоровяк.

— Успокойтесь, друзья, — невозмутимо произнес Корвус, опираясь на залитое гнилостной жижей копье. — У нас еще будет время умереть в ближайшем кабаке. А сейчас — соберитесь. Веди нас, чародей.

Фабиан молча кивнул и пошел куда-то в темноту. Отряд двинулся за ним. Стоило им пройти дальше, узоры на стенах гасли, открывая взору путников новые сюжеты и повороты. Волшебник не отрываясь следил за плывущими вслед надписями, следуя своему, одному ему понятному маршруту.

Много раз по пути им встречались огромные металлические фигуры, словно вросшие в ниши между окончаниями настенных сюжетов.

— Что, это и есть стальные демоны? — Барри заметно поежился. — Знатные ребята. Малышка Бри вряд ли такое осилит.

— Если мы все сделаем правильно, нам не доведется познакомиться с этими истуканами поближе, — сказал Фабиан. — Шануры любили строить ловушки на пути к гробницам своих царей, чего не скажешь о местах богослужения. Наверняка они считали, что боги сами покарают нечестивцев, посмевших сунуться в святое место.

— И они покарали весь город, — закончил Аннукар.

Фабиан ошибся. Это место кишело ловушками. Стоило наемникам прикоснуться к невидимой плите, мертвая тишина Храма разразилась нестерпимым лязгом. Из стен и потолка один за другим на стальных нитях спустились металлические пауки. Извергая

смертоносные лучи, плавящие древние стены, они набросились на них.

Стальные демоны, спавшие в Храме целую вечность, ожили, атакуя пришельцев и загоняя их вглубь пирамиды.

Самострелы Мани наконец нашли свою цель. Но оказались бесполезны против стражей Храма. Свинцовые пули просто отскакивали от древнего металла. Клинок Клариссы, Малышка Бри лишь сбивали их с ног, не оставляя на искусственных членах даже царапин, а копье Корвуса переломилось пополам при первой же атаке.

Фабиан сдерживал смертоносные лучи своей магией, но и его силы были не безграничны. Щит света трещал и искрил, прикрывая соратников, но проседал все сильнее с каждой секундой. Лицо чародея покрылось потом, сосуды на висках и руках вздулись от напряжения.

Сколько они бежали, Аннукар не считал. Он использовал всю силу, что таилась в его немертвом теле, опрокидывая стальных демонов и срывая стальную паутину. Кларисса бежала перед рядом с ним, крича от ярости и боли. Алый луч полоснул ее по плечу, расплавив кольчугу и прочно скрепив металл с плотью.

Воительница на ходу глотала обезболивающее варево, которым их щедро снабдил Фабиан, но оно не помогало. Улучив задержку между атаками врага, Аннукар вскрыл вену и приложил ее к губам возлюбленной. Она жадно впилась в алую струю. Ее рука затянулась уродливым шрамом, но боль прошла и Кларисса с новыми силами ринулась в бой.

Стальные демоны загоняли их в ловушку. Воинам нечего было противопоставить древнему оружию, кроме отчаянной борьбы загнанного зверя. И они шли туда, куда вел их непрекращающийся огонь красных глаз.

Бральди трясло. Его лицо исказилось в нескончаемой ненависти к невидимому противнику.

Кларисса попыталась дотронуться до него, но Ангус тут же одернул ее.

— Не мешай ему, — сказал он, держа ее за руку. — Он выдержит.

— Ты в этом уверен? — спросил Башет.

— У него нет выбора. Если мы прервем его сейчас, он сойдет с ума.

— Мы ничем не можем ему помочь? — В глазах Клариссы мелькали... слезы. Помимо ее воли они стекали по щекам вампирессы. Ей было невыносимо больно смотреть, как страдает этот жестокий, напыщенный, самодовольный зверь. Противоречия раздирали ее изнутри.

— Ничем, — отрезал Барон.

Кларисса вернулась к Эльзе, сев рядом с ней, и прислонилась спиной к холодному камню башни. Ожидание было невыносимым. Огневолосая шептала ей, что беспокоиться не о чем, Старый Барон победит, обязательно победит. Он покажет миру новый путь, и не стоит проливать слезы попусту. Скоро Кларисса возрадуется.

И ей ничего не оставалось, кроме как доверится пророчеству Эльзы.

Она лежала на его руках, холодная и молчаливая, как он сам. Белоснежные пряди подернулись алым. Все вокруг было залито алым. Корвус, Мани, Хассер, Крепыш Барри... Все были мертвы.

Стальные демоны смотрели на него с потолка сияющими красными глазами, готовые в любой момент с грохотом выпустить всепрожигающие лучи навстречу неприятелю по

команде нового повелителя.

— Что вы понимаете в древностях! — смеялся колдун, глядя на бывшего соратника безумными глазами. — Смотри, Аннукар, смотри! Вот он, корень всех проблем! И ключ к нашей победе!

В ней не осталось ни капли крови — не проблема, он мог вернуть ее к жизни. Но она бы не простила этого. Бытие вампира... он хотел избавиться от безвременья, чтобы почувствовать себя кем-то другим, не монстром, что прячется в ночи, желая насытиться каплей чужой жизни. Живым человеком! Разве он помнил, что это такое — за сотни лет любые воспоминания могут потускнеть и кануть в небытие.

— Смотри, Аннукар, друг мой! — не унимался итенлиец. — Мы не зря проделали этот весь этот путь! Теперь мы — короли нежити! Повелители мертвых! Ни одна страна не устоит перед напором наших армий!..

Кларисса... Куда делся румянец на твоих щеках... В твоих землях очень мягкое солнце. Ты обещала показать мне его, когда все закончится. Когда я стану человеком. Это была ложь, Кларисса, сплошная ложь, все, до последнего слова! Проклятый колдун поманил меня наживкой, словно какого-то зверя, пообещал избавление от Жажды! Лжец! Проклятый лжец!

— Эй, вампир, ты слышишь меня?! — выкрикнул маг. Он сидел на широком металлическом троне, словно бог войны, демон, насытившийся жертвенной кровью. Прозрачные змеи с носами-иглами обвивали его тело с головы до ног, впиваясь в измазанную грязью и потом плоть, наполняя жилы своими странными жидкостями. Колдун не чувствовал боли, ликование окончательно убило в нем остатки разума. — Тебе больше не нужно бояться света! Там, где ты пройдешь, его просто не будет! Ты счастлив, друг?!

— Друг... — прошептал Аннукар. — Друг, хе... Друзья так не поступают, Фабиан.

— Брось, Аннукар! Посмотри на это с другой стороны! Теперь ты сам себе хозяин, ты волен идти, куда вздумается — ничто тебе не мешает, даже солнце! Но все-таки если тебе нужен стимул к существованию, вливайся в ряды моей армии. Она стоит там, за стенами, готовая к бою, стоит только приказать. А Стальные стражи! Кто сможет противостоять этим машинам?! Куда этим горе-технократам с их пушками и самострелами! Ты же видел, даже магия для них не помеха, древний металл крепче самого времени!

Вампир медленно положил бездыханное тело возлюбленной, поднялся с колен. Отбросил посеребренный меч, теперь он был абсолютно ни к чему, и выпустил хищные клыки на всю длину. Тусклый свет надписей, начертанных в воздухе непонятым волшебством, отразился в острых когтях кровопийцы. Монстр в человеческом обличье медленно сбрасывал с себя фальшивую шкуру.

— Ради чего, Фабиан? — прорычал зверь. — Объясни дураку, зачем ты все это устроил?

— Ты и в правдудурак, — засмеялся колдун. Еще один змей вонзился ему в затылок, и Фабиан замолк, на мгновение закатив глаза. — Сколько лет ты таскался по свету? Что ты хотел найти? Лекарство от проклятия, или просто тянул свое пустое существование?

От людских черт не осталось и следа. Налитые кровью глаза сияли огнем из-под массивных бровей. Огромные уши задралась вверх, улавливая малейшие шорохи, издаваемые техникой древнего Шанура. Тугая кольчуга треснула, не выдержав напора рвущейся наружу вампирской плоти.

— Теперь у тебя есть смысл жить! — прохрипел Фабиан. — Присоединяйся ко мне. Ты знаешь, на что способна магия древних, сам Некрополь — воплощение их мощи! Я могу оживить Клариссу. Оживить всех — Мани, Корвуса, Малыша Билли...

— Крепыша Барри!!!

Сорвавшись с места серой молнией, Аннукар облачился в доспех из крови и Тени. Всего один прыжок отделял его от убийцы...

Стеклянная скорлупа опустилась перед ним. Черные когти яростно били по преграде, не оставляя на ней ни следа.

— Не будь так наивен, друг! — едва слышно отозвался волшебник, смеясь над бесплодными стараниями обезумевшего вампира.

Аннукар не слышал его. Бой кулаков и лязг стекла заглушал для него весь мир. Стальные демоны заскрежетали, направив грозный взгляд в спину беснующемуся зверю. Длинные клювы наливались энергией, готовясь мгновенно обратить его в пепел.

— Кажется, ты хотел увидеть солнце? — донеслось откуда-то сверху. Мертвый, железный голос. — Что же, возрадуйся — твоя мечта сбудется!

Два демона выскочили из неоткуда. Стальные клешни сжались на лапах Аннукара, не давая ему возможности ударить еще раз. Они лишь похожи на людей, голова, руки, ноги, но внутри у них лишь пустота. Пустота и треск тысяч маленьких молний.

Отчаянный рев вырвался из его глотки, пронесся по залу, словно залп из тяжелой пушки.

— Только здесь и только сейчас, специально для тебя, — продолжал мертвый голос, — впервые за тысячелетия, Некрополь озарит свет божий! Уведите его.

Скрутив невольника, стражи понесли ревущего зверя по металлическому коридору прочь.

— НЕТ, НЕТ, НЕ ХОЧУ, НЕ НАДО, ОТПУСТИТЕ-Е-Е-Е-Е-Е!! ФАБИАН, ТЫ, СУ СЫН, Я ВЫРВУ ТВОЮ ГЛОТКУ СОБСТВЕННЫМИ ЗУБАМИ!!! ТЫ СЛЫШИ УБЛЮДОК?! ТЫ СЛЫШИШЬ МЕНЯ?!

— Доброго пути тебе, Аннукар! — донеслось ему в след. — Да смилостивятся боги нас твоей душой!

Гулкие шаги звенели по дороге, отсчитывая последние мгновения жизни вампира. Ярость и боль положили конец всему, что осталось в нем от того, кем он был раньше. Прочь человечность! Прочь! Прочь! Они не спасут меня! Не вернут ее! Фабиан! ФАБИАН!!!

Серое небо тихо взирало на него свысока. Где-то там, далеко внизу, у основания пирамиды, тысячи мертвецов смотрели на своего собрата пустыми бездумными глазами. Они ничего не понимали, лишь пялились в одну точку, сгрудившись, словно муравейник.

И тут небо вынесло свой вердикт. Раскаты грома озарили город, превратив несколько домов в пыльные развалины. Сотни горящих мертвецов бродили по разбитым мостовым, как факелы инквизиции, знамя и оружие в одном лице.

Аннукар рвался из последних сил, не оставляя желания вернуться и разорвать в клочья предателя. Но исполнить задуманное ему было не суждено.

Высота разверзлась, и яркий луч солнца осветил обреченного. Лишь краткий миг он увидел, что такое жизнь, куда уходят добрые души, куда так стремятся все бродящие под синим небом, и тихий ветер унес его прах в неведомую даль.

Боли пришел конец.

Но не наступил вожделенный покой. Аннукар не встретил ни богов, ни демонов. Никто

не захотел принять вампира в свои руки. Он витал в бесконечной пустоте, без чувств, сомнений и мыслей. Он застыл, забывая и засыпая в монотонном бытии.

И вдруг сквозь вечный сон начал прорываться зов. Сперва тихий, далекий, неясный, он нарастал с ужасающей силой, пока все сущее Аннукара не содрогнулось от грома, вырвавшего его из дремы. Его душу пронзил Свет, такой яркий, что хотелось зажмурить глаза, но он не мог.

— Аннукар, — сказал голос, — ты должен жить.

— Я... не хочу, — сквозь пелену онемевшего рассудка произнес вампир. — Я слишком долго пребывал на земле. Пришел и мой черед.

— Аннукар, ты должен жить, — громогласно заявлял голос Света.

— Я не хочу, — уже тверже заявил вампир. — Мой путь — страдание, и я останусь здесь, вдалеке от мира плоти и слез.

— Ты забыл о мести? — спросил голос. — Забыл о том, что сотворил с тобой Фабиан? Ты должен жить.

— Я устал от мести. Целую вечность я мстил всем подряд. Графы, вампиры, чародеи — я пролил достаточно человеческой крови. Оставь меня в покое, Свет. Верни меня в объятия моей матери. Она дарует мне забвение.

— Фабиан уничтожит Белендар, Аннукар. С твоей помощью он скует цепями вечной жизни весь мир. В том есть твоя вина.

— У мертвых нет вины, Свет. Кто простит грехи тому, кто ничего не может исправить? Или тому, кого наказал злой рок? Забвение — удел всего сущего, ты знаешь это не хуже меня. Оставь свои потуги и позволь мне следовать своей судьбе.

— Ты забыл свою возлюбленную, Аннукар? — все так же ровно и громогласно заявлял Свет. — Она следовала за тобой в огонь, пожертвовала жизнью, ради того, чтобы ты смог стать человеком. Она погибла напрасно?

— Она погибла, — сказал вампир, — и это все. Я ушел, она ушла — мы свободны. Если и есть на земле боги, то ей уже уготовили место в небесных чертогах. А может, она тоже болтается в бесконечной пустоте, как и я? Может, она совсем неподалеку? Так близко, что я мог коснуться ее и не заметить? Это пустые слова. Все идет так, как должно идти. Уйди прочь, Свет, оставь меня. Мне тяжело лицезреть тебя воочию.

— Она погибла, — согласился Свет, — но ее путь не окончен.

— Что? — сухо удивился Аннукар.

— Уже сейчас Фабиан убивает Белендар. Ему хватит сил, чтобы стереть с лица земли все живое. И оставить лишь мертвую пустыню, по которой будут бродить голодные монстры, схожие твоей природе. И она будет одной из них по его прихоти.

— Но... зачем? — Что-то странное проснулось в душе вампира. На какое-то невидимое мгновение он вновь почувствовал свое тело, как сжалось небьющееся сердце от острой, как нож, тревоги.

— Затем, что это в его силах, Аннукар. Она будет страдать целую вечность, пока Белендар не смилостивится над ней и ни развалится на куски. Тебе безразлична собственная судьба, так может Кларисса заставит тебя задуматься?

Свет. Он проникал все глубже в душу Аннукара. Он жег ее изнутри, плавил, менял ее по своему образу и подобию.

— Что ты хочешь, Свет? — спросил Аннукар, терзаясь невыносимой болью.

— Стань посланником моей Воли, — ответила безлика стихия. — Уничтожь

Фабиана. Принеси покой Белендару, и ты спасешь свою возлюбленную. Воля Моя будет тебе опорой и мечом. Сокруши своих врагов, и ты вновь встретишься с Клариссой. Ты согласен, вампир?

Лицо Бральди озарилось внутренним светом. Солнечный нимб окружил его голову, и в искаженных яростью глазах сияли звезды.

Его спутники вскочили на ноги, не зная, что делать.

— И что это такое, Ангус? — крикнул Башет, все глубже вжимаясь в стену.

Инстинкт подсказывал ему, что от той твари, в которую книга превратила его брата, нужно бежать как можно дальше. Но разум удерживал беснующегося Зверя, не давая ему выпрыгнуть в единственное окно и умчаться куда подальше.

— Это... я не знаю! — закричал Барон.

Жуткий ветер скользнул через окно, подняв настоящую бурю внутри башни. В это мгновение Кларисса решила заглянуть в глаза своему ужасу. И увидела в нем того, кого поклялась забыть, как страшный сон. Осанка, выражение лица, все это навалилось на нее грузом прошлого. И радость пронзила ее сердце.

— Аннукар? — спросила она.

Озаренный внутренним светом вампир посмотрел на нее. Сперва свысока, как на ничтожное животное, путающееся под ногами, но потом что-то переменилось внутри светозарного. На его лице появилась улыбка. Столь нежная и сильная, что душа воительницы разрывалась на части.

— *Кларисса*, — не своим, возвышенным голосом произнес вампир, — *Я вспомнил. Я вернулся в Белендар.*

— Аннукар!

Вампиресса бросилась к своему давнему возлюбленному. Ее тело чувствовало тепло, исходящее от прежде незнакомого, ненавистного, чужого существа. Она уверяла себя, что это лишь совпадение. Что чудес на свете не бывает.

Но он здесь. Стоит рядом с ней, его руки обнимают ее, и свет былых воспоминаний проникает все глубже в память, выжигая занавес, сотканный беспамятством Пробуждения. Она стала той, кем была тысячи лет назад. И он изменился. Но был все тем же вампиром, ради которого она видела смысл жить.

— Эльза, что происходит?! — закричал Ангус, пытаясь удержаться на ногах. Сильные толчки сотрясали башню, грозя ей обрушиться с высоты на холодную землю.

Барон смотрел, как неподвижно стояли Бральди и Кларисса, зверь, привязавший его узами крови, и жительница Сладкой Башни, которая ласкала его столетия подряд. Он видел перед собой других существ, древних, могучих, соединившихся спустя долгое время мощью всесокрушающей стихии.

— Старый Барон вспомнил! — смеялась пророчица, и тьма, почти не сходявшая с ее глаз, улетучивалась из ее хрупкого тела. Эльза подбежала к возлюбленным и без страха перед смертоносным Светом заключила их в объятия. — Радуйтесь, дураки! Бегите к нам!

— Что?! — удивился Башет.

— Шевели мослами! — выкрикнул Ангус, в один прыжок обхватив озаренных Светом сородичей.

Даже Фрегги сообразил, что бежать из разрушающейся на глазах башни бесполезно. Прижав уши, пес проскочил мимо ошеломленного Башета и пушистой дугой прижался к

вампирам. Золотые лучи обхватили и его, ни причинив вреда.

Башет все еще сомневался. Страх и слухи говорили ему, что прикосновение Света — верная смерть для всех Пробужденных. Но то, что он видел своими глазами, полностью противоречило доводам разума.

— Ай, была — не была! — закричал вампир и бросился к озаренным.

Кин мчался во весь опор навстречу дрожащему замку. Шаман призывал всех бежать туда как можно быстрее. Его цепкие лапы цеплялись за корни и скрюченный стволы пронзивших город деревьев, оборотень с каждым прыжком приближался к цели.

И как только дикарь подобрался к внутренним воротам, сильный ветер ударил ему в морду. Оборотни остановились, не решаясь двинуться дальше.

— Он идет! — громовым голосом вещал Фалкор, стуча ногами-корнями по разбитой дороге. — Готовьтесь, братья! Светлый Лик идет к нам!

Древние стены начали разваливаться на части, несколько огромных камней упали перед воинами пустошей. Оборотни начали отступать, но говорящий дуб приказывал стоять и ждать. Вся армия одержимых Жизнью существ присоединилась к встрече древнего гостя.

Когда ветер стал совсем невыносимым, сбивая с ног и отбрасывая жителей лесов и пустынь от замка, в главную башню с небес ударил луч света. Она рассыпалась под натиском древней стихии, воины вздрогнули, но шаман лишь смеялся и ликовал.

— Узрите Светлого Лика, братья! — кричал он. — Слушайте волю его!

Через мгновение небеса разверзлись, и палящий жар солнца ударил по земле. Все пространство вплоть до сторожевых стен озарилось ярким золотым светом. Дикари смеялись и кричали, ибо Жизнь расцветала. Радость танцевала в их душах победную пляску.

Они узрели Светлого Лика!

Он одарил их своей милостью!

Эпилог

Архимаг Молох сидел в своих покоях и курил трубку. Сквозь мозаичные стекла он видел, как в далеких краях, один за другим вспыхивают Прорывы Света. Он боялся себе представить, что сейчас творится в тех землях, где раньше царила смерть, где магия была уродлива настолько, что была абсолютно неподконтрольна ни волшебникам, ни слугам Богов.

Странное будущее предвидел для этого мира Зеин. Неужели Белендар наконец очистится с помощью первородной мощи, что двигает все мироздание? Может быть да, а может и нет. Это уже не важно. Волшебник сделал свой выбор.

— Как думаешь, они выжили? — спросила Нефертари, прикладываясь к изящному стеклянному бокалу. Наполнением же служило дурманящее варево стоящего подле нее Вальдрана. После каждого толчка земли Архимаги делали по глотку, абсолютно позабыв про прошлые разногласия и мелкие склоки.

— Не знаю, — ответил северянин, подливая волшебнице еще питья. Вновь вздрогнула земля, и колдуны звякнули сосудами и пригубили дурман. — На моей памяти еще никто не пережил Прорыв.

— Значит, это были не сказки?

— Теперь уже нет, сестра, — сказал Молох, поднявшись с кресла.

Маг подошел к своим братьям, окутав их дымом. Не обращая на это внимания, Вальдран наполнил еще один бокал из своей фляге и предложил ее Молоху. Тот молча

принял питье и залпом опорожнил сосуд. На лице его не отразилось ни единой эмоции.

Стоит поберечь радость в закромах сердца.

В ближайшие годы ее явно не предвидится.

Больше книг на сайте - Knigoed.net